

Олег
ХИМАНЫЧ

Главный спасатель в Северном пароходстве

Именем Валерия Коковина архангельские моряки нарекли своё новое судно

На борту сухогруза, недавно приобретённого Северным пароходством в Голландии, появилась надпись – «Капитан Коковин», а у меня повод рассказать об этом заслуженном моряке. Моё знакомство с ним не было очень уж тесным: я время от времени ходил в Арктику и тогда встречался с Валерием Петровичем в службе мореплавания, которую он возглавлял. Сколько всего их было, наших встреч, не считал и точно не скажу, но их хватило, чтобы остались впечатления.

«Ливанский грек» на Яграх

А свела нас с Валерием Петровичем... катастрофа парохода «Эмерти-Диотисса». Дело давнее, но северодвинцам моего поколения и старше, известное. Осенью 1965 года на отмелях в северной части острова Ягры неожиданно появился... пароход. Это в районе, который никогда судоходным не считался, вообще лежал на приличном удалении от фарватеров Архангельска и Северодвинска. Поэтому на него сразу обратили внимание, он будоражил воображение. Поговаривали, что это греческий пароход и что в его трюмах некая ядовитая смесь. Им возражали, дескать, пароход арабский, намеренно посажен на мель, чтобы получить страховку от Ллойда...

С расспросами, уже в начале восьмидесятых, я наведалься в службу мореплавания, которой руководил Валерий Петрович Коковин.

– Та осень 1965 года выдалась на редкость ненастной, – рассказал он, – на подходе к Архангельску потерпел аварию «Эмерти-Диотисса» – греческий пароход под ливанским флагом. Шёл он к нам пустой, за лесом. Его капитан принял огонь кумбышевского маячка за свет Белой башни на Мудьюге и направил судно правее, прямо на Ягринские кошки. Когда понял ошибку, было поздно: сильный ветер и накат не дали пароходу уйти из опасного района. Вскоре начался отлив, и корабль прочно застрял на мели... Послать ему на выручку мощные буксиры мы не смогли – они в то же время и неподалёку спасали пассажирский теплоход «Вацлав Воровский», которого штормом выбросило за бровку Мудьюгского канала. Вызволили его лишь на пятые сутки. Только после этого бросились к греческому пароходу. Поначалу думали завести стантовые якоря, гини, размыть канал к аварийному судну, но того уже далеко занесло на мель. А уже начинались осенние штормы...

– Значит, решили отступить?

– Поговорил я с капитаном «Эмерти-Диотиссы», и мы пришли к выводу, что судно надо поки-

Теплоход «Капитан Коковин» в Архангельске.
Фото Виталия Вашуткина

СЕВЕРА

04 (110), 2017

издаётся с 1997 года

XX лет
с читателями

Этнополитический и литературно- художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Шеф-редактор
Евгений БОГАЧКОВ

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)
Александр ПИЛЯСОВ (Москва),
Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва),

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Александр ДОРОФЕЕВ

Обложка:
1 стр. - Рыбный промысел;
2 стр. - Работы косторезов Севера;
3 стр. - Работы Азата МИННЕКАЕВА;
4 стр. - Фото Юрия ОВЧИННИКОВА.

Подписано в печать
17 августа 2017 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

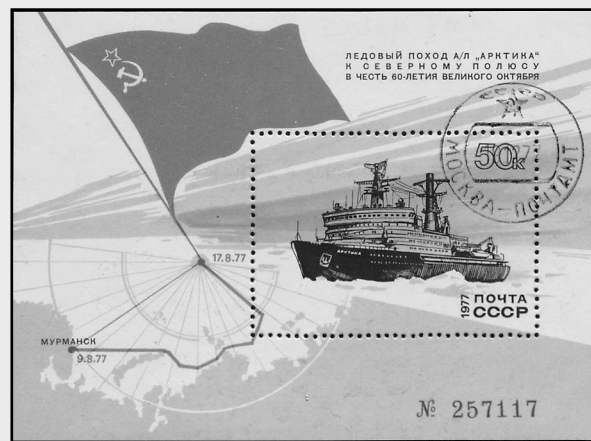
Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6
Тел./факс: 8(495) 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ № 1136к

17 августа исполнилось 40 лет с момента первого достижения надводным судном географической точки Северного полюса. Этот исторический рейс в 1977 году совершил советский атомный ледокол «Арктика» под командованием капитана Юрия Кучиева.

Содержание:

01 <u>ГЕРОЙ АРКТИКИ</u>
Олег ХИМАНЫЧ
Главный спасатель
в Северном пароходстве	41 <u>НЕИЗВЕСТНАЯ КОЛЫМА</u>
Борис САВЧЕНКО
Театральные огни
юности
06 <u>БОРЬБА
ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ</u>
Александр ЛАТКИН
Серое торжество	52 <u>СВЯТАЯ БОЛЬ</u>
Василий БАРГАЧАН
Сегодня по-эвенски
невозможно объясниться
даже в любви
09 <u>ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ</u>
Николай НИКИТИН
Поход Ивана Москвитина	54 <u>МОРСКИЕ СТРАНСТВИЯ</u>
Леонид ТАТАРИН
У Берега Скелетов
13 <u>КАК ЭТО БЫЛО</u>
Иван МЕДВЕДЕВ
Реквием по адмиралу
Франклину	64 <u>КРИК ДУШИ</u>
Светлана ГРИНЬ
Жить за двоих
15 <u>КРОВАВЫЙ ВЕК</u>
Александр ПЕТРУШИН
Выборы – 1937	75 <u>У НАШИХ СОСЕДЕЙ</u>
Сергей ПУТИЛОВ
Русский вопрос
в Финляндии
20 <u>БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК</u>
Наталья БОГАЧЁВА
Сапёры-моряки
шли впереди...	76 <u>ВЕЧНЫЕ КНИГИ</u>
Таисия ДЖАФАРОВА
Стихия воды
в «Калевале»
28 <u>НЕ НАДО ВРАТЬ</u>
Пётр Цыбулькин
Изменившие масть	78 <u>ФИНСКИЙ ТРИПТИХ</u>
Когда сходит тоска
Ханну МЯКЕЛЯ
Юрки К. ИХАЛАЙНЕН
Энни ХАУКИО
32 <u>АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ</u>
Анатолий БЕЛОКОНЬ
История бунта Саблина	

Валерий Коковин – заместитель начальника Северного пароходства по безопасности мореплавания, 1978 год. Фото из архива Олега Химаныча

дать. Владелец тоже сообщил, что отказывается от всех прав на «Эмерти-Диотиссу». Так пароход в двенадцать тысяч тонн стал нашей собственностью.

– Хорошо помню, как он маячил у нас на Яграх...

– Три года стоял он на отмелях, пока мы не решились прибрать его к рукам. Год прикидывали как управиться с такой горой железа. Сначала хотели разрезать его автогенном прямо на месте ЧП, но потом обратились в Архморпуть, чтоб «подкопаться» под грека. Там подумали, подсчитали и сказали, мол, под самого «грека» подкопаться нельзя, а около можно. Грандиозная работа! Земснаряд прорыл канал сначала к судну, а затем вдоль борта, сделал и котлован, в который буксиры стянули злополучный пароход. Это только сказка быстро сказывается, а дело делалось долго и трудно, больше месяца. Операция уникальная, во всяком случае, не помню подобных при снятии судов с мели здесь, на Севере. А дальше, как говорится, дело техники: пригасили «грека» на завод

«Красная кузница», там его и разделали, сдали «Вторчермету».

Та моя встреча с Валерием Петровичем была первой, но не последней.

Придумщик «ледовых причалов»

Весной 1987-го я собрался на Варандей. Шли мы туда из Архангельска на «Пионере Литвы». Рейс выпал с выгрузкой на припайный лёд – необычный для меня. Для моряков же – будничным, они именовали такие «ледовыми причалами». Их суть: геологам нужно доставить тяжеловесы, и не летом, когда разверзнутся местные хляби, а когда они схвачены стужей. На берегу тундры причалов нет. Поэтому задача такая – подойти максимально близко к берегу, выгрузиться прямо на лёд для тракторного волока грузов на берег. Такие опыты уже были – на Земле Франца-Иосифа. Но там припайный лёд мощный, в два метра, а на Варандее – нет и метра. Иными словами, «Пионеру Литвы» предстоял сложный «десант». В числе «придумщиков» таких операций был и капитан Валерий Петрович Коковин. Тогда снова приехал к нему. По обыкновению раскатали на столе карту, нашли Варандей...

– Сложный район, глубины здесь малые, и случается, зимой промерзают до самого дна, – сказал Валерий Петрович и добавил, – Поведёт вас, скорее всего, «Диксон», а на нём Фартусов, он умеет резать каналы, кормой...

– Не форштевнем? Кормой?

– Если рубить атаками, форштевнем, стенки канала ломаются. Если наезжать кормой, винты сработают как буры, и стенки будут чистенькие – аккуратно, плотно станете...

Так, кстати, и вышло. Уже в Баренцевом море нас взял под проводку ледокол «Диксон», а его капитан – Евгений Фёдорович Фартусов ювелирно проторил «Пионеру» входной канал в припае...

С небес и на море

Многое повидал Валерий Петрович, и не удивительно, что историй, часто похожих на легенду, витало вокруг него множество. Одну я услышал ещё до знакомства с ним...

Пароход «Эмерти-Диотисса» на мели у острова Ягры, 1966 год. Фото из архива Олега Химаныча

Оба деда Коковина были поморами-мореходами, но Валерий ещё подростком мечтал о небе, хотел поступать в лётное училище. Отговорил его никто иной, а известный полярник Иван Папанин, который самом начале войны оказался на кратковременном отдыхе в Копачёво. Валерий с другом, бывшие здесь на сельхозработах, часто виделись с Иваном Дмитриевичем. «Тебе сначала надо матери помочь. Да и зачем тебе, куда-то ехать, когда мореходка под боком», – примерно так сказал Валерию Папанин. И выходит, с его благословения, Коковин стал моряком – поступил в Архангельский морской техникум, уговорив комиссию, забыть про год, которого ему не хватало по возрасту.

Жили Коковины в районе лесозавода №3 – далеко от места учёбы. А была война, и городские трамваи зачастую стояли. Тогда пешком вдоль стальных линий почти каждый день приходилось одолевать с десятков километров. В конце концов, усталость и жуткий архангельский голод свалили паренька.

Спас Валерия английский военврач, оказавшийся по делам службы в Архангельске. Жил он в гостинице «Интурист», в которой работала и родственница курсанта Коковина. Она-то и обратилась за помощью к чужеземному офицеру. Тот оказался отзывчивым человеком – съездил в отдалённый посёлок, осмотрел мальчишку и стал не только лечить, но и присылать ему обеды из «Интуриста». Порой и такую помощь оказывали нам английские союзники.

С 1944-го Коковин в море: матрос-практикант на пароходах «Свяга» и «Будённый» в рейсах внутренних арктических конвоев. Ещё через пару лет – уже штурман. А штурманов не хватало, и потому они быстро «росли и взрослели». Всего через семь лет Коковин уже капитан пароходов «Мудьюг», «Днестр», «Петровск», «Елец», теплоходов «Восток-5», «Селенгалес» – богатая практика каботаж и заграничного фрахта...

Диспетчерская на дому

С 1964-го Валерий Петрович Коковин – заместитель начальника пароходства по мореплаванию, руководитель спасательных и ледовых операций. Новой для себя должности он опасался – как бы не застрять в кабинете, не утонуть в бумагах. Но уже вскоре жизнь показала, насколько он заблуждался. Беспорядочных хлопот выпадало с избытком, причём зачастую происшествия требовали срочных выходов, прямо к месту аварии. А беда на море, как известно, приходит без разрешения и, который час, не спрашивает. И потому была ещё «диспетчерская служба» на дому у Коковиных – с телефоном на длинном проводе (чтобы хватило до изголовья постели) и со шкафом, где внушительный комплект навигационных карт. Раскатает, бывало, их Валерий Петрович на столе, а то и на полу, и телефон тут же – для диктовки радиограмм. Если же нужной карты дома не оказывалось, ночь – не ночь, выходной – не выходной, тогда бегом на работу, в пароходство...

О стиле работы капитана Коковина в чрезвычайных ситуациях коллеги вспоминают: «Всегда подтянутый, стройный, чисто выбритый, аккуратен одетый... Все его команды, указания и замеча-

ния были продуманными, чёткими, словами и тоном, не унижающими достоинство, а потому выполнялись беспрекословно».

По штормовому аварийному делу на окрик сорваться – почти не грех, но, «потрясать кулаками» перед своим оппонентом Валерию Петровичу было не свойственно. А вот за других, как вспоминают коллеги, Коковин решительно вступался. Будучи президентом Ассоциации северных капитанов, многих защитил от несправедливо жестокого наказания, прежде стремился образумить, обойтись без повышенных тонов, многим помог с жильём.

Даже когда Коковину было уже за восемьдесят, свою флотскую выправку он держал. И никогда не суетился, и, казалось, не нервничал. К слову, и я тоже помню, разговаривал Валерий Павлович степенно, даже чуть протяжно, и казалось, оттого его слова приобретали особое значение, вес...

Поведать о былом

Признаться, много слышал сожалений, что Валерий Петрович, когда был ещё при здравии, не написал книгу, мол, теперь с ним ушёл целый пласт истории Северного пароходства. Жена его – Оксана Павловна, конечно, молодец – книгу о муже написала, но чувствуется, строки не от Валерия Петровича – он бы иначе рассказал...

Уже при первой нашей встрече обратил внимание: Валерий Петрович сам умелый рассказчик. Иные его знакомые мне потом признавались, мол, иногда на магнитофон записывали его житейские бывальщины и морские байки – настолько они занимательны. Собственно и убедился в том, когда услышал миниатюры Валерия Петровича из капитанской практики – своеобразные и с юмором. И этот дар у него, возможно, по наследству – он же состоял в близком родстве с Евгением Коковиным – автором знаменитой повести «Детство в Соломбале».

Скажем, вспоминается рассказ из того времени, когда Валерий Петрович ходил ещё старпомом на «Профсоюзе» – беломорском каботажном пароходике...

«Плавали мы на «Профсоюзе», плавали, да и ходили мы в реку Несь... (лесотундровая река на юге Канинского полуострова, всего-то 151 километр. – Прим. О.Х.). Она сложная, мелкая. Туда только наш пароходик и мог протиснуться. Да и то раз в год, в июле и в сизигу. Лоцманов, конечно, никаких! Обычно придём в устье, и к нам три местных мужика приезжали. Один залезал на верхний мостик, а двое становились каждый на своём крыле, чтоб подсказывать капитану... Плывём. Который сверху: «Прямо, прямо...». А тот, который справа: «Право, право...». И слева мужик: «Левей, левей...». Но добирались-таки до места, привязывались к «мертвякам» или к коряге какой и выгружались на пастбищный луг. А на отливе садились на мель, благо «Профсоюз» плоскодонный...»

Или такая история Валерия Петровича о поморских обычаях...

«Уж у поморов всегда и до сих пор правило – бабе руль доверять нельзя. На карбасе они там вдоль бережку плывут, скажем, из Яренги в Лопшеньгу или

куда-нибудь из Нёноксы в Сюзьму, дак, какая-нибудь Пелагея, значит, гребёт, а он, мужик рулит. Потом говорит: «Дак, что, Пелагея, никак устала?» Она ему: «Дак, как не устала, котору версту уж гребу...». Он: «Дак, давай, отдохни...». Значит, пёхаются карбасом в берег. Он потом: «Ну, да никак отдохнула?». Она: «Да уж вроде отдохнула...». «Ну, давай, опять садись...». Вот такие поморы – мужик только на руле, а бабы – только на вёслах».

Впрочем, сам помор Валерий Коковин к жене своей относился иначе – бережно и тем, как не раз доводилось слышать, пример другим подавал. Сам-то он, к слову, привёз свою жену в Архангельск одновременно с... винтовкой. И здесь у Коковиных такое семейное предание...

Был моряк Валерий Коковин в городе Калинин на соревнованиях и там, в городском саду познакомился с девушкой. К слову, он в тот вечер на танцы и не собирался – хотел отдохнуть после тренировки, но друзья уговорили пойти. Оксана ему понравилась, и он её замуж позвал сразу. Она ему, мол, надо бы узнать друг друга получше. А он якобы ей ответил: «Узнать получше не получится потому, что уже завтра уезжаю в Архангельск, а там ухожу в море». Но самое главное: «Я посмотрелся, как страдают моряки от неверных жён. А ты чистая, скромная, такую жену мне и надо». В общем, привёз Валерий Петрович в тот раз домой и супругу, и винтовку – главный приз в соревнованиях по стрельбе. Как принято, расписались, а вскоре и обвенчались. Это был год 1952-й – разгул богоборчества. Но моряка и молодую учительницу это не остановило. Поехали в Рязань и там дядя Валерия, который служил в церкви, их обвенчал. И дальше прожили супруги Коковины свой долгий век в согласии, воспитали двух дочерей.

Заступник Святой Николай

Последний раз мы встретились не в кабинетах службы мореплавания, а в холле пароходства, где ветеранам торжественно вручали медали к юбилею ЭПРОНа – знаменитой организации советских спасателей. Валерий Петрович был уже на пенсии, но в тот день награду принимал по праву поскольку имел на профессиональном счету спасённые корабли и людей.

Меня он узнал – сам подошёл, мы тепло поздоровались. Жаль с беседой не сложилось – и торжество к ней не располагало, да и сам Валерий Петрович посетовал на свой слабеющий слух...

Про заслуженный отдых супруга Коковина рассказывала: «Валерий Петрович стал другим человеком. Его изменили Вера и Богопознание. Это уже не тот молодой, общительный, разговорчивый человек. Он потерял слух, больше молчит. Говорит, что всё сказал. Не смеётся и не рассказывает весёлых историй, не поёт задорных песен...».

Капитан парохода «Профсоюз» Валерий Коковин (второй слева). А первым, рядом с ним легендарный и многолетний руководитель Северного Морского пароходства Сергей Кузнецов, конец 50-х. Фото из архива Олега Химаныча.

Здесь перескажу другое семейное предание Коковиных: ещё в войну, провожая Валерия в первый рейс, его мать – Серафима Георгиевна зашила сыну в подкладку кителя медную иконку Святителя Николая, с которой моряк Коковин потом не расставался всю жизнь. Так что Оксана Павловна была убеждена – и в войну, и позже, и не раз именно заступничество Святого спасало Валерия Николаевича...

О «Вере и Богопознании» старого капитана Коковина позже мне говорили и его коллеги. Но не оценивали произошедшие в нём изменения, как нечто странное. Верно, помнили истину: «Кто в море не бывал, тот Богу не молился».

* * *

КОКОВИН Валерий Петрович (1928–2013). Архангельский капитан. Всю жизнь был связан с Северным морским пароходством. Участник арктических плаваний Великой Отечественной войны. Окончил Архангельское мореходное училище в 1946 году, а впоследствии ЛВИМУ имени С.О. Макарова (1962). С 1955 года – капитан. С 1964 по 1988 годы – заместитель начальника Северного пароходства по мореплаванию. Первый президент Ассоциации северных капитанов. Действительный член Географического общества СССР (России), избирался в районный и городской Совет депутатов. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны II степени, «Знак Почёта», медалями, удостоен знака «Почётный работник морского флота», дважды звания «Лучший капитан ММФ». Почётный гражданин Архангельска (1993). Похоронен на Соломбальском кладбище.

Александр ЛАТКИН

СЕРОЕ ТОРЖЕСТВО

1.

У каждого явления простая истина – причина!

В народной философии: нужда.

Без причины ничто не происходит и ничто не исчезает.

В нашем явлении, причина – человеческие отношения, нивелирующие государственные законы, низводя до уровня обычных (неискоренимых, но сдерживаемых обычаев социума).

Иллюстрация. Государство проиграло битву в потребительской сфере – с производством нелегального алкоголя, именно на **районном уровне**.

Даже во время правительственной реакции на Иркутскую трагедию (отравления спирто-содержащими жидкостями), поставка покупателям «палёнки» исправно продолжалась.

Ситуация искусственная из-за тупости чиновников, ратующих за повышение цен на водку! Спрос становится велик. И предложение, уже естественно, возрастает.

«Серость» торжествует!

При разумном отношении, проблему можно бы решить быстро. Кому-то сие не выгодно?

На районном уровне, ещё раз подчёркиваю, государство проигрывает в сфере «трудовых отношений» битву за конститу-

ционный строй против «серой экономики».

2.

Тщетность усилий правительства добиться «сохранения и развития традиционного образа жизни малочисленных народов» понятна. Главная причина – в природопользовании.

Вся территория компактного проживания эвенков «захвачена» несколькими людьми «серой экономики». Использовались процедурные законы, тот же № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», распоряжения и приказы, регламентирующие создание ЧП, ООО, КПК и тому подобное, игнорируя, например, конституционный закон «О гарантиях прав малочисленных народов» № 82-ФЗ.

Как вести эвенкам традиционный образ жизни? И, главное, где?! В огороде? Ведь вся тайга поделена меж «охот.пользователями»...

Почему так произошло?

3.

Возьмём Забайкальский край – два северных района: Тунгиро-Олёкминский и Каларский.

Вся деятельность в районах сведена к охотничьему про-

мыслу. Ведут её ООО «Тунгирохота» и ООО «Эрен». Результатами (ООО «Тунгирохота») пользуются (официально!) три человека. В ООО «Эрен» (Каларский район) из четырёх человек, два – из «Тунгирохоты».

В третьем районе – Тунгокоченском – картина такая же, хотя и странно запутанная.

Суть системы: соответствовать интересам, имеющих особое положение в современности на **районном уровне**.

Главенствующее значение Система отводит «прикормке» ответственных лиц. Начиная от предоставления хорошего участка (многие из них охотники). И до главного: снабжение качественным диетическим мясом, рыбой.

Жизнь на «северах», если не пристроиться к «кормушке», чрезвычайно дорога!

«Угощение» приводит к колоссальной экономии денежных средств, с минусом затрат на ягоду, на мясные и рыбные продукты – 90%.

4.

В 2005 году охотников-промысловиков официально числилось 31 436 (Забайкальский край) и до 200 тысяч человек зависимых от результатов охоты. Сейчас эта цифра увеличи-

04 / 2017

лась на треть, начиная с 2009 года, когда 26 юридических лиц и 4 индивидуальных предпринимателя получили долгосрочные лицензии на охотпользование.

На 35 лет!

Все охотничьи угодья заняты и в ближайшие 30 лет эвенкам, которые сейчас учатся в 11 классе, заняться традиционными видами деятельности возможности не будет. Мы попробовали разослать заявления в эти самые ООО, с просьбой предоставить участки, хотя бы в течение 5–7 лет. И отовсюду получили отказ: всё занято! И на перспективу тоже...

5.

В России 4,4 млн человек, имеющих охотничье оружие. Большинство задействованы в промысловой охоте, узурпированной «ООО» и другими предприятиями.

Все они под незыблемой защитой власть имущих.

С такими же твёрдыми утверждениями чиновники бросаются на защиту подобных предприятий «ООО» в других регионах...

А ведь речь, по большому счёту, идёт не только об этих обществах-паразитах, **исключивших возможность национального бытия эвенков**. Нет. Они лишь очевидный факт.

«Серая экономика» буквально опутала жизнь, захомотав чиновников, прокуроров, полицейских, образование, медицину, торговлю, лесную промышленность... Ничего не меняется. Что-то там прошамкают министры, проведут два-три мероприятия и успокоятся надолго, чем-то занятые таинственным... Везде поборы, неоправданные цены, низкое качество, ложь, показуха, рвачество, «крышевание» и «семейственность».

6.

В Тунгиро-Олёкминском районе Забайкальского края, как Вы уже поняли, царствует ООО «Тунгирохота». Хозяев три человека. Директор/учредитель **Горошко Владимир Викторович**, учредитель **Сапов Юрий Николаевич** (глава

района), учредитель **Ефанова Тамара Михайловна**.

В Каларском районе ООО «Эрен». Директор/учредитель **Крестьянников Андрей Николаевич**, учредитель опять **Горошко Владимир Викторович** (он же директор/учредитель ООО «Тунгирохота» в Тунгиро-Олёкминском районе), учредитель **Сапов Юрий Николаевич** (глава администрации Тунгиро-Олёкминского района), учредитель **Зарубина Валентина Леонидовна**.

Вот пятеро сейчас незыблемые «хозяева» древней эвенкийской территории...

7.

Подобные предприятия, ООО «Тунгирохота», ООО «Эрен» и др. применяют простенькую схему уклонения от налогов и страховых взносов, эксплуатируя работников (охотников) без трудовых контрактов.

Есть работа, есть хозяин, есть рабочее место, есть продукция, есть денежно-товарный оборот... А работника, в законном смысле, нет!

Для сего используется (по «дышловому принципу») Федеральный закон № 209-ФЗ «Об охоте...», вернее, статью 14 Закона. А статья даёт лишь наличие понятия «любительской» и «спортивной» охоты, хотя ни сам Закон, ни юристы – консультанты е могут объяснить разницу между ними.

Надо понимать важное для нашей ситуации, что не существует законодательно ни охотников-любителей, ни спортсменов-охотников, ни промысловиков-охотников.

Есть физическое лицо, сведения о котором содержатся в государственном охотхозяйственном реестре (см. ст. 20), определяемое единым понятием «охотник».

Данное лицо, конечно, может воспользоваться услугами в сфере охотничьего хозяйства, осуществляя любительскую или спортивную охоту. Но в отличие от промыслового процесса, при этой разновидности охот-

пользования, охотник эксплуатирует юридическое лицо или индивидуального предпринимателя **в своих интересах**, когда как при промысле наоборот эксплуатируется **работник, приравненный к «охотнику»**.

И всё равно на эту сомнительную лазейку (ст. 14) и сделали хитроумную ставку дельцы, обманывающие, при помощи разнообразных чиновников и службистов, государство и людей.

8.

По факту тысячи людей находятся в незаконной ситуации, когда охотники, исполняя промысловую охоту, являются на самом деле «работниками юридического лица или индивидуального предпринимателя» (ст. 20, часть 2).

При этом законное понятие «охотник», в данном случае, применяется как поясняющий термин, что «работник, выполняющий обязанности, связанные с осуществлением охоты»... **приравнивается к охотнику**.

То есть мы имеем дело с «работником» предприятия, всецело подпадающего под Трудовое законодательство РФ.

Практически во всех «ООО» и других предприятиях охотпользования, за работником, на постоянной основе, закреплены охотничьи участки (место работы), у большинства уже много лет. С ними заключаются, правда, незаконные договора (наряд-задания) на полный цикл промысловой охоты с октября текущего года и по 28 февраля следующего. Для нас важно, что данный документ, независимо от его законности, вольно или не вольно, подтверждает, что «работник» нанят на работу. Кроме этого, на работника наложена, как на штатного, функция регулирования добычи объектов животного мира, учёта, ответственности за данные, а также обустройство участка и т.д.

Это уже, как Вы понимаете, не услуги, а **ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ**. А они могут осуществляться исключительно по

статье 15 Трудового Кодекса РФ. И должны основываться «только на установленном законом соглашении (все остальные договора – ничего не значащие бумажки, джентльменский уговор) между работником и работодателем за плату поручаемой трудовой функцией, с указанием вида поручаемой работнику».

9.

Как только происходит возникновение ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, физическое лицо обретает статус НАЁМНОГО РАБОТНИКА. А юридическое – РАБОТОДАТЕЛЯ.

Работодатель обязан заключить Трудовой договор (контракт), после окончания календарного года, он, принявший и оплативший продукцию работы (пушнину и другие продукты охоты), должен предоставить в свою налоговую инспекцию сведения о доходах, выплаченных в прошедшем году. И внести в государственную казну положенные Законами РФ налоги и выплаты.

Что касается работников, приравненных к охотникам. Они приносят, например, ООО «Тунгирохота», им владеют три человека, денежную выручку ежегодно от 6 до 9,5 млн рублей. А охотпользователи угрожают ещё и навесить на них налоги. С них станется! Просто надо знать, что работник платит один-единственный налог (НДФЛ) на личные доходы – 13%. И работодатель не может перекидывать на работников другие законные выплаты.

10.

Заместитель председателя правительства Забайкальского края **Д.В. Кочергин** и Министерство природных ресурсов края (министр Волков) встали в нерушимую позицию: «Свою деятельность ООО «Тунгирохота» осуществляет в соответствии с уставными задачами общества в рамках действующего законодательства».

По данным государственного охотничьего реестра штатных охотников-про-

мысловиков не имеет, а охотники-любители осуществляют охоту на данной территории на **ДОГОВОРНЫХ УСЛОВИЯХ с охотпользователем...**

Как мы видим, трудовые отношения реально существуют!

И существует распоряжение Правительства Забайкальского края № 65, что данное предприятие должно заниматься законно «**ведением охотничьего хозяйства и охотпромысла**».

Обращаемся в Краевую прокуратуру.

Проверкой, протянув месяц, занялась Могочинская межрайонная прокуратура.

Получаем ответ. Глазам своим не поверили. «Филькина грамота»! Ни слова о схеме уклонения от налогов и незаконного эксплуатирования охотников.

«**В ходе проверки установлено, что планы добычи усугубляются лимитами... Согласно установленным лимитам выдаются лицензии на охоту... Учётные мероприятия проводятся ежегодно, рейды осуществляются... Выявленные браконьеры привлекаются и к уголовной и к административной ответственности...**»

И прочая белиберда, никакого отношения к сути обращения не имеющая. Кроме того, то ли по юридической небрежности, то ли специально произведена подмена фактов (ссылка, например, на другой кодекс, хотя нами обозначен иной) и понятий (замена значения «охотник» на «любой желающий»).

Проводил проверку заместитель межрайонного прокурора **А.В. Шпинёв**.

И его вывод: «**Таким образом, оснований для принятия мер прокурорского реагирования не имеется.**»

11.

Не может быть никаких других вариантов трудовых взаимоотношений (а таких ООО и прочих по Сибири полным-полно!), с кем-либо, с бомжем, с охотником-любителем, пенсионером, космонавтом (см. статью 15 Трудового Кодекса). И ника-

ких иных соглашений, позволяющих уклонение от налогов: «**Заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем НЕ ДОПУСКАЮТСЯ.**»

Проверка законности действий ООО «Тунгирохота», прекращённая Могочинской межрайонной прокуратурой, возобновлена по распоряжению Генеральной. Правда, проверкой должна заняться... опять та же Могочинская прокуратура!

А «оборона» всё крепчает и, похоже, изменений ждать не приходится. Недавно в прокуратуру Каларского района по поводу уклонения от налогов ООО «Эрен» направлено обращение.

Ответ прокурора **Бадмы Сергеевича Доржиева категоричен: «Сообщаю, что в настоящее время ООО «Эрен», директор Крестьянников А.Н. не осуществляет деятельность на территории Каларского района...**

Трудовых отношений с гражданами, зарегистрированными на территории Каларского района ООО «Эрен» не имеет.

В связи с этим, оснований для принятия мер реагирования не имеется.

А вот справка из администрации Каларского района: «**Штатных охотников в Каларском районе нет! Охотники-любители – практически всё взрослое мужское население. С ними работает предприятие ООО «Эрен» – директор Крестьянников А.Н. Он заключает договора с охотниками и т.д.**»

Таким образом, любые усилия добиться законности, государственной гарантии защищённости, чтобы трудящимся шли отчисления в ПФР, страховые выплаты, фиксировался трудовой стаж, немедленно гасятся чиновниками, в том числе работниками Минтруда, МВД, прокуратуры, призванными, как наивно думается, защищать интересы государства.

Николай НИКИТИН

«Словно брешь пробил Ермак в стене, сдерживавшей напор колоссальных, пробудившихся в народе сил, – хлынули в Сибирь ватаги жаждущих свободы, суровых, но бесконечно выносливых и безудержно смелых людей... Их можно уподобить горстям камней, брошенным в море: они совершенно терялись в огромной стране, населённой воинственными племенами; многие отряды действительно исчезали бесследно, но другие неожиданно всплывали на поверхность где-нибудь на новой, только что открытой реке, в богатых соболем краях, и – глядишь – уже стоит бревенчатый острожек на безлюдном высоком берегу...». Так – ёмко и образно – передал суть событий, развернувшихся в XVII веке на просторах Северной Азии, выдающийся писатель-географ Игорь Забелин¹, и именно этими его словами лучше начать повествование о продолжателях дела Ермака...

ПОХОД ИВАНА МОСКВИТИНА

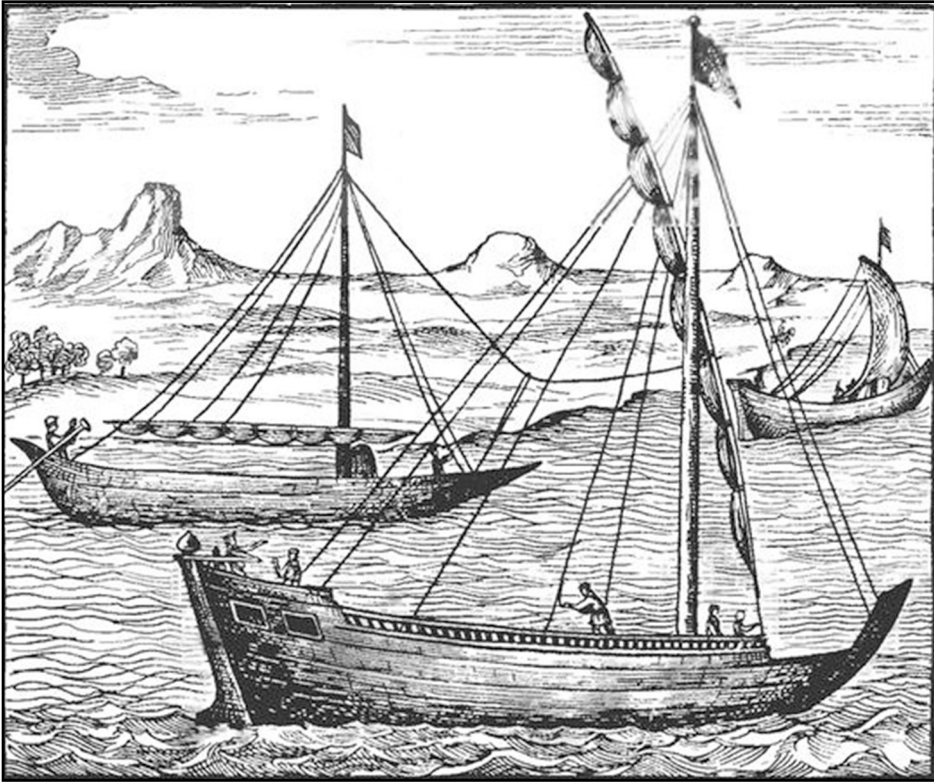
Людей этих позднее назвали землепроходцами, и особое место среди них занял Иван Юрьевич Москвитин. С ним связано одно из самых знаменательных событий российской истории: всего через 57 лет после вступления дружины Ермака в столицу Сибирского ханства русские, преодолев гигантские труднопроходимые пространства, вышли на берег Тихого океана...

«Это было поразительное явление нашей истории, какого не знала больше ни одна страна, – замечает писатель Вадим Сафонов. – И были жизнь и дела землепроходцев героичнее и удивительней приключений воителей с последними моги-канами, о которых рассказал Купер, и тех покорителей Американского севера... которых воспел Джек Лондон². Напомню для сравнения: западноевропейским «пионерам» на пересечение Северо-Американского континента потребовалось около двух столетий...

Ивану Москвитину, первым из русских вышедшему к восточным пределам Северной Азии, было уготовано судьбой завершить великий путь «встречи солнца», начатый легендарным казачьим атаманом Ермаком, но о Москвитине мы знаем лишь немногим больше, чем о Ермаке. Прозвище Ивана Юрьевича говорит о его, видимо, «столичном» происхождении и о том, что за Ура-

лом он, скорее всего, оказался не по своей воле: в Сибирь по собственной инициативе в то время отправлялись обычно жители северных районов Руси. Как и у Ермака, история ярко высветила лишь краткий миг жизненного пути казака Ивана Москвитина, но миг этот положил начало превращению России в тихоокеанскую державу и, стало быть, стал столь важным рубежом в истории освоения Северной Азии, что все причастные к нему достойны быть увековеченными в памяти потомков.

...Экспедиция, участием в которой Иван Москвитин обессмертил своё имя, первоначально не имела цели выйти к морю. Поход был организован в 1636 году томскими властями, прослышавшими о сказочных богатствах только что открытой тогда русскими реки Лены и её притоков, и цель его была обычной – поиск «новых неясных земель». Возглавлял экспедицию атаман Дмитрий Копылов, убедивший местного воеводу, что знает путь на некую «реку Сиверюю», где живут «тунгусы многие», никому пока ещё не подвластные и ясака не платившие. Отряду Копылова из полусотни казаков был придан для канцелярских дел подьячий, а «для пищальных поделок и для всяких судовых дел» кузнец. С немалым трудом, преодолевая противодействие енисейских властей, увидевших в томичах лишь новых

конкурентов, Копылов летом 1637 года добрался со своим отрядом до Лены, спустившись затем по ней к Алдану.

На этих, недавно «приисканных» русскими землях в ту пору одновременно хозяйничали вагаги енисейских, мангазейских, тобольских и «иных городов» служилых людей, оспаривая друг у друга (нередко с оружием в руках) право взимать ясак с местных «иноземцев» и подати с русских охотников на соболя – «промышленников»³. Томские казаки сочли за благо отправиться дальше на восток, где вместо мифической «реки Сиверюи» очутились в реально малообследованном районе – в верховьях Алдана. Там они после ожесточённого столкновения с местными жителями «поставили» острожек в «Бутальской земле» и узнали от одного из тунгусских шаманов, что «близко моря» находится якобы другая богатая и густонаселённая река – «Чиркола», а на ней «гора» с серебряной рудой. В отличие от выдумки про «Сиверюю», это, скорее всего, была вольная интерпретация слухов о землях, лежащих по реальному Шилке и Амуру, и именно она побудила Дмитрия Копылова отправить в поход «к морю» во главе с Иваном Москвитиним часть своего «войска» – 20 томских и 12 (по другим сведениям 11) примкнувших к ним красноярских казаков⁴.

Служилые люди погрузились в один большой струг и поднимались на нём полтора месяца по притоку Алдана реке Мае. Там они оставили своё вместительное судно и сделали вместо него два «стружка», на которых по впадающей в Маю «малой речке» за неделю добрались до волока, а по нему пешком за «день ходу» перевалили горный хребет Джугджур и вышли к верховьям реки Ульи, где сделали новое судно – «бударьку», называвшуюся ими, впрочем, и «стругом».

Плавание по ней вначале проходило спокойно, но потом пошли опасные, труднопроходи-

мые пороги. О препятствиях на своём пути казаки в позднейших донесениях не распространялись, видимо, считая такие испытания обычными, не достойными внимания «высокого начальства». Но мы можем судить об условиях, в которых проходил поход, по свидетельству тех, кто много лет спустя пошёл по следам Москвитина.

...В 1989 году журналист Леонид Репин и двое его друзей во ознаменование 350-летия выхода русских землепроходцев к Тихому океану прошли их маршрутом, отразив своё плавание в серии репортажей⁵. Физически крепкие, закалённые во всякого рода экспедициях молодые люди отправились на большой надувной лодке вниз по течению Ульи. Путь их пролегал по местам, сохранившим свою первозданность, настолько глухим и труднодоступным, что даже зверь там не боялся человека. Л. Репин и его товарищи пустились в плавание с ми-

нимумом запасов, сами добывая себе по пути пропитание. Это сделало их эксперимент в некотором отношении максимально «чистым»: у Москвитина «с товарищи» к 1639 году вряд ли уже оставалось что-то из продовольствия, взятого в своё время в Томске или Енисейске...

Оказалось, однако, что даже в краю непуганого зверья прокормиться одной охотой невозможно. «Не очень-то даётся в тайге добыча. Надо уметь найти её и взять», – сокрушались участники экспедиции 1989 года... Выручала их гораздо более доступная рыба. Так же, видимо, обстояло дело с пропитанием и у москвитинских казаков в 1639 году: они сами потом сообщали, что во время своего пребывания в этих краях «кормились рыбою».

Большой помехой для путешественников явился таёжный гнус. «Летающие вампиры немедля принялись за своё гнусное дело... – вспоминал Л. Репин. – Только на ветру мы жили спокойно, не выковыривая назойливых насекомых из ушей, глаз и ноздрей, а также не выплёвывая их при первой же попытке пожелать друг другу доброго утра». Но главная трудность похода была, конечно же, не в комариных атаках. «Пороги, бесконечные пороги выматывали нас, трепали не только физически, но и морально, вызывая ожесточённые споры, а то даже и ссоры», – напишет по окончании своей экспедиции Л. Репин, не раз помянув до того недобрым словом и перекаты... Тем не менее показательно, что путешественники конца XX века на лёгкой резиновой лодке потратили на путь к морю столько же времени, сколько и их предшественники в XVII веке, шедшие на более тяжёлом и менее маневренном судне.

Как преодолевали пороги и перекаты казаки Москвитина, мы можем лишь догадываться, но досталось им, наверняка, крепко – так, что на

восьмые сутки пути пришлось остановиться, бросить свой струг, по всей видимости в конец избитый о камни, и снова браться за топоры. На этот раз казаки смастерили «лодию». И на ней через 5 дней в конце августа 1639 года они дошли до «большого моря-окияна», который ещё долго потом называли по-тунгусски – «Лама»...

Казацье сообщение об одном из выдающихся географических открытий выглядит настолько буднично-кратким, словно не в диковинку было Москвитину и его спутникам выходить по «неизвестным» рекам к «от века неслышанным» морям. Заглянуть во внутренний мир простого человека того времени вообще крайне трудно: в оставленных землепроходцами «расспросных речах», «скасках» и «отписках» отсутствуют, как правило, даже намёки на какие-либо сантименты. И прежде всего потому, что того не допускал сам характер деловой документации. Но и чувства при определённых условиях можно в известной мере реконструировать. Вот как, например, представил себе обессмертивший Ивана Москвитина миг писатель Игорь Забелин:

«Лес кончился, тайга отступила от реки, густой кустарник ещё тянется по берегам, но потом и он исчезает... И вдруг впереди заколыхалось что-то огромное, тёмное. Казаки выскакивают на берег; перед ними открывается необозримый морской простор... Да, конечно, казаки XVII века – народ далёкий от сентиментальности. Да, конечно, они не понимали и не могли понять исторического значения своего подвига. И всё-таки, я думаю, они были взволнованы видом океана. Это потом, когда составлялся официальный документ – отписка, сообщение об открытии вылилось в такую непритязательную, короткую строчку. Но ведь они, эти казаки, были жителями Томска или Красноярска, уроженцами Великого Устюга, Соли Вычегодской или Москвы, они слышали про «море-окиян» только в далёком детстве, в бабушкиных сказках, да недавно узнали из скупых рассказов якутов, что оно, это море, находится где-то поблизости... Представьте себе, как эти суровые бородачи стояли, опершись о пищали, и смотрели на крутые волны, разбивающиеся о берег, а ветер с моря шевелил их курчавые бороды и длинные, нестриженные волосы, выбившиеся из-под островерхих меховых шапок...»⁶. Что ж, так, наверное, и в самом деле выглядело со стороны событие, продвинувшее Россию к берегам Великого океана...

В устье Ульи недалеко от моря, названного позднее Охотским, казаки быстро поставили себе зимовье. Обычно именно стуком топора и свежим бревенчатым срубом возвещал русский человек о своём появлении в любом уголке Сибири – даже если останавливался там не надолго. Привычные стены и крыша над головой не только защищали от непогоды, не только давали тепло и полузабытое ощущение домашнего уюта. В Сибири XVII века они давали прежде всего ощущение безопасности – так же, как в минувшую войну его давали стены блиндажей и окопы, торопливо рывшиеся солдатами на каждой сколько-нибудь длительной стоянке...

Казаки строили себе в походах жильё разных типов. Простейшее – «зимовье по-промышленному» – представляло собой «курную» (с печью без трубы) «избу с сенцы» с плоской, присыпанной землёй крышей и крошечными оконцами. Но более распространёнными были зимовья несколько усложнённой конструкции – с «нагороднями», когда продолженный выше потолочного перекрытия сруб поднимался над крышей на 1–1,2 метра, образуя на ней подобие стен, и такое зимовье приобретало вид крепостной башни. Были зимовья, выглядевшие уже как настоящая, пусть и небольшая, крепость (острог) – это если их окружали тыновой оградой с прорезанными бойницами. Именно такое «зимовье с острожком» и поставили себе москвитинцы. И для «крепкого береженья» у них имелось основание. Открытые ими морские берега, в отличие от ранее пройденных речных, были довольно густо заселены. Местные жители – ламуты (эвены) – принадлежали к одной из ветвей давно знакомых русским тунгусских племён, но показались казакам совсем «дикими», поскольку даже не знали, «что государю надо ясак платить». Да и жили они по сути в каменном веке: «у стрел копейца и рогатины все костяные, а железных мало; и лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорами»⁷.

Тем не менее племена эти были крайне воинственными. Они пришли на охотское побережье всего столетие назад, оттеснив к северу и югу ранее обитавших там коряков и нивхов, а поэтому от новых пришельцев тоже ничего хорошего не ждали и попытались сразу же от них избавиться. Москвитинское «зимовье с острожком» приняло боевое крещение. Несколько раз его малочисленный «гарнизон» осаждался ламутским войском в 700 и более человек. Однако казаки, по замечанию Л. Репина, «сражались умело, отчаянно» и не только отбили вражеские нападения, но и захватили в ходе боёв троих ламутов «в аманаты» (заложники) и стали получать «под них» ясак.

Чтобы закрепить успех, москвитинцы «ходили по той же реке по Улье и взяли за саблю на государя 11 сороков (т.е. 440 штук. – Н. Н.) соболей». Но предпринятый поздней осенью поход на север – к реке Охоте – успехом не увенчался, и казаки оправдывали свою неудачу тем, что «на той реке люди воисты, боем своим жестоки». Ламутские воины опять дважды подступали к русскому острожку, но опять были отбиты, и в противодействии сторон наступило затишье.

Москвитинцы были поражены изобилием открытой ими земли. «А те де реки собольны, зверя всякого много, и рыбные, – рассказывали они позднее. – А рыба большая, в Сибири такой нет... Сколько де ее множество, только невод запустить, и с рыбою никак не выволочь. А река быстрая, и ту рыбу в той реке быстрядью убивает и выметывает на берег, и по берегу лежит много, что дров, и ту лежачую рыбу есть зверь...». Это, видимо, было самое первое у нас известие о том, как тихоокеанский лосось идёт на нерест...

На исходе зимы казаки стали готовиться к дальнему плаванию на юг – мысль о загадочной

«Чирколе», видимо, всё ещё не давала им покоя. На морском берегу они устроили «плотбище» (верфь) и начали постройку морских судов – «кочей». Но враг не дремал, и однажды, когда половина москвитинского отряда находилась на плотбище, оставшиеся в острожке были внезапно атакованы соединёнными силами восьми ламутских родов числом около 900 человек. Они подошли незаметно («скрадом»), вломились в крепость, «искололи» копьями сторожевого казака, тяжело ранили ещё двоих и едва не отбили аманатов. Однако в завязавшейся схватке был убит какой-то знатный «князец» (видимо инициатор нападения и предводитель), от чего нападавшие пришли в сильное замешательство («учали над ним всеми людьми плакать») и выпустили инициативу из рук. В сражение включились казаки, прибежавшие на шум с плотбища, остальные тоже пришли в себя, быстро надели «куяки» (рубашки с нашитыми металлическими пластинами) и все разом ударили на ламутов, обратив их в бегство и захватив ещё 7 пленников.

Поход Ивана Москвитина

Теперь уже ничто не мешало москвитинцам закончить работу над кочами, и вскоре два судна для морского плавания были готовы. На них служилые и поплыли весной вдоль побережья на юг. По пути они встретили новый народ – гиляков (нивхов), дошли почти до устья Амура, но дальше идти не рискнули, хотя слухи о тамошних обитателях были интригующими. Казаки впервые услышали о даурах, которые по образу жизни якобы во всём были схожи с русскими: селились «дворами», пахали землю и выращивали хлеб, держали домашний скот, имели много серебра... Однако обстановка в этих краях была слишком тревожной: там шла своя война – жестокая, беспощадная. Москвитинцы узнали, что возле устья Амура были убиты 500 гиляков во время внезап-

ного и вероломного нападения каких-то «бородатых людей», пришедших с моря. Таковыми могли быть только айны, жившие тогда на Сахалине и Курильских островах. Гиляки собрали для отпора этим бородачам большое войско, и казаки, увидев бесчисленные костры «гиляцкой орды», сочли за благо повернуть назад, тем более что и продовольствие у них к тому времени кончилось⁸.

...Экспедиция Москвитина завершилась благополучно. Он сдал якутским воеводам богатую «ясачную казну» и был ими «отпущен» вместе с атаманом Д. Копыловым обратно в Томск, где был впоследствии ещё раз тщательно расспрошен властями о перипетиях своего похода. И эти сведения не пропали даром. Они дали толчок новым походам служилых и промышленников людей, и прежде всего – поискам путей на загадочный Амур. Россия твёрдо и уверенно обозначала свои восточные пределы.

¹ Забелин И. Встречи, которых не было. 2-е изд. М., 1966. С. 28–29.

² Сафонов В. Дорога на простор. Ватерлоо. М., 1995. С. 364.

³ Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 42–45.

⁴ Русские мореходы в Ледовитом и тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке. Л.–М., 1952. С. 35; Тураев В.А. Первая русская экспедиция на Тихий океан. Опыт изучения и проблемы //Русские первопроходцы на дальнем Востоке в XVII–XIX веках (Историко-археологические исследования. Т. 1. Владивосток, 1994. С. 8–9).

⁵ Комсомольская правда, 28.06.89, 29.08.89., 02.09.89.

⁶ Забелин И. Указ. соч. С. 33.

⁷ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии. Сборник документов. М., 1951. С. 139–140; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 51

⁸ Тураев В.А. Указ. соч. С. 24–25.

Никитин Николай Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

04 / 2017

Иван МЕДВЕДЕВ

РЕКВИЕМ ПО АДМИРАЛУ ФРАНКЛИНУ

Триста пятьдесят лет английские моряки пытались найти кратчайший путь из Европы в Тихий океан среди лабиринта островов и проливов американской Арктики. В 1845 году штурмовать Северо-западный проход отправился адмирал Джон Франклин.

АДМИРАЛ

Джон Франклин был опытным военным моряком и полярным путешественником. В 15 лет под командованием капитана Флиндерса он обогнул Австралию. Участвовал в знаменитом Трафальгарском сражении против франко-испанского флота и в битве за Новый Орлеан. Совершил два путешествия по американскому Северу, во время которых сделал ряд географических открытий. Прослужив семь лет губернатором Тасмании, он вернулся в Англию, где полным ходом шла подготовка к новой арктической экспедиции.

ПРЕЛЮДИЯ

Адмиралтейство выделило для экспедиции два превосходных корабля – «Эребус» и «Террор». Помимо парусного вооружения на каждом судне имелся паровой двигатель, корпуса для повышенной прочности покрыты стальными и медными листами. Богатая библиотека на борту, шарманки, спортивные снаряды, обитые красным деревом кубрики, столовое серебро и китайские чайные сервизы создавали иллюзию круиза. Для команды сшили тёплую одежду на гагачьем пуху. Концентрированный лимонный сок, печень трески, копчёные окорока, чёрный шоколад и мармелад в перечне загруженного провианта не каждый моряк мог позволить себе на обед дома. Джон Франклин пустил в ход весь свой авторитет и связи, чтобы возглавить экспедицию, «обречённую на успех», как писали английские газеты. Несмотря на возраст – адмиралу исполнилось 60 лет – он добился высокого назначения.

В мае 1845 года 129 английских моряков отправились в путь, чтобы подвести победную черту под вековыми усилиями предшествующих поколений. Последний раз корабли «Эребус» и «Террор» видели китобой в северной части моря Баффина два месяца спустя...

ТРЕВОГА

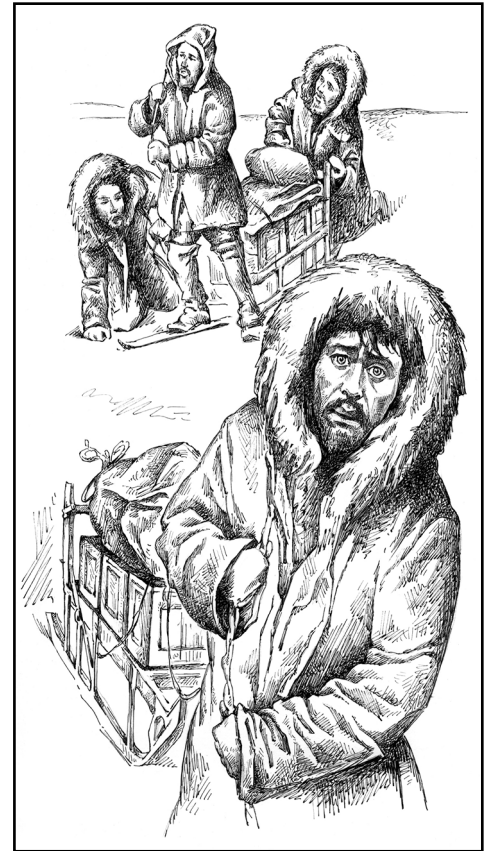
Запас провианта на кораблях был рассчитан на три года. Редкая экспедиция в высокие широты об-

ходила без зимовки во льдах. Поэтому, когда через год Франклин не дал о себе знать, никто особенно не обеспокоился. Прошёл ещё год. Известный полярник Джон Росс и жена Франклина, леди Джейн, забили тревогу. Но чиновники Адмиралтейства уверяли, что для беспокойства нет оснований. Однако родственники и друзья адмирала не разделяли безмятежное настроение высокого начальства. Они обратились через газеты к английскому народу и подняли на ноги всю нацию. Вопрос о спасении экспедиции Франклина внесла в повестку дня палата общин британского парламента.

ПОИСКИ

Весной 1848 года под давлением общественного мнения Адмиралтейство послало на поиски пропавшей экспедиции пять кораблей. Безрезультатно. В течение десяти лет одна экспедиция за другой уходила в белое безмолвие Арктики с надеждой спасти людей или хотя бы отыскать следы без вести пропавших моряков.

В 1850 году на острове Девон, в центре арктического архипелага Канады, обнаружили следы лагеря экспедиции Франклина. Через год на острове Виктория подобрали обломок флагштока, а на острове Бичи нашёл ещё один лагерь и три могилы матросов. В 1854 году Джон Рей, производивший съёмку береговой линии полуострова Бутия, купил у местных эскимосов серебряную посуду с монограммами членов экипажа «Эребуса» и «Террора». На вопрос, откуда она у них, жители севера ответили, что несколько лет назад их родственники выменяли эти вещи у белых людей, тащивших по льду шлюпки. Белые люди сказали, что их суда затёрты льдами, и они идут на юг, где можно поохотиться на оленей. Позже эскимосы нашли много трупов в устье Большой Рыбной реки (река Бакс), которая впадает в Гудзонов залив. В 1855 году экспедиция Стюарта-Андерсена обнаружила здесь шесты для палаток, жестяные котлы, гребки для каяков, миски, части инструментов, человеческие кости и обломки шлюпки с вырезанными на них словами «Стэнли» (врач с «Эребуса») и «Террор». Местные эскимосы рассказали, что все белые люди умерли от голода.

ЭКСПЕДИЦИЯ МАК-КЛИНТОКА

Адмиралтейство опубликовало коммюнике, в котором все члены экспедиции Джона Франклина официально объявлялись погибшими. Дорогостоящие поиски прекратились. Джейн Франклин отказалась принять назначенную правительством пенсию. Она надеялась, что её муж жив и ждёт помощи. Леди Джейн, ставшая олицетворением мужественности и верности, в 1857 году на свои средства снарядила шхуну «Фокс» под командованием капитана Мак-Клинтока.

Два года он плывал среди скал и айсбергов, дрейфовал в паковых льдах, скитался по снежным пустыням и прибрежным наледям. Несколько раз шхуна «Фокс» чудом избежала гибели, но никакие опасности не могли остановить отважного Мак-Клинтока. Он пришёл в полярную страну по зову сердца, из чувства долга и морского братства, отказавшись даже от вознаграждения за свои труды.

На острове Кинг-Вильям англичане встретили охотившихся на тюленей эскимосов. Гостей пригласили в ледяные дома отдохнуть на снежных нарах, покрытых шкурами оленей. Как только Мак-Клинток вошёл в белую хижину, он сразу обратил внимание на обилие вещей европейского происхождения – куски красного дерева, ветку английского дуба, футляр от барометра, ящик из-под консервов... Эскимосы рассказали, что много лет назад у берегов острова затонули два раздавленных льдами покинутых корабля.

Мак-Клинток разделил своих людей на три отряда и решил основательно обыскать остров Кинг-Вильям. День за днём они брели по суровой белой пустыне, не подозревая, что держат в руках нить к тайне экспедиции Джона Франклина.

У мыса Феликс отряд лейтенанта Хобсона наткнулся на сложный из камней большой гурий (пирамидку). Около него лежало много вещей, принадлежавших экспедиции Франклина. Далее к юго-западу Хобсон обнаружил ещё три гурия. Под одним из них матросы раскопали запечатанную в бутылку записку:

«25 апреля 1848 года.

Корабли Её Величества «Террор» и «Эребус» были покинуты 22 апреля в пяти милях к северо-северо-западу от этого места, где они были скованы льдами с 12 сентября 1846 года... Сэр Джон Франклин скончался 11 июня 1847 года, а всего умерло в экспедиции до настоящего времени 9 офицеров и 15 матросов...»

Ф.Р.М. Крозье, капитан...

«И отправимся завтра, 26-го к Рыбной реке Бакс».

Южнее Хобсон нашёл большую лодку, поставленную на тяжёлые сани. В ней лежали два скелета, облачённые в меховую одежду. Погибшие моряки не могли умереть от голода или холода: в лодке обнаружили восемнадцать килограммов шоколада, у берега в изобилии валялся плавник. Полозья саней были повернуты не на юг, к материку, а на северо-восток – в сторону моря. Англичан поразило множество разбросанных вокруг ужасной находки малополезных для санных походов вещей: четыре массивные корабельные печи, огромное количество одежды и обуви, столовое серебро, железные обручи и прутья, книги и инструменты... Зачем франклинцы тащили с собой кучу громоздкого хлама, когда только одна лодка с санями весила 635 килограмм? Такой груз мог утомить кого угодно и в менее тяжёлых условиях.

ДОМЫСЕЛ

Поскольку до сих пор не найдены корабельный журнал и подробные записи членов экспедиции

Франклина, последующий рассказ опирается на домыслы и гипотезы. Реконструкция событий проведена на основе анализа данных многочисленных экспедиций XIX и XX веков.

За навигационный сезон 1845 года «Эребус» и «Террор» прошли большую часть пути, сделав ряд важных географических открытий. Зимовали у острова Бичи. На следующий год кораблям не удалось пробиться далеко на запад. Начался дрейф на юг проливом Пил, пока суда не вмёрзли во льды под 70°5' северной широты. Началась вторая зимовка. Но и следующим летом кораблям не удалось избавиться из ледового плена. Тяжело заболел и умер Джон Франклин. Командиром экспедиции стал капитан Фрэнсис Крозье. Корабли всё дальше и дальше сносило на юг. Наступила третья полярная зима.

Весной 1848 года Крозье принял решение покинуть корабли и идти пешком к Большой Рыбной реке. Уже в начале пути многие моряки выбились из сил. Крозье на всём пути следования оставлял больных и слабых в палатках, обещал прислать за ними спасателей. Некоторые моряки вернулись на брошенные корабли и там умерли. Остальные тянули нарты на юг с отчаянием обречённых. Постепенно отряд распался на отдельные группы. Встреченные в пути эскимосы в ужасе разбежались при виде измождённых белых людей, многие из которых были без меховой одежды. Почерневшая кожа на их лицах покрылась язвами, губы высохли, из окостеневшего рта с кровью выпали зубы. Но фанатичные, горящие и отчаянные взгляды этих людей были устремлены к далёкому горизонту.

Тиски смерти безжалостно сжимались. Обессиленные путники падали и умирали на ходу. У живых не было сил хоронить товарищей. Словно призраки они брели дальше по ослепительной снежной пустыне, под равнодушным голубым небом, «шли на тот свет». Много лет спустя старая эскимоска вспоминала: «Белый человек присел передохнуть. Он подпирал голову руками, а локтями оперся на колени. Он умер, когда поднял голову, чтобы заговорить со мною...».

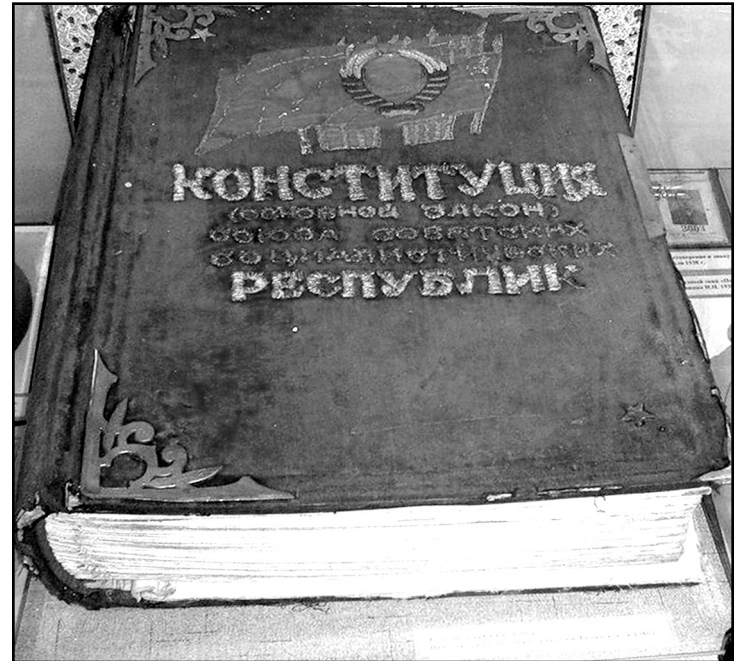
Немногим удалось перебраться на материковый полуостров Аделаида. Самый южный лагерь разбили на острове Монреаль. В этом районе эскимосы видели две лодки, плывущие с белыми людьми по Большой Рыбной реке. Дальше следы экспедиции теряются. Ни один член экспедиции Франклина не вышел ни к фортам, ни к торговым факториям Канады.

ВЕРСИЯ

Капитан Крозье в найденной Мак-Клинтоком записке ничего не говорит о бедственном состоянии команды перед ледовым походом и спокойно резюмирует решение идти на юг. Подобные дальние переходы не были в диковинку у опытных полярников. Тот же Мак-Клинток после двух зимовок преодолел более тысячи километров без особого ущерба для своего здоровья. Однако франклинцы уже в начале пути начинают умирать десятками. Экспертиза установила, что многие из них погибли не от цинги. В останках моряков выявлено повышенное содержание свинца, которым запаивали банки консервов для экспедиции. В то время наука ещё не знала о высокой токсичности этого металла. Вероятно, отравление свинцом спровоцировало многие неверные решения в экстремальной обстановке и сыграло роковую роль в судьбе экспедиции Джона Франклина, тайну которой продолжает укрывать сумрак поляр

Александр ПЕТРУШИН

**По принятой 5 декабря 1936 года
Чрезвычайным VIII съездом советов
СССР новой Конституции, которую
назвали «сталинской», все «лишенцы»
оказались без избирательного права.**

ВЫБОРЫ – 1937

Веруем

Так официально называли «социально чуждых» рабоче-крестьянской власти людей: бывших дворян и деятелей царского режима, белогвардейцев, участников крестьянских восстаний против политики «военного коммунизма», эсеров, меньшевиков, анархистов, «кулаков», священнослужителей, часть старой интеллигенции и, наконец, огромное число имевших несчастье быть под подозрением органов НКВД из-за критики советских порядков или по причине личных связей, кажущихся «подозрительными».

Убежденность Сталина и его окружения в победе коммунистической идеологии должна была подтвердить организованная в январе 1937 года Всесоюзная перепись населения. Политический характер этой кампании определялся внесённым в опросные листы вопросом о религиозных убеждениях.

Писатель Михаил Пришвин, учившийся до 1917 года в Тюменском реальном училище, записал в дневник: «Перепись назначена в ночь с 5-го на 6-е января 1937 года... Я лежал в постели, когда явилась переписчица и, спросив: «Сколько лет? Какое образование? Чем занимаетесь?», внезапно задала вопрос: «Верующий?» Застигнутый врасплох, я ответил: «Да, верующий». А она: «Православный?» На это я тоже ответил, что православный... Коммунисты – хозяева положения – предлагали отказаться. Сколько людей слабо верующих теперь откажутся от веры... Но именно чтобы постоять за

себя я сказал: «Православный». Кроме того, я как бы должен сказать, потому что православие – это моя связь со всей моей родиной и в нём таится для моего нравственного сознания готовность идти к желаемому счастью через страдание и, если понадобится, через смерть».

Назначенный переписчиком «лишенец» Андрей Аржиловский отметил в своём дневнике: «1 января 1937 года. С Новым годом! Как бы то ни было – празднуем и ждём лучшего от жизни. По делам переписи населения обхожу закреплённые за мной в Тюмени 15 домиков. Вижу, что многие живут хуже нас. Несмотря на 20-летнее перевоспитание, всё-таки много верующих, и на вопрос анкеты о религии отвечают определённо: «Веруем...»

Сталин и его соратники по Политбюро ЦК ВКП(б) крупно просчитались. Результаты переписи стали для них неожиданностью: доля верующих среди советских граждан оказалась высокой – 57 процентов взрослого населения (в сельской местности – примерно две трети всего населения, в городах – не менее одной трети).

Начальник статуправления Госплана СССР И.А. Краваль, отвечавший за организацию и проведение переписи населения, писал Сталину и Молотову, что «число верующих оказалось больше... чем ожидали...»

Обнародовать результаты переписи, свидетельствующей о высокой религиозности населения и непринятии коммунистической идеологии, было невозможно. Все социально-экономические преобразования, вся культурно-идеологическая работа перед объявленными

ми в декабре 1937 года выборами в Верховный Совет СССР не дали ожидаемого результата.

Поэтому январскую перепись объявили «вредительской», её цифры засекретили, организаторов расстреляли. В оставшееся до выборов время была развёрнута бурная пропагандистская кампания, направленная на убеждение населения, что все «чуждые элементы», которых невозможно перевоспитать в духе социализма, – «враги народа», «шпионы», «вредители», «агенты фашизма»...

2 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об антисоветских элементах». Через день это постановление директивой 836/ш было доведено до местных властей: «всем секретарям областных и краевых организаций и всем... представителям НКВД взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные были бы высланы... В пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке. Секретарь ЦК Сталин».

31 июля 1937 года Политбюро утвердило оперативный приказ НКВД СССР № 00447, в котором ставилась задача «раз и навсегда покончить с антисоветскими элементами».

Определили и общую минимальную цифру репресслируемых – 298 950 человек.

Для Омской области, в состав которой тогда входили нынешняя Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, установлен лимит: «первая категория (расстрел) – 1000, вторая категория (лагеря) – 2500». Область разделили на семь оперативных расстрельных секторов: Омск, Тюмень, Тобольск, Ишим, Тара, Остяко-Вогульск, Салехард.

Приказ НКВД СССР № 004457 исключал для «лишенцев» путём физического уничтожения предоставленное Конституцией 1936 года право избирать и быть избранными в государственные органы власти.

Не случайно, «операции», осуществлявшиеся по этому приказу, предполагалось завершить в течение четырёх месяцев – ко дню выборов в Верховный Совет СССР – 12 декабря 1937 года.

Время пошло...

Для активизации предвыборного процесса в Омской области в газете «Правда» от 29 сентября была опубликована статья «Пора омским большевикам заговорить полным голосом».

8 октября «Омская правда» дала информационное сообщение о IV внеочередном пленуме обкома партии, обсудившем эту статью. Постановили: «за игнорирование решений февральско-мартовского и июньского Пленумов ЦК ВКП(б) и личных указаний товарища Сталина об усилении борьбы по выявлению и разгрому

врагов народа, троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов первого секретаря областного комитета партии Булатова с поста снять и из рядов партии исключить».

Непонятно, чем Сталину не угодил 47-летний Дмитрий Александрович Булатов, возглавлявший огромную Омскую область со времени её образования 7 декабря 1934 года. Родился в Тверской губернии в крестьянской семье – земляк «всесоюзного старосты», председателя Президиума Верховного Совета СССР Калинина. В партию вступил в 1912 году; за распространение листовок антиправительственного содержания сослан в Туруханский край. Ссылку отбывал в селе Монастырском вместе со Свердловым и Сталиным. После Октябрьской революции Булатов – председатель Тверского губисполкома, затем на партийной работе – дошёл до секретаря Кубанского окружкома и заведателя ЦК. В 1931 году назначен начальником отдела кадров ОГПУ и с этой должности направлен в Омск. Он уделял большое внимание развитию в регионе как промышленности (машиностроение, судостроение, лесная, рыбная отпасли), так и сельского хозяйства. Без колебаний исполнял все указания и распоряжения ЦК. Приказали: взорвал построенный в Омске к 300-летию дома Романовых (1913) Успенский кафедральный собор (в настоящее время восстановлен. – А.П.). Подписал список по 1-й категории на 3008 человек, превысив установленный лимит в три раза. Поддержал ходатайство начальника Управления НКВД по Омской области майора госбезопасности Горбача: «Наркому Виудел тов. Ежову. По состоянию на 13 августа по Омской области арестовано 5444 человека... Прошу дать указание по моему письму № 365 относительно увеличения лимита 1-й категории до 8 тысяч человек». На телеграмме рукой Сталина помечено: «Т. Ежову. За увеличение лимита до 9 тысяч. И. Сталин».

На пленуме Омского обкома Булатов «признал свои политические ошибки» и каялся, местами весьма униженно: «...Указания товарища Сталина, которому я верен беспредельно, не сумел выполнить. Поймите, ограниченность моя такая. Товарищ Сталин мне сказал, что я устарел, «вы раньше когда-то были молодой, бойкий». Я доказывал, что неправда, что я не устарел, но теперь я осознал, что да, товарищ Сталин был прав, я устарел, благодушен был в этом деле борьбы с врагами народа...»

Постановление пленума в отношении Булатова было принято единогласно. Лишь член обкома Зорин, согласившись с отставкой первого секретаря, выступил против его исключения из партии. За что и поплатился: на этом же пленуме выведен из состава обкома и исключён из ВКП(б) как «политически неблагонадежный».

Булатова арестовали 29 января 1938 года, расстреляли 28 октября 1941 года вместе с эвакуированными из Москвы в Куйбышев заключёнными. Герой Советского Союза генерал-

полковник Штерн, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Смушкевич, командующий ВВС генерал-лейтенант авиации Рычагов, заместитель наркома обороны и начальник Пятого (разведывательного) управления Красной армии генерал-лейтенант Проскуряков... И он – бывший чекист и первый секретарь Омского обкома ВКП(б)... Сталин предпочёл расстрелять их, а не отправлять на фронт.

«Пройтись метлой...»

В новый состав бюро Омского обкома партии были избраны Симанович, Валухин, Евстигнеев, Журавлёв и Загорская. Из них трое чекистов: двое бывших, но такими, как известно, они не бывают.

Сменивший Булатова на посту первого секретаря обкома Зиновий Симанович родился в 1901 году в Ташкенте в бедной семье ремесленника. В партии с 1919 года. Годом раньше и до 1927-го – сотрудник Особого отдела Туркестанской ЧК-ГПУ. Награждён золотыми часами «за выполнение ряда заданий государственного значения». Затем на партийной работе в крайком Северного Кавказа – «колебаний в линии партии не допускал».

В Омске обнаружил, что «вредительство охватило все отрасли, все участки работы...» Заявил: «На железной дороге предстоит убрать свыше полутора тысяч людей кулацкого происхождения, служивших у Колчака... Но полторы тысячи человек – дорога встанет...»

Прочитав его сообщение о «повстанческой» организации на железнодорожном и речном транспорте и в рыбной промышленности, Сталин указал: «Надо немедленно арестовать всех (и малых, и больших) участников... Всех бывших офицеров расстрелять. Нужно пройти по Сибири, пройти метлой».

Такая задача вождя оказалась по плечу Константину Валухину, назначенному начальником УНКВД по Омской области вместо «чекистского стахановца» Горбача, награждённого за перевыполнение расстрельного плана орденом Ленина и переброшенного в Новосибирск для «подъёма чекистской работы». Там он провёл по 1-й категории 12876 человек, а с мая 1938 года уже во Владивостоке – ещё 15 тысяч, став в НКВД абсолютным «передовиком чекистского производства».

Валухин родился в г. Алатырь Симбирской губернии в семье «одинокки-фотографа». Закончил начальную школу и городское училище. С 19 лет был пулемётчиком в отряде особого назначения ВЧК. В составе оперативной группы Особого отдела 9-й армии принимал участие в ликвидации бандитизма на Кубани, Северном Кавказе и басмачества в Средней Азии. После окончания в 1927 году высшей пограничной школы ОГПУ в Москве служил в органах ОГПУ-НКВД Северо-Кавказского края.

«Заговорить полным голосом» во время предвыборной кампании призвала омских

большевиков секретарь Ново-Заимского райкома партии Загорская, которая тоже вышла «из шинели Дзержинского».

Родилась в 1901 году в Петербурге в семье рабочего. С 14 лет трудилась на швейной фабрике. В 1919 году ушла на фронт. В органах ВЧК до 1922 года; «ушла оттуда по болезни, потому что у меня было очень нервное состояние». Откомандирована на партийно-пропагандистскую работу. В Омск переведена из Калининской области с должности секретаря райкома.

Для проведения 12 декабря голосования в Омской области было образовано пять избирательных округов по выборам в Совет Союза и три – в Совет Национальностей: в Омске, Остятко-Вогульске и Салехарде. В Тюменский избирательный округ № 202 входила Тюмень и районы: Велижанский, Верхнетавдинский, Исетский, Нижнетавдинский, Упоровский и Ялуторовский.

26 октября «Омская правда» сообщила, что в колхозе «Красное знамя» Москаленского района состоялось собрание, на котором ветфельдшер Закутский, представляя кандидата в депутаты Симановича, сказал: «За короткий промежуток времени своей работы в Омском обкоме ВКП(б) тов. Симанович раскрыл там всю гниль буржуазных перерожденцев и пособников врагов народа. Мы наблюдали его работу по очищению областной парторганизации, совхозов и колхозов от троцкистско-бухаринских мерзавцев и всякой контрреволюционной твари». Дождаться дня голосования Симанович не успел. В его личном деле лишь карандашная отметка: «выбыл». Но в архиве Президента (бывший архив Политбюро ЦК КПСС) есть «Список лиц на сто человек, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР по 1-й категории» от 18 апреля 1938 года, завизированный Сталиным, Кагановичем, Ждановым и Молотовым. В этой расстрелянной в тот же день сотне 75-м значится Симанович Зиновий Григорьевич. Таким образом Булатов пережил своего главного обличителя на три года.

Депутат с тремя шпалами в петлицах

Вместо исчезнувшего Симановича кандидатом в депутаты стал и.о. первого секретаря Омского обкома ВКП(б) Фёдор Наумов. Родился в 1902 году в семье рабочего-железнодорожника в Ярославской губернии. Также служил в органах и войсках ОГПУ, а с 1927 года возглавлял парторганизацию железнодорожной станции Муром. В Омск направлен с должности секретаря Кировского обкома ВКП(б).

Трудящиеся Тюмени на митинге в помещении драмтеатра 27 ноября выдвинули своим депутатом капитана госбезопасности Валухина. Его фотография с тремя шпалами в петлицах (чекистские звания превышали армейские на три

ступени) появилась в городской газете «Красное знамя».

Открывший митинг и.о. председателя Тюменского горсовета Элькин сказал: «Славный чекист товарищ Валухин всю свою жизнь отдаёт работе в органах, которые товарищ Сталин назвал мечом пролетарской диктатуры...»

Сталин действительно внимательно и пристально отслеживал участие территориальных органов НКВД в избирательной кампании путём проведения массовых операций. Он всячески поощрял усердие начальников УНКВД и требовал от них более детальных сведений об арестах.

В период проведения так называемой кулацкой операции с августа по декабрь 1937 получал до десяти спецсообщений с мест.

Цитировать обращение Валухина к тюменцам, собравшимся в драмтеатре, нет необходимости: славословие Сталина и Ежова и обещание уничтожить всех врагов народа. В чём и преуспел, доложив 10 декабря, за два дня до голосования: «Генеральному комиссару государственной безопасности товарищу Ежову. Операция по Вашему приказу 00447 закончена. Всего осуждено по 1-й категории 11050 и по 2-й категории 5004 человека. Приведение приговора в отношении 50 человек, рассмотренных сверх утверждённого лимита по 1-й категории, задержано. Прошу утвердить».

Исполнявшим обязанности руководителей Тюмени кандидат в депутаты Валухин напомнил: «...Городской комитет партии не содействовал разоблачению врагов народа в промышленности и сельском хозяйстве, а также в аппарате горкома и горсовета. Не случайно, что бывший первым секретарём горкома Тарасов – пособник врага народа Угланова (Николай Угланов – бывший кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и секретарь Московского горкома партии, отправленный за оппозиционные Сталину убеждения в ссылку в Тобольск, возглавлял там Облрыбтрест, был обвинён во вредительстве и расстрелян. – А.П.). Горсовет возглавлял враг народа Пичугин, редактором газеты «Красное знамя» был бывший колчаковец Тихонов. Всё творилось при попустительстве второго секретаря Бажко и бывшего секретаря горкома ВЛКСМ Мальцева...»

«Не должно быть ни одного избирателя, – повторил Валухин обращение ЦК ВКП(б), похожее на ультиматум, – который не использует своего почётного права избирать депутатов в Верховный орган Советского государства».

Голосом народа прозвучало признание в любви к кандидату в депутаты красноармейца дислоцированной в Тюмени 65-й стрелковой дивизии, командир которой комбриг Гаврюшенко, его заместитель полковник Белозёров-Гладышев, начальник штаба майор Гузынин, другие командиры полкового и батальонного звена были уже расстреляны как враги народа.

«Видел нашего избранника на митинге. Слушал его выступление. Вечером не удержался и

написал несколько строк стихов, посвящённых любимому Константину Николаевичу:

*Когда декабря двенадцатый день
Придёт, разукрашенный инеем,
Я в урну с любовью опушу бюллетень
С вашим, товарищ Валухин, именем...*

Так было обеспечено 100-процентное волеизъявление населения Тюмени и прилегающих к ней районов.

А общий итог партийно-чекистской предвыборной кампании в стране таков: с августа по декабрь 1937 года арестовано 936 750 человек... Из них по 1-й категории – 35 3074...» Каждый день в преддверии выборов в Советском Союзе, «где так вольно дышит человек», расстреливали больше тысячи человек.

«Стахановцы» расстрелов

После выборов в Верховный Совет СССР началось безудержное прославление органов НКВД и сталинского наркома Ежова. Развернулась целая волна присвоения его имени пародам, заводам, стадионам, учреждениям, воинским частям, колхозам, школам, пионерским отрядам... Город Сулимов, столица Черкесской автономной области, был назван поновому – Ежово-Черкесск. В Тюмени улицу Томскую переименовали в Ежова.

В Омске приветствовать чекистов в связи с 20-летием образования органов госбезопасности пришёл 85-й пионерский отряд школы № 37. «Маленькая пионерка Люба Калинкина звонко бросает с трибуны:

– Работникам НКВД – чекистам Омской области во главе с товарищем Валухиным наш пионерский пламенный привет. Привет верному стражу отечества счастливых. Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство. Да здравствует верный соратник товарища Сталина Николай Иванович Ежов!»

Прозвучала баллада народного поэта Казахстана Джамбула:

*В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов – зоркоглазый и умный нарком...*

В Тюмени 20 декабря с докладом «20 лет органам ВЧК-ОГПУ-НКВД» выступил начальник горотдела Петров. Сводный хор исполнил песню:

*Фуражек синих стройный ряд
И чёткий шаг подкованный –
Идёт по улице отряд
Железными колоннами
Мы, те, кого боится враг,
На суше и в воде
Не одолеть ему никак
Войска НКВД.*

Тюменское «Красное знамя» перепечатало Постановление ЦИК о награждении работни-

ков НКВД «за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий. Орден Ленина получили 10 функционеров НКВД, в том числе начальники Омского, Челябинского и Свердловского управления – Валухин, Чистов и Дмитриев. Орденов Красного Знамени удостоены пятеро. Их профессия – убивать, и чем больше они убьют, тем выше звание, тем больше орденов, тем выше авторитет (или страх) у начальства. Это палачи, или как их называли в секретных послужных списках (личные дела) «исполнители решений по 1-й категории».

На личном счету одного из награждённых орденом Красного Знамени Петра Маго около десяти тысяч расстрелянных. Латыш по национальности, он окончил всего два класса сельской школы, батрачил у помещика, участвовал в Первой мировой войне, в 1917-м вступил в партию большевиков и почти сразу стал членом карательного отряда ВЧК. Десять лет Маго не выпускал из рук нагана; исполнители предпочитали револьверы этой системы. За эти годы стал Почётным чекистом, награждён многими орденами, грамотой ОГПУ и золотыми часами. В характеристике отмечено: «К работе относится серьёзно. По особому заданию провёл много работы. Любил, правда, крепко выпить. Но этот грех был присущ и другим исполнителям. Когда на него пожаловались, что многие из расстреливаемых кричат: «Да здравствует Сталин!», то Ежов наложил на отчёте об исполнении решений Особого совещания НКВД такую резолюцию: «Надо проводить воспитательную работу среди приговорённых к расстрелу, чтобы они в столь неподходящий момент не марали имя вождя».

В Тюменском оперсекторе НКВД – свои исполнители. Из аттестации Виктора Скардина: «Отлично проявил себя при исполнении постановлений «тройки»... был основным исполнителем, через которого прошло осуждённых по 1-й категории 400 человек...»

Технологию исполнения решений «тройки» раскрыл в своё время автору «Книги расстрелянных» Рафаэлю Гольдбергу бывший оперуполномоченный Тюменского горотдела НКВД Ляпцев: «...В Тюмени культурно расстреливали. Вот вас ведут, вы и не встретите никого... Вы вещи оставили, зашли в специальную комнату, оборудованную в подвале (сейчас на этом месте информационно-библиотечный центр ТюмГУ. – А.П.). Вам объявляют приговор, ставят на колени и расстреливают. Стреляют, конечно, в затылок...»

Как всё просто. И так сложно: понять мотивы действий оперсостава НКВД – никто из них, ни один не отказался от участия в арестах, избиваниях, пытках и расстрелах безвинных.

Долгий путь к правде

После проведения выборов в Верховный Совет СССР, куда прошли 97 чекистов во главе с наркомом Ежовым и его первым заместителем

Фриновским, Сталин считал основную цель предвыборного массового террора достигнутой. Те, кого относили к потенциально ненадёжной части электората, были ликвидированы. Исчезли целые группы населения, не внушавшие доверия режиму. Уничтожен большой слой управленцев, специалистов и работников партийно-государственного аппарата, командного состава Красной армии и Военно-морского флота, творческой и научной интеллигенции, которых Сталин признал неспособными строить с ним коммунизм в СССР.

Завершившуюся к выборам «операцию» НКВД оценило «как выигрыш крупного военного сражения». На январском 1938 года совещании в Москве Ежов нацелил начальников территориальных управлений на более активное проведение репрессий. Тогда же был арестован первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) А.Я. Столяр, которого обвинили в... массовых исключениях коммунистов из партии. На освободившееся место назначили депутата Верховного Совета СССР от Тюменского избирательного округа чекиста-орденоносца Валухина. При нём аресты стали производиться на основании просмотров личных дел в отделах кадров заводов, фабрик и учреждений, то есть по анкетным данным.

Террор достиг в стране крайнего предела и выходил из-под партийного контроля.

Поэтому с осени 1938 года началась кампания, которую Сталин назвал «восстановлением революционной законности». По установленной в СССР традиции ответственность за допущенные «ошибки» и «перегибы» должны были нести работники НКВД во главе с Ежовым. После его устранения с поста наркома и появления на его месте Берии старый аппарат НКВД фактически был обречён.

Ежова и многих «чекистов-орденоносцев», включая Валухина, признали без широкой огласки провокаторами и врагами, проникшими в органы НКВД с целью их дискредитации, и тайно расстреляли. В печати и по радио об их аресте и казни ничего не сообщалось. В Тюмени улицу Ежова назвали в память о лётчице Полине Осипенко, погибшей при испытании нового самолёта.

Петрова, Скардина, Ляпцева и других исполнителей Тюмени внесудебных расстрельных решений «тройки» исключили из партии в 1959 году «за нарушения социалистической законности».

Так КПСС квалифицировала массовые расстрелы безвинных людей. Родственникам расстрелянных сообщали, что их отец, муж или брат «осуждены к 10 годам ИТЛ без права переписки и передач». А после 1945 года им стали отвечать, что осуждённый умер в местах лишения свободы. Правду о судьбе родных и близких они узнали только после 1989 года. К очередным выборам в Верховный Совет СССР состав его депутатов сократился почти на треть. Заместить эти вакансии в 1941 году не успели – помешала война.

Архивная справка на Чёрного М.М.

Сапёр-старшина ОСАПБ Михаил Чёрный

Командир отдельного саперного батальона старший лейтенант Николай Мельников 1914-1941. Фото из архива Краеведческого музея Приморска Ленинградской области

САПЁРЫ-МОРЯКИ ШЛИ ВПЕРЕДИ...

Листаю архивные папки и тетради времён Великой Отечественной и вчитываюсь в страницы, написанные от руки бегло в спешке во время боя, карандашом или ручкой или напечатанные на машинке в штабе после изнурительного боя. Мне кажется, что я там, участвую в бое вместе с сапёрами-моряками того отдельного батальона. В моём сознании оживает генетическая память, и я очень отдалённо начинаю испытывать то, что чувствовал мой отец в ту долгую и уже, казалось бы, далёкую войну. «Мы – сапёры-моряки. Наша задача – пройти первыми, обезвредить мины, разрезать проволоку, проложить путь армии, не допустить высадки десанта. Завтра мы будем биться насмерть с финским десантом на островах, выводить из котла по лесным дорогам солдат и офицеров, брошенных своим командиром. Потом нам надо строить блиндаж для штаба, рыть окопы для бойцов, возводить ДЗОТы и ДОТы. Ночью мы рисуем чертёж будущего моста, а на рассвете стоим по пояс в воде, укрепляя опору моста через реку. Мы падаем в ледяную воду Финского залива, строя пристань на острове под непрерывными бомбардировками с неба. Мы лавируем между морских мин на катере, перебираясь от острова к острову. Наша баржа тонет в Финском заливе, а мы машем шинелями, прося о помощи, но кто нам поможет, кроме нас самих?! Нас прибывает к берегу, хорошо – к нашему. Срочная эвакуация с острова. Всю матчасть вместе с артустановками перетаскиваем на руках к пристани и грузим на баржу. На острове – взрыв, трое наших погибают. На баржу грузимся последними глубокой ночью и движемся к Кронштадту. С неба в море ploхаются бомбы. 1 ноября 1941 года Финский залив по берегам уже покрыт льдом. Нам не страшно, мы привыкли к разрывам снарядов, но мы дрожим от холода. Одна радость – банка сгущёнки в руках. Каждому из нас выдали на дорогу в качестве сухпайка вместо завтрака и обеда. Из Кронштадта – в

Ораниенбаум. Оттуда – в сторону деревни Устья. Там наш батальон осядет почти на три блокадных года. Мы вместе с ленинградцами тоже в кольце блокады. Но наша задача – не уступить фашистам ни пяди родной земли. Мы защищаем Ленинград, не даём фашистам перейти совсем неглубокую речку Воронка. Позже Эдуард Успенский напишет: «фашистская армия форсировала сотни рек: Шельду и Маас в Бельгии, Сену и Луару во Франции, Вислу в Польше, но пересечь реку Воронку, которую курица вброд переходит, им не удалось». На том берегу реки – фашисты группы армий «Север». Мы едва успели вырыть окоп, гремит артиллерия, со всех сторон летят снаряды, земля вздыбилась, я чувствую то запах прелого сена, то чернил, то горчицы. Я начинаю сначала чихать, потом задыхаться, вечером на моей коже появятся волдыри. В противогазе ещё труднее дышать, чем без него. Мы уже знаем – началась химическая атака. Утром мы будем обезвреживать неизвестные нам вражеские мины и устанавливать свои. Главное – не торопиться, пусть и под пулями, но – не торопиться! Иначе сами подорвёмся. Но мы работаем аккуратно. Мины обезврежены. В землянке в короткие часы передышек сапёры батальона оборудуют избу-читальню. Читаем по очереди Пушкина и Лермонтова. Наутро идём в разведку. А моя малая родина – Украина – полыхает в огне, половину семьи закопали живьём, родной младший брат убит в бою в Венгрии. Когда и где я найду его могилу?! Но сегодня я радуюсь, что травинку не задело при артобстреле. Значит, и я выживу. Меня лишь контузило в этом крошечном аду 10 декабря 1941 года. Но это – ерунда. Выжить удалось! Вот что главное».

04 / 2017

...Так получилось, что лишь совсем недавно я узнала, что мой отец Михаил Чёрный был в числе героических защитников Ленинграда.

Он никогда не рассказывал про войну, а мама всегда говорила, что он воевал на Белорусском фронте писарем. Это, отчасти, правда. В книге учёта офицерского состава 912 отдельного сапёрного батальона 43 стрелкового корпуса за 1943–1944 годы значится: «Заведенопроизводств старшина Чёрный Михаил Маркович, 1920 года рождения, в РККА с 10.1939 назначен на должность пр. 2УА № 0516 от 28.12.43 г.; прибыл из 267 ОИБ, в графе «участие во фронтах и награды» записано: финская 1939–1940 г.г., Отечеств. с 06.1941, медаль «За оборону Ленинграда», убыл на учёбу в высш. Инж. Школу 06.1944 г[...]».

В июле 1944 года с фронта после освобождения Нарвы отца направили учиться в Московское Высшее военное инженерно-строительное училище. Демобилизован на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20\7-1946.

А что же сапёр-старшина Чёрный М.М. делал до 28 декабря 1943 года? Ведь его призвали в ряды РККА в 1939 году, и домой он не возвращался до 1944 года?

Пришлось вновь обращаться в архив и найти личную карточку отца.

В ней записано, что отец направлен в ряды РККА 19.10.1939 по призыву Ленинского РВК г. Одессы. Там же – его послужной список и годы участия в войне: 10.1939 г. по 6.10.42.г. – Сапёр-старшина Отдельного Сапёрного батальона Западного Укрепленного района Краснознаменного Балтийского Флота. С 06.10.42 по 28.12.1943г. – старшина роты 267 отдельного инженерного батальона. С 28.12.1943 по 16.07.1944 г. – Зав. делопроизводством штаба 912 отдельного сапёрного батальона. С 16.07.1944 – 22.07.46 г. – старшина-курсант Высшего военного инженерно-строительного училища Красной Армии.

Сапёр-старшина Чёрный М.М. в годы Великой Отечественной войны защищал Ленинград в составе Отдельного сапёрного батальона (ОСАПб) Береговой обороны Балтфлота. Сначала краснофлотцы-сапёры этого подразделения сдерживали врага на дальних подступах – Выборг, берега и острова Выборгского залива, Койвисто (ныне Приморск), Бьерские (ныне Берёзовые острова) и побережье Финского залива.

С 5 ноября 1941 года батальон вошёл в состав 5-й Отдельной бригады морской пехоты КБФ.

С этого дня сапёры-морпехи защищали Ленинград и сдерживали врага не ближних подступах к городу – на Ораниенбаманском плацдарме, побережье Финского залива, недалеко от устья реки Воронки. Эту маленькую речку фашисты так и не смогли перейти. Теперь здесь находится мемориальный комплекс «Берег мужественных».

Штаб 5-й бригады морской пехоты располагался в деревне Устье (ныне – Сосновый Бор). Ныне здесь – братская могила морпехов и воинов, погибших в боях за эту землю, а также большой мемориал «Защитник Отечества» и памятник экипажам подводных лодок Балтийского флота, погибшим в Балтике. Недалеко от мемориала – музей. Его экспозиция большей частью посвящена боевой истории 5-ой Отдельной бригады морской пехоты. Морпехи этой бригады защищали и отбивали у врага эти места и близлежащие деревни и сёла.

Итак, в выписке из личного дела отца числилось, что до октября 1942 года он воевал в составе отдельного сапёрного батальона ЗУР'а.

Сначала надо было понять, что такое ЗУР, а потом и всё остальное. Аббревиатура эта означала – Западный укрепленный район Береговой обороны Главной военно-морской базы КБФ. Следы ЗУР'а я нашла в архивных фондах за 1939 год. Потом они терялись. Я ничего не находила про этот укрепрайон в архивах за 1941–1944 годы.

Всё оказалось совсем иначе, чем записано в личном деле

офицера Чёрного. Его призвали служить в ряды РККА в октябре 1939 года и направили прямо со студенческой скамьи в состав Балтфлота. Я много раз задавалась вопросом, почему парня с берегов Чёрного моря послали служить на Балтику. Логичнее было бы оставить на Черноморском флоте. Ответ я нашла в архивных фондах. С весны 1939 года началась мобилизация. Советско-финская война была задумана задолго до её начала. Отец был специалистом. Он уже успел окончить 4 года рабфака связи и только поступил в Одесский институт коммунального и гражданского хозяйства. Специалисты нужны были именно там, на Западе СССР. Так отец попал служить в сапёрную роту Лужского сектора Береговой обороны ГВМБ КБФ. Но уже тогда рота стала батальоном, по штату военного времени, в соответствии с мобилизационным планом.

С 5 марта 1938 года **Отдельная Сапёрная рота** подчинена коменданту Лужского укрепленного сектора. С 15 июня 1938 года Лужский укрепсектор расформирован. В сентябре 1938 года сформирован Западный Укрепленный район (ЗУР). Теперь **Отдельная Сапёрная рота** вошла в состав ЗУР'а.

Кругом – леса и болота на месте бывших деревень Великино и Мукково Кингисеппского района Ленинградской области. Жителей деревень выселили незадолго до этого: здесь начали строить секретный объект № 700, или базу «Мукково», которая должна была обслуживать Отдельные Железнодорожные артиллерийские батареи – совершенно новую и уникальную в своём роде военную технику в СССР тех времён. Одна из них сейчас стоит на Поклонной горе как музейный экспонат.

Я – далёкий от войны и военной терминологии человек. Чтобы найти следы этой роты, а затем батальона, надо было понять, что такое ЗУР, укрепсектор, укрепрайон, КВМБ, КБФ, РККА.

Береговая оборона делилась, в свою очередь, на несколько укрепленных секторов и укреп-

лённых районов. Один из секторов назывался Лужским. Он был сформирован 1 июля 1936 года и входил в Ижорский Укрепрайон.

Советско-финскую войну 1939-1940 года краснофлотцы отдельного сапёрного батальона прошли в составе ЗУР'а. У батальона и печать своя была, на которой также указано, что он входил в этот укрепрайон.

22 июня 1940 года, вскоре после Советско-финской войны Западный Укрепрайон был расформирован. Вот почему я не могла найти его следы.

После Финской войны были сформированы три укрепрайона Береговой обороны – Лужский, Кронштадский и Выборгский.

Отдельная сапёрная рота вошла в состав Выборгского Укрепсектора. Базировалась она в Выборге на Крепостной улице, 26. Казармы эти были построены ещё во времена Екатерины II. Некоторые сохранились до сих пор. Самая старая из них датируется 18 веком. Ещё в 2016 году здесь находилась часть морпехов. Сегодня территория части и все строения переданы Выборгскому музею военной истории, а также внесены в реестр объектов культурного наследия Российской Федерации как исторический памятник.

Нелёгкий путь поисков привёл меня в Филиал ЦА МО (Военно-морской архив) в Гатчине. Военные документы батальона находятся в папке 5-й Отдельной бригады морской пехоты. Конечно, далеко не все. Часть их была уничтожена в 1941 году, при эвакуации батальона с Бьеркских островов.

Путём долгих поисков я нашла почти все документы, касающиеся отдельного сапёрного батальона КБФ.

С 5 ноября 1941 года батальон, войдя полным составом в 5-ю бригаду морской пехоты, был почти расформирован. Сапёры – рассредоточены по четырём батальонам бригады, потом вновь собраны в батальон. На этот раз – в 267-й отдельный инженерный, на базе которого 28 января 1943 года был сформирован 912 отдельный сапёрный батальон, с которым отец и

завершил свой военный поход в Великую Отечественную.

Но что же было тогда, в Финскую, или Зимнюю, или Неизвестную войну 1938–1939 г.г., в которой участвовал и мой отец, как выяснилось из архивных документов?

В Фонде 1885 в переписке по инженерному делу (опись 7, дело 23, стр. 48–58) Российского государственного Архива Военно-Морского флота в г. Санкт-Петербурге на улице Миллионная, 36 мне посчастливилось найти «Отчёт о деятельности отдельного сапёрного батальона» во время Советско-финской войны 1939–1940 г.г.

Всего на десяти страницах – история одного небольшого по масштабам войны подразделения во время одной «неизвестной» войны. О Советско-финской войне в Советское время вообще не писали. О ней и сейчас мало кто знает. Я о ней только слышала, но никогда не интересовалась, до сей поры. Она длилась чуть больше трёх месяцев – с 30 ноября 1939 по 12 марта 1940 года и была очень тяжёлой для нашей армии и флота. Финны хорошо знали эти места. Бойцы, призванные на фронт из южных территорий, были одеты в шинели, сапоги и будёновки. Они замерзали насмерть, сидя в окопах. Наши войска с большим трудом и колоссальными потерями прорвали линию Маннергейма и отодвинули границы СССР. На нашей территории оказались Выборг (Виипури), Приморск (Койвисто), Берёзовые (Бьеркские) острова и другие территории и населённые пункты Финляндии. Но когда-то эти территории принадлежали России и были переданы Финляндии Лениным одним из первых его декретов в декабре 1917 года.

Один из молодых исследователей этой войны – историк, писатель и предприниматель Баир Иринчеев ныне – директор военного музея Карельского перешейка в Выборге. Музей базируется там же, где находился в войну наш батальон. Б. Иринчеев – автор ряда книг и статей о Финской войне. Одна из них – «Танки в

Зимней войне» очень подробно рассказывает о деятельности подразделений Красной Армии в Финскую. К сожалению, я ни слова не нашла здесь о действиях подразделений береговой обороны. Эта ниша до сего времени пустовала. А ведь сапёры-моряки воевали в этой войне наравне с сухопутными войсками, только условия боя у них были значительно труднее. Они завоёвывали острова, строили ДОТы и ДЗОТы на островах, прокладывали дороги прямо на льду Финского залива. Там, на льду, очень трудно укрыться от вражеских пуль. Командир батальона старший лейтенант Николай Мельников в своём Отчёте очень подробно опишет, в каких условиях воевали сапёры-моряки. Самым большим их достижением в этой войне было то, что батальон прошёл её без единой потери. Чья это заслуга? Конечно, и комбата, и самих сапёров. Условия для победы им практически не были созданы. Но они победили! На их счету – завоёванные острова Гогланд, Лавансари, Сескар, Сомерс, Малый и Большой Тюттерс.

Они очень многому научились в эту войну. Но через год их уже ждала другая – долгая и суровая Великая Отечественная, очень неожиданная для них. На втором месяце войны на Карельском перешейке погибнет от вражеской пули в голову навывлет командир батальона Николай Мельников. Сапёры похоронят своего комбата, с которым делили все невзгоды Финской войны и первых месяцев Великой Отечественной, возле кирхи в Койвисто (ныне Приморск).

А пока – мирное время, передышка после Финской. Мельников пишет и 20 июня 1941 года отправляет в штаб Ижорского укрепленного сектора Отчёт о деятельности Отдельного сапёрного батальона в этой войне за период с сентября 1939 по март 1940 года.

Публикуем здесь этот отчёт с некоторыми сокращениями, сохранив особенности письменного языка комбата, его стилистику, пунктуацию и ор-

04 / 2017

фотографию. Ранее этот материал нигде не публиковался. Это архивное Дело никто после войны не открывал.

Итак:

Отчёт

о деятельности Отдельного сапёрного батальона Лужского сектора Береговой обороны Главной военно-морской базы Краснознамённого Балтийского флота в Советско-финской войне 1939–1940 г.г., написанный командиром батальона старшим лейтенантом Николаем Мельниковым

«[...] Было прислано 352 человека. Ранее служили в сапёрных частях только 8 человек. [...] Личный и комначсостав не явился по мобилизационному требованию. [...] Из 352 человек 103 – непригодные к воинской службе. Комначсостав – только два человека служили в сапёрных войсках.

Батальон развёрнут 1 октября 1939 года.

Развёртывание батальона происходило во время дислокации части, где не было жилья для бойцов и комначсостава. Ни казармы, ни столовой, ни овощехранилища, гаража, складов. Из положенных 29 тракторов только 1 приписанная машина. Все старые и разбитые.

20 августа 1939 года 1 сапёрный взвод был направлен в Усть-Лугу с командиром взвода Егорычевым.

Задача: облегчить высадку десанта и военных грузов на берег противника.

В устье реки Луги была работа по сбору паромов на воде. В свободное время подразделения занимались боевой подготовкой.

Вывод: бойцы получили богатый опыт в отношении переправы грузов в морских условиях и по установке батарей. Личный состав на опыте убедился, что значит сапёр-моряк.

[...] 17 октября по приказу КБФ взвод сапёр в количестве 35 человек под командованием младшего лейтенанта Тарасова был направлен в Эстонию. Задачи: произвести высадку авиачасти, перебазирующейся на о. Даго, пере-

править на паромах личный состав, весь боевой запас.

Подготовка к операции производилась на корабле. Тренировались в сборке парома на суше, на корабле, на воде.

Начало военных действий с Финляндией

20 ноября 1939 года по приказу военсовета КБФ была направлена сапёрная рота в количестве 95 человек во главе с командиром старшим лейтенантом Половинкиным и военкомом Зудиным с задачей:

1. Произвести высадку десанта на остров Гогланд, захватить его, занять острова Лавансари, Сескар, Сомерс, Малый и Большой Тютерс.

2. Произвести инжразведку данных островов и обезвредить вражеские мины.

3. Произвести разведку двух дамб в бухте острова и разведку побережья островов.

4. Действовать совместно с десантом по подавлению противника на островах.

Подготовительная работа

Сапёрная рота выехала в Усть-Лугу (на место стоянки корабля) 20 ноября 1939 года. Здесь весь личный состав тренировался в сборке паромов, в спуске их на воду, изучали миноулавливатель [...].

Выполнение

Подъехав к островам под прикрытием артогня сапёры начали высаживать десант и первые вышли на финскую территорию. Сделали тщательную разведку финского побережья, осмотрели 2 дамбы, к которым после могли пришвартоваться наши корабли. Обследовали все жилые помещения, найденные заложенные мины были обезврежены. Электрические провода были перерезаны и на о. Сомерс были взяты в плен 11 человек бело финнов. [...] (стр. 51)

О/к (отделённый командир. – Н.Б.) Педан во время сборки парома на воде при сильном шторме был смыт волной в море, не бросив винтовки, вынырнул из воды, крикнул: «Возьмите мою

винтовку, она пригодится», после товарищами был спасён.

Вывод

Бойцы и комначсостав получили большой опыт и практику по высадке в ночных условиях, при сильном шторме и при взаимодействии с кораблями ВМФ. Практически усвоили, как работать с миноулавливателем, как вылавливать мины, и как производить инженерную разведку побережья от мин и противодесантных заграждений, и как их обезвреживать. Обезвреживать разные ловушки, выявлять, обнаруживать, мины в помещениях. Это дало большую закалку сапёрам, так как это происходило ночью.

5 декабря сапёрная рота вернулась обратно.

[...] 6 декабря 1939 года по приказу Военного Совета была выслана усиленная Сапёрная рота на остров Гогланд в количестве 145 человек под командой командира роты Непомнящий с заданием:

а) установка береговых батарей, зенитных батарей и противокатерных батарей.

б) строительство убежищ, ДЗОТы
в) прокладка дорог к боевым объектам и другие второстепенные работы.

Подготовка по установке не велась. А по приезду роты на место приступили к выполнению задачи.

Выполнение

Перед началом работ были распределены работы по взводам, составлен точный график работ [...].

Задание было выполнено раньше срока: было выстроено и установлено 8 батарей, 30 ДЗОТов, построены убежища, проложено дорог в скалистом грунте 7 км, весь остров и боевые объекты обнесены проволочным заграждением в три кола и ряд других работ, как-то: ремонт дамб и пристаней, ремонт жилых помещений.

Командование острова Гогланд [...] **сапёрную роту ставило всегда в пример другим подразделениям** после каждой установки батарей, выносило благодарность сапёрной роте.

После окончания работ [...] всей сапёрной роте и отдельным товарищам была вынесена благодарность. Сапёры отлично справились с данной работой, укрепив форпост к колыбели революции Гогланд.

Вывод.

[...] необходимо признать недостаточность подготовки сапёр в условиях КБФ. Сапёры совершенно не знают технической военно-морской терминологии, не знают особенности техники, которую устанавливают [...], по всем программам не предусмотрены такие дисциплины, как: установка батарей, инженерное оборудование батарей, общее знакомство с батареями [...] Это очень много отражалось на выполняемые работы, а это хлеб сапёр Балтики.

Всестороннее изучение и ознакомление с боевой техникой военно-морского флота приносит несомненную пользу в деле реализации и улучшения строительства сооружений береговой обороны».

Сапёры данной роты освоили это уже в процессе практики. Они могут уже самостоятельно руководить установкой батарей, строительством убежищ.

Большую практику приобрели по подрывным работам и по строительству дороги в скалистом грунте, где приходилось подрывать большое количество каменной породы и делать проходы (стр. 52).

Также данная рота была выслана по устройству дороги по льду к финским берегам.

[...] Сапёры научились строительству дороги на льду, усиление льда, устройство переправы через фарватер. Сапёры научились практически строить ДЗОТы, строить проволочные заграждения и даже восстанавливать пристани [...].

В марте 3-й сапёрный взвод этой роты в количестве 100 человек совершили пеший переход с полной выкладкой по торосам и по целому снегу с о. Гогланд на о. Лавансаари и Сейскар, общей протяжённостью около 70 км.

Переход был совершён хорошо, все бойцы за исключением 3-х, которые пристали, вынесли данный переход и приступили к

новым работам по укреплению островов Лавансаари и Сейскар. На Лавансаари сапёры уже установили 2 батареи раньше срока на 10 дней.

[...] 21 декабря 1939 года по приказанию командующего КБФ была выслана ещё рота сапёр в количестве 72 человек с командиром роты Тимошук с задачей:

Высадка десанта в тыл противника и обеспечить инженерной разведкой данную десантную группу на материке.

[...] Усиленно готовились [...], учёба по сборке паромов на воде и на суше [...].

Высадка «десанта» под огнём противника, нахождение мин при помощи миноулавливателя, подрывание огневым и электрическим способом, обнаруживание противодесантных препятствий.

[...] Бойцы с большим энтузиазмом изучали задачу, но [...] эта задача и операция была оставлена и [...] подразделения возвратились обратно.

Вывод.

Сапёры во время подготовки освоили и изучили мины, миноулавливатель, освоили, хоть и не полностью, подрывное дело [...], переправочное дело – сборка паромов на 3-х лодках и производство высадки десанта.

[...] 3-го января по приказанию командира Зимней обороны было выделено подразделение с командиром роты Тимошук в распоряжение командира Зимней обороны с задачей:

а) Сделать колонные пути от Курголово до Лавансаари.

(Курголово – посёлок Усть-Лужского сельского поселения Кингисеппского района на Кургальском полуострове. Впервые упоминается в писцовых книгах Шелонской пятины Новгородской земли в 1571 году, на шведской карте Ингерманландии 1704 года. На этнографической карте Санкт-Петербургской губернии 1849 года как деревня, населённая ингерманландцами-савакотами, ижорами. Была там часовня, мельница, в 1930 году – метеостанция. В 1906 году открылась земская школа. Работала в ней мадемуазель Удрик, эстонка. В 1933 году была районным цен-

тром и в неё входили четыре деревни: Вейно, Кайболово, Курголово, Липпово, с населением 1515 человек. С сентября 1941 по январь 1944 была в оккупации. В 2007 году здесь жили всего 25 человек. Сейчас на берегу озера Липповое выросли дорогие коттеджи, стоимость самого скромного около пяти миллионов рублей. – Н.Б.), с Лавансаари на Сомерс, с Лавансаари на Малый и Большой Тюттерс, с Соверса на Сескар, с Сейскара на Колгомшню, Лавансаари, Гогланд, с Сейскара на маяк Нерва, данные пути обвешать (обвешать или обвешить дорогу – обставить вехами: вешами, кольями, хворостинами. – Н.Б.), проделать дорогу, провести связь, устроить через фарватеры переправу, усилить лёд, произвести разведку льда по всем вышеуказанным линиям.

(с. 53)

б) Производить переброску грузов с материка на острова.

в) Работать с гидрографами по разведке льда и по прокладке пути.

Выполнение

Данная группа была разбита на две группы. Одна базировалась в Колгомпе (ныне мыс Колганпя (Колгомпя, Колканпя), одно из самых чистых и пустынных мест в Ленинградской области. Здесь есть военный объект – маяк, обнесённый колючей проволокой, к мысу ведёт мощёная древняя дорога. Была деревня на северной оконечности Сойкинского полуострова. Сейчас там находится СНТ Колгомпя. Название полуострова Сойкинский произошло от финского *soikkola* – полуостров. Населён был с древнейших времён, найдены мегалитические сооружения, как на Соловках. Здесь расселялись финно-угорские племена – воть и ижора. Деревни «на Сойкиных горах у моря» упоминаются в новгородских писцовых книгах 16 века, в 17 в. – как часть шведской провинции Ингерманландии. Населяли её эвреймысы, происходившие по преданиям от языческого бога Экрюса (исчезнувший народ). В 30-е годы 20 века здесь возводился укрепленный район, получивший название «Кронштадт-2» или военно-мор-

ская база «Ручьи». Остатки бетонных сооружений можно увидеть и сейчас в сойкинских лесах. Во время ВОВ здесь проходили тяжёлые бои, многие старинные деревни были сожжены и разрушены, среди них крупнейшее село Сойкино, о котором напоминают на самой высокой точке полуострова развалины храма Николая Чудотворца. На полуострове сейчас живёт около 2000 человек. Краеведческий музей в деревне Вистино. Древнейшее занятие населения – рыболовство в Финском заливе. – *НБ*), а вторая – в Курголово.

Работа по прокладке путей делалась досрочно. Личный и командный состав работали день и ночь. Работали в сапогах и в шинелях в открытом море при морозе свыше -30° . «Обвещали» все линии дорог, связали все острова связью, сделали нашу инженерную разведку. Усилили лёд, устраивали переправы через фарватер, и не любая погода и время суток не смогли остановить сапёр. Они шли на любую работу в любое время. За отличную работу и выполнение задания Военного Совета была 17 младшим командирам и красноармейцам объявлена благодарность командующего КБФ. Не было ни единой задержки переправы грузов с материка на острова.

Вывод.

Сапёры получили большой практический опыт по переправе грузов по льду (с большим преодолением торосов), научились делать инжразведку, усиливать лёд, устраивать переправу через фарватер и трещины. И главное, отработали разведку через ледяные пространства для продвижения войск со всеми приданными средствами [...]. Сапёры показали большую выносливость, делая в сутки переходы по 60–70 километров и в лёгком обмундировании и дали возможность обеспечить фронт с Финского залива (стр. 53).

[...] 7 февраля 1940 года команда сапёр в количестве 41 человек с командиром взвода Трубниковым по приказанию коменданта района была выслана на залив с задачей:

а) построить мост через фарватер и усилить лёд для пропуска тяжёлых грузов.

[...] Задача была выполнена раньше срока на отлично. Переправа была построена, грузы – пропущены.

[...] Бойцам и командирам взвода была вынесена благодарность.

Бойцы также показали большую выносливость при морозе, доходившем до -40° и при сильном ветре не было ни единого случая обморожения [...].

[...] 25 января 1940 года согласно приказа Военного Совета КБФ был направлен взвод сапёр в расположение командира Ладжской флотилии с задачей:

а) строительство и установка береговых батарей;

б) разминирование финских мин;

в) заминирование правого фланга (Ладжское озеро);

г) устройство ДЗОТ;

д) устройство проволочного заграждения [...].

Выполнение:

1) Установлена 1 береговая батарея и 2 зенитных

2) Очень большое количество разминированных финских мин

3) Заминировано правое побережье Ладжского озера

4) Боевые объекты обнесены проволочным заграждением

5) Построено до 10 ДЗОТов.

Бойцы и командиры получили здесь первое боевое крещение.

Под градом пуль и снарядов они разминировали финские мины, тянули проволочные заграждения, строили ДЗОТ[...].

С 10 марта (взвод) был сброшен на о. Койвисто, для удаления и обезвреживания финских мин. Бойцы и здесь показывали хорошие и отличные образцы работы.

Вывод.

Сапёры были плохо подготовлены, как-то: по установке батарей, по разминированию и заминированию объектов и участков обороны, так как весь личный состав был послан, пришедшие из запаса и в короткий срок, не было возможности дать всё, что встретилось, на практике.

Но, несмотря на это, пришлось бойцов обучать и совершенствовать их в ходе работ [...].

Бойцы практически опознали и усвоили: установка батарей на временных остановках, разминирование финских мин, даже английских мин, минирование полей, подрывное дело, устройство ДЗОТ, устройство проволочных заграждений, подрывание финских ДОТов».

[...] 23 февраля по приказанию Военного Совета КБФ, два взвода во главе с командирами взводов Трубниковым и Петрушевским были направлены в распоряжение командира З.О. КБФ с задачей:

а) обеспечить продвижение стрелковых частей со стороны залива в тыл противника, переправа тяжёлых грузов по льду, при занятии территории противника разведка территории, разминирование мин и адских замыкателей, обеспечение продвижения частей дальше на материк.

Подготовительные работы.

Мною, командиром батальона, данная задача была получена за 5 дней до её выполнения. За эти 5 дней бойцы готовились по следующим видам:

(стр. 54)

1. Был достигнут лыжный переход до 40 км

2. Подрывание льда и устройство фарватеров

3. Преодоление проволочного препятствия минных полей, переправа через фарватер, работа с миноулавливателем

4. Тактические задачи с правильной перебежкой, переползанием на лыжах

5. Метание гранаты, стрельба из винтовок и пулемётов

6. Было устроено учение в масштабе батальона

[...]В этом учении была создана обстановка, близкая к боевой. Где данные взвода обязаны были преодолеть полосу заграждений противника и занять территорию противника.

Заграждения были сделаны следующие:

а) полоса малозаметных препятствий, фарватер шириной 5 метров, минированное поле, проволочные заграждения в 3 кола, и проволочные заграждения в 1 кол (проволочный забор)

[...] было указано на недостатки и в будущих действиях, где бойцам пришлось встречаться с настоящим противником, были эти недостатки учтены.

Было проведено с бойцами ряд бесед и после чего были отправлены на передовые позиции фронта.

Действие подразделений

а) подразделение командира взвода Трубникова/

По приезде в Кургалово взвод сразу же был направлен на о. Лавансаари (35 км) на лыжах с полной выкладкой бойца, отстающих никого не было. По приходе на Лавансаари, передохнув несколько часов, взвод на лыжах опять был направлен на Сомерс (25 км). Личный состав целые сутки был без питания и совершил лыжный переход до 70 км, отстающих бойцов не было.

[...] на следующий день был направлен на о. Лавансаари, после на Сомерс, откуда началось действие.

Задача данного подразделения была – обеспечить продвижение 3-го батальона, задача которого заключалась в оттягивании сил противника и даче возможного продвижения группы Павлова на Выборг [...].

[...]задача: [...] инжразведка, разминирование мин на занятых островах и переправа тяжёлых грузов по льду, и действие как стрелкового подразделения.

Подразделение 3 раза ходило в бой, ежедневно делая лыжные переходы 60–70 км, ночуя в торогах. При занятии островов сапёры первые ступали на острова, перерезав электрические провода, которые шли к боескладам, находившимся на острове, тем самым обезопасили продвижение части вперёд. Работая под артиллерийским огнём противника, сапёры также и отступали последние, принимая бой на себя. Сапёры проявили героизм и мужество. Вытаскивали из-под огня противника раненого командира 3-го батальона. Целую ночь 4 бойца защищали орудия в тылу противника, оставленное нашими частями, под артиллерийским и пулемётным огнём [...]

[...] Сапёры хорошо вели себя также и в тактическом отноше-

нии, делали правильные перебежки и переползания, ориентируясь, где должен упасть снаряд, и как в данный момент поступать, искусно маскируясь.

По заключению командования 3-го батальона, где говорится «**сапёры шли вперёд. Это было лучшее подразделение**, как в тактическом отношении, специальной подготовке, так и в дисциплине, а отсюда как вывод **сапёры вернулись все целые и невредимые без единой потери**».

За самоотверженность 5 человек представлены к награде.

Вывод:

Сапёры в совершенстве овладели ходьбой на лыжах и действиями на лыжах в бою.

[...] самое ценное в том, что все предшествующие занятия закрепили в бою и усвоили роль и работу сапёрных подразделений при наступлении и при отступлении и обеспечении этого. Сапёры с отличными показателями приехали с выполнения операции, несмотря на то, что этот состав пришёл в ноябре месяце 1939 года.

б) подразделение командира взвода Петрушевского с о. Сескар было придано 4-му батальону с такой же задачей, как и взвод Трубникова. Взвод обеспечивал продвижение при наступлении на о. Койвисто и Бьерке, прокладывая путь, устраивая переправы (стр. 55) через фарватер и при вступлении на остров начали производить разминирование мин и адских замыкателей с тем, чтобы обезвредить всё, что заминировано и тем самым обеспечить продвижение наших войск.

[...] Бойцы встречались с совершенно новыми минами английского производства, которые были разбросаны и даже командир взвода стал преподавать комначсоставу стрелкового батальона. В настоящее время взвод находится ещё там, более подробных сведений нет.

22 марта группа красноармейцев в количестве 9 человек с о/к Аксёновым была направлена для разведки льда и разминирования о. Киускери.

19 марта команда в составе 9 человек под командованием о/к

Мирошниченко была направлена в Курголово для снятия батарей и для переправы на другое место [...].

Работа автогужевого транспорта и инженерное имущество

Автопарк, который состоял из 24-х ходовых автомашин с боевыми специальностями.

[...] Ежедневно на оперативных работах 8–10 машин.

Автотранспорт работал по переброске грузов с материка на острова Сескар и Лавансаари, Сомерс на перевозке раненых с фронта, на разведке дорог, по перевозке боеприпасов, по перевозке и переброске личного состава и обмундирования [...].

Автопарк – работал во время боевых действий хорошо.

[...] Машины все вернулись с фронта.

Гужтранспорт – из 10 ходовых лошадей было на выполнении оперативных работ во время войны 7 лошадей. Работали на зимних дорогах с гидрографами на островах. Увечий [...] не было.

Инженерный парк – работал только грейдер большой и компрессорная установка.

Работа штаба

[...] Штаб работал во время боевых действий удовлетворительно.

Ввиду неквалифицированного состава, писаря молодые, начальник штаба и помнач. штаба не опытные, но оперативное руководство, хотя и с опозданием, осуществляли любое задание. Своевременно комплектовались команды и отправлялись, своевременно доводилась задача подразделениям.

Планы сухопутной обороны ввиду перемещения бойцов менялись 5 раз. [...] плохой состав подразделений. Приходилось целиком отправлять подразделения, а выбирать личный состав со всего батальона, а отсюда запутанность штаба.

Материальное обеспечение

[...]подразделения снабжались всем необходимым своевременно и бесперебойно.

04 / 2017

Начальник О.В.С. находившийся все ночи в порту и в до рогах, обеспечивал подразделения.

[...] командиры подразделений сами относились халатно к сбережению обмундирования и снаряжения [...]

За время войны получили следующее количество обмундирования:

1. Полушубки ...(шт.)
2. Валенки ...(шт.)
3. Ватники ...(шт.)

[...] инструмент, находящийся в НЗ, как-то топоры, долота, стамески, не пригодные при работе с мёрзлой породой, крошатся и выходят из строя.

Присланные капсулы на 50% непригодны... следовательно в боевых действиях во время войны вышло из строя 9 лодок А-3.

Санитарное снабжение

С каждым подразделением отсылался лекпом или санитар.

Денежное довольствие

Бойцы своевременно удовлетворялись денежным довольствием. За хорошую работу премировались и награждались. (стр. 56).

Общие выводы работы сапёрного батальона за время военных действий

В связи с плохой комплектацией батальона личным и командным составом приходилось на выполнение той или иной задачи выбирать из всех подразделений, что затрудняло планирование штата.

[...] на будущее нужно райвоенкоматам учесть, что больших и многосемейных не ставить на учёт, а также подбирать личный состав в соответствии с их специализацией.

Военные действия показали, что **сапёр морских** нельзя никак приравнивать к сухопутным сапёрам. Почему? А потому, что у сухопутных сапёр однаобразная специализация, а именно, если он понтонёр, то он и занимается одним понтонным делом, а также и у других сапёр, как то маскировщики, а если и даже взять сапёр более широ-

кой специальности, то он должен знать подрывное дело, фортификацию, мостовое, переправочное, дороги и весь его круг деятельности. Для морских же частей – сапёрных – совершенно другое. Он должен знать обязательно, если он устанавливает батарею, то батарею в общих чертах, он должен знать торпеды, мины, подводные фугасы, инженерное оборудование батарей и фортов, минно-подрывное дело, подрывное дело, фортификацию, строительство и устройство пристаней, переправочное дело, а если он бывает и связан с кораблём, то и корабль в общих чертах, строительство фортов и т.д. Следовательно сапёры морские никак нельзя приравнивать к сухопутному узкоквалифицированному сапёру.

Второе, сапёр в береговых условиях по существу сам лично мало должен работать, он организует и показывает, как надо работать, за исключением некоторых работ, а отсюда он должен быть хорошим руководителем и инструктором.

Практика показала, что когда давали задание по строительству и установке батарей, то личный состав поехал на выполнение неподготовленным. А также по другим видам работ приходилось всё делать наспех и на ходу. А почему? Потому, что кадровый личный состав всё лето строил командные пункты и зенитно-пулемётные вышки в 1939 году, в 1938 году – огневые точки, а другая подготовка отсутствовала, и сапёра демобилизовали из армии неполноценного, а отсюда и запас пришёл слабо подготовленным.

Для пользы общего дела, для выковывания хороших сапёр-специалистов срок службы пролить для морских сапёр до 4-х лет. Поставить их на все виды берегового довольствия, тогда работа пойдёт следующим чередом:

[...] Сапёрному батальону ввиду его больших перебросок и выездов следовало бы все машины инженерные заменить на самоходные, экскаваторы, катки и т.д., а то получается так: завезли нас как на о. Гогланд. Компрессор и его если требуется та-

щить, то нужно ещё тягача, что затрудняет маневрировать часть [...]

[...] Военные действия показали, что в сапёрном батальоне необходимо иметь 3 сапёрные роты, а именно во время войны участвовало 380 человек. В сапёрной же роте 129 человек, в двух – 258, и отсюда – вывод – все остальные работали сапёрами и они совершенно не тех специальностей: шофёра, механики и т.д.) [...]

[...] Военные действия показали, что призванные из запаса из близлежащей местности, с дисциплиной у них хуже. Он просится домой, делает самовольные отлучки, приезжает семья и т.д., что влияет на его службу.

Нужно запас требовать и приписывать с других, более отдалённых райвоенкоматов.

[...] Военные действия показали, что составленные мобилизационные планы в мирное время, в военное они не соответствуют действительности [...].

[...] Военные действия показали, что командный состав ещё недостаточно знает своего вероятного противника, его силы, базы и т.д.

Заключение:

В основном сапёрный батальон с задачей справился хорошо. Все задания выполнены в срок и даже раньше срока. Командный состав и личный состав с честью отдал свой долг перед Родиной.

Командир Отдельного Сапёрного батальона лейтенант Мельников

Военком Отдельного Сапёрного батальона политрук Зудин

Исх. № 00143 от 20 июня 1940 года. (стр. 58).

Отчёт окончен. Финская и Великая Отечественная война давно позади. Мой отец умер в одиночестве в 1997 году. Мою вину перед ним трудно искупить.

Теперь я знаю точно одно – мой отец – сапёр-моряк вместе с сослуживцами своим ратным подвигом положили начало формированию морской пехоты России.

ИЗМЕНИВШИЕ ШАСТЬ

Прошедшая в Магадане летом 2017 года Международная школа молодых учёных, состоявшаяся в рамках форума «Петербургский диалог», как и все подобные насыщенные мероприятия, поставила много вопросов. Некоторые удалось задать во время форума, некоторые не удалось. Некоторые возникли позже, после осмысления вдруг навалившегося большого потока информации.

Один из прозвучавших и заинтересовавших меня докладов талантливой журналистки «Новой газеты» Елены Рачевой назывался «История сталинских репрессий через призму личной памяти. Опыт интервью с заключёнными и охранниками ГУЛАГа». Много в процессе последующего, длительного на фоне времени, посвящённого самой школе, общения с ней мне удалось прояснить. Много, но не всё.

Известно, что наша память страдает субъективизмом. А в нашем случае – тем более. Какие поправки на это делаются в подобных исследованиях и стоит ли их делать? Я думаю, стоит. И достаточно серьёзные.

Из своего личного опыта, и, проводя аналогичные исследования, я установил, что бывшие охранники (относё к ним всех представителей той правоохранительной системы) склонны обходить участки своей памяти, о которых они не хотели бы рассказывать. С другой стороны, приукрашивают те события, участие в которых характеризует их с положительной стороны и даже рассказывают о себе интересные случаи, которые произошли с другими.

Заключённые, и бывшие, и настоящие, это, само собой разумеется, творческая среда, чему способствует долгое совместное пребывание в замкнутом пространстве.

А рассказы относительно причин пребывания каждого из них в этом замкнутом пространстве прокомментирует любой представитель системы исполнения наказаний: «Послушать их, так все сидят ни за что». Это мнение, скажем, адвокатской стороны мы в любом случае должны учитывать, дабы не повторять ошибки осуждаемого периода в виде отсутствия состязательности судебных процессов.

Колымский писатель Станислав Олефир в своих воспоминаниях приводит пример бандеровца, который о себе рассказывал, что был лётчиком, пострадал за случайно сбитый американский самолёт. На самом деле,

согласно имеющимся документам, был осуждён за истязание и убийства своих же земляков. Прототипы рассказа В.Шаламова «Последний бой майора Пугачёва», по которому нас заставляют учить историю, из той же категории – бывшие бандиты и убийцы, а не военнопленные и к вооружённым силам почти не имели никакого отношения, о чём писал в своих исследованиях писатель Александр Бирюков.

Всегда есть и были люди, причём, не только в нашей стране, которые ради поднятия своего престижа и даже благополучия склонны присваивать чужие заслуги, факты биографии. Об одном из них писала «Магаданская правда» в пятницу в номере от 13.09.2009 г. в статье Александра Мамота «Чужие ордена, чужой почёт». Герой статьи – достаточно известная личность в Магадане, и у чиновников считался очень заслуженным.

Однако извлекать личную выгоду, придумывая или искажая факты своей биографии, можно не только присвоением фиктивных заслуг, но и страданий. Выдавать себя за жертву репрессий очень даже удобно и становится модным – у нас уже которое десятилетие кампания идёт. И средствам массовой информации, идущим в её русле, такую информацию только подавай – живо опубликуют. Я думаю, об этом мы должны тоже открыто говорить – мы же хотим объективного анализа прошлого.

Об одном таком человеке, герое очерка известного магаданского литератора, якобы, поэте, страдавшем за свои политические убеждения, а на самом деле судимом за разбой и кражи, я уже пытался публиковать своё исследование. Но, к сожалению, моя статья не совсем вписалась, как видно, в русло указанной кампании, и напечатана только за пределами области.

Сейчас у меня в руках несколько подобных материалов. А это уже тенденция, явление.

Я, отнюдь, не против восстановления прав репрессированных, а даже всеми руками за. Но почему-то вот постоянно возникают вопросы.

Когда у кого-нибудь случается личная трагедия, умирает кто-то из близких и он скорбит, его окружающие успокаивают: «Жизнь продолжается. Надо жить, и тебе есть ради чего и ради кого жить». Человек переживает трагедию, успокаивается, психологически восстанавливается, не сжигает себя. Вдовец женится. Вдова выходит замуж. Новое поколение это понимает и принимает, а

общество сохраняет своего члена для своего же блага. Даже не одного – двух.

Почему же наш народ вот уже более 60 лет (будем считать с 1953-го) заставляют скорбить о прошлом? И конца и края не видно. Есть ли какая-то граница, рубеж?

Почему Германия, ехидный побеждённый во Второй мировой, всего лишь через 15 лет после Нюрнберга так продолжила жить, что от неё бетонной стеной отгородились? А сейчас даже возглавляет создаваемую ею же империю, называемую «Евросоюз».

Наверное, есть какие-то причины. И дело не в коммунистической идеологии. Мы уже давно по ней не живём и почти совсем превратились в общество потребления. Может, действительно, правду говорят психологи, что человеком, живущим в постоянном ощущении вины, легче управлять?

Герой моего повествования – личность достаточно известная и, выражаясь языком современного шоу-бизнеса – раскрученная. В последнее время интересующая в основном второстепенные иностранные СМИ, которые передают его друг другу как эстафетную палочку. А почему бы не передавать? Он умеет говорить то, что от него ждут, что хорошо оплачивается, хотя не соответствует действительности и для кого-то служит в подтверждение образа России как империи зла (подчеркнём – России, раньше так говорили о Советском Союзе). Как-то незаметно в глазах большого круга иностранных журналистов он вырос в самого главного колымского зека. Сейчас выход на него ищет некая румынская телекомпания, снимающая фильм о советских репрессиях в отношении жителей территорий, в которых заинтересована румынская сторона.

Настоящую его фамилию указывать не буду – из уважения к сединам и тем страданиям, которые, тем не менее, выпали на его долю. Назовём его, также из уважения, по имени-отчеству – Владимир Иванович.

Мне кажется, здесь стоит положительно отозваться о невторостепенных, а ведущих мировых СМИ. Так, «France 24» и «Stern» не проявили интереса к Владимиру Ивановичу, почувствовав «подставу». Видимо, авторитет важнее. А так называемая «подстава» в том, что у него уже заготовлена легенда, которую он, махнув «по-зековски» для поддержания имиджа стакан халвяной водки (можно подумать, у зеков это было в порядке вещей, наравне со страданиями), рассказывает каждому очередному интервьюеру, дополняя новыми литературными подробностями. Главное её содержание – ненависть к своей стране, в которой живёт. А то, что он иногда выдаёт себя за военнопленного или участника норильского восстания, материалами дела не подтверждается.

Но прежде, чем перейти к анализу материалов этого дела, хотелось бы привести пример, какие доказательства при оценке прошлого у нас иногда используются. И даже не иногда – зачастую.

Исследуя причины гибели в первые годы советской власти известного поэта (по официальной версии – самоубийство), один авторитетный человек, профессор, делает вывод о причастности к этому «чекистов». А доказательство – «накануне смерти кто-то видел, как к поэту заходили двое в кожаных куртках». «Железяка», как говорят в некоторых кругах нашей молодёжи. – Да даже такое если и было, они б наверняка догадались идти к поэту не в кожанках, дабы не «засветиться».

В своей статье я тоже буду приводить некоторые доказательства, а там, где могут возникать сомнения, про-

шу читателя помнить об этих «двоих в кожанках». Почему кому-то можно делать выводы из ничего, а мне нельзя? Но выводы я буду делать не из ничего и не из разговоров, а из документов, чего хотелось бы пожелать всем пишущим и снимающим на тему репрессий.

Передо мной текст приговора от июня 1952 года, по которому шестеро человек, среди которых Владимир Иванович (он, кстати, указан в нём пятым по списку – по степени важности вменяемого), осуждены к различным мерам наказания по ст.ст. 54-8, 9, 10, 11 и 196 УК Украинской ССР. Подчеркнём, что шёл год 1952-й – по оценке многих историков, даже слепых обвинителей прошлого, это год заката ГУЛАГа. Система теряла свою мощь.

Несомненно, это уже чувствовали те, кто «в кожанках», и, само собой, были осторожны в своих решениях. Так, согласно исследованию магаданского историка Игоря Бацаева «Деятельность органов УНКВД» («Место действия – Колыма», г. Магадан, 2008, с. 24-28), просматривается перенос акцента в работе органов в указанный период от репрессивно-карательных мер на оперативные. Поэтому заявления Владимира Ивановича о том, что его осудили ошибочно, поскольку, якобы, не могли найти настоящих виновников, представляются сомнительными.

Опять же заметим, что Владимир Иванович не отрицает наличие «виновников», а значит события, о которых говорится ниже и в приговоре, имели место.

В мае 1950 года в родном селе Владимира Ивановича, в украинской области, где, спустя 64 года, в 2014 году националисты совершили наиболее бесчеловечные похожие расправы, убит председатель колхоза. За совершение этого террористического акта были арестованы три человека.

После их ареста до глубокой осени 1950 года (так в приговоре) начались поджоги имущества, принадлежащего колхозу и его активу. Были подожжены овцеферма, птицеферма, конюшни, свинарник, дома семи активистов, дом живого председателя колхоза, корм для скота. В разбрасываемых по селу анонимных письмах высказывались угрозы применить террор и в отношении других лиц.

Следствие, длившееся более, чем два года, а затем суд установили, что поджоги, теракт и угрозы – дело рук диверсионно-террористической антисоветской группы (так в приговоре), в состав которой входил и Владимир Иванович. Все родственники репрессированных либо сами репрессированы. И именно это, надо полагать, являлось мотивом совершения указанных преступлений. По данным следствия, группа намеревалась также отравить скот и колхозцы, для чего в её распоряжении был яд – сулема.

В последнее время с вопросом терроризма мы столкнулись очень плотно. Везде, даже в оплоте всемирной демократии, говорят, что этому явлению не должно быть никаких оправданий. В результате террористических актов и диверсий гибнут ни в чём не повинные люди – женщины, дети, старики.

Кроме того, рассуждая о репрессивной политике прошлого, мы много говорим, что коллективная ответственность это тоже плохо, дети, близкие родственники не должны отвечать за действия обвиняемого.

Поэтому происходившее тогда в том селе – это плохо с любой точки зрения, даже если это были акты мести или наказания за незаконно кем-то содеянное.

Сейчас Владимир Иванович рассказывает, что его осудили, поскольку не смогли найти настоящих виновников. Но может ли он ошибаться? Думаю, может. Попробуем порассуждать.

Первое, на что мы должны обратить внимание – его слова «не смогли найти настоящих виновников». То есть Владимир Иванович не отрицает, что события, о которых говорится в приговоре, действительно были. К тому же мы не смогли найти данных о реабилитации трёх человек из упомянутого выше списка. А это тоже подтверждение имевших место событий.

Второе – преступления происходили в селе, где всё у всех на виду и, как правило, все всё обо всех знают. И Владимир Иванович в определённой обстановке любит говорить, что он и его отец, выражаясь современным языком, «мочили» «краснопёрых». Их антагонистическая позиция наверняка не была тайной для односельчан.

Третье. Следствие длилось более двух лет. А после того, как «взяли не тех», поджоги и сопутствующие им действия вроде как прекратились.

Четвёртое. Владимир Иванович после освобождения не стал возвращаться в родное село, а остался на Колыме пожизненно. В чём причина? Чем его привлёк этот суровый край, с которым у него связаны одни только нехорошие воспоминания?

Попытаемся найти ответы в воспоминаниях бывшей сиделицы колымских лагерей М.Алимовой и писателя С.Олефира, которые полностью будут опубликованы во втором выпуске альманаха «Место действия – Колыма», выходящего в свет в ближайшее время.

«...После освобождения многие не спешили возвращаться в родные края. Кого совесть мучила, кто побаивался. Один как-то осмелился. Так его в родной деревне мужики поймали и сказали: «Ночь можешь переночевать, а утром чтобы твоего и духу не было. Не уедешь – убьём»... К нам вернулся, и больше об отъезде и не помышлял...».

«...Даже для самых оголтелых оуновцев побывший в тюрьме земляк становится как бы третьим сортом. Главное, обиженный им во время войны местный люд не желает прощать оставшиеся с Отечественной войны долги. Отсидит бандеровец положенное «по рогам» и «по ногам», летит в самолёте проведать родину и через три дня, почувствовав палёное, несётся обратно. Перед этим визитом целый год велись всякие разговоры, строились планы, шли переписки и согласования, а чуть погостил, ни с того, ни с сего срочно вернулся на Крайний Север и «ни чирик». Да ещё и ходит с оглядкой. Потому что следом уже летит родственник когда-то им повешенных или расстрелянных земляков, чтобы исполнить вендетту...».

Сам Владимир Иванович арестован в конце октября 1950 года на основании утверждённого областным прокурором постановления следователя, руководствованного статьями 144, 145, 158 Уголовно-процессуального кодекса Украинской ССР.

Опять подчеркнём и далее будем подчеркивать в подобных случаях – «Украинской», поскольку сталкиваемся с этим повсеместно и постоянно: многие в осуждаемый исторический период получившие сроки по уголовным кодексам ныне демократических государств (так принято считать) реабилитируются российскими инстанциями. Особенно те, кого в Европе сейчас называют представителями «вооружённого национального

сопротивления». Получается, недемократическая Россия (так принято считать) исправляет чужие ошибки. А постперестроечные элиты указанных государств уходят от ответственности.

Итак, Владимир Иванович и те, кто вместе с ним проходят по приговору, осуждены по совокупности статей 54-2, 54-8 Уголовного кодекса Украинской ССР – аналогу статьи 58 УК РСФСР.

Чтобы глубже разобраться в личности Владимира Ивановича, ещё раз пройдёмся по тексту приговора.

Кроме того, что кто-то из них или их родственников репрессирован, его и указанную группу людей объединяли (согласно приговору), «антисоветские взгляды, ненависть к Советской власти и колхозному строю». Тогдашнему следователю и составу суда это было понятно. Нам – нет. Потому что о прошлом мы пытаемся судить с сегодняшних позиций, а это, скорее всего, неправильно. Знал бы это суд, то, наверное, расшифровал, что означали те «взгляды» и «ненависть».

Хотя, и в имеющемся тексте приговора есть места, за которые можно «зацепиться», а именно за фразу «восхвалял деятельность бандеровцев». И именно это представляется сейчас ключевым во всём противоречивом облике Владимира Ивановича и его поделщиков.

В беседах с некоторыми чересчур доверчивыми представителями власти и средств массовой информации Владимир Иванович рассказывает, что был участником Норильского восстания. Если это действительно так, то нужно отметить следующее.

По имеющейся информации, а это легко найти даже в сети Интернет, ответственность за указанные и другие происходившее тогда аналогичные события охотно берут представители, опять скажем по-европейски, «вооружённого национального сопротивления». Стоит прочесть только заголовки – «Норильские повстанцы 70% становили вояки УПА...» или «Как украинцы развалили ГУЛАГ» и так далее. А в г. Львове сейчас день Норильского восстания отмечается как торжественная памятная дата, с соответствующими речами, гимнами и маршами.

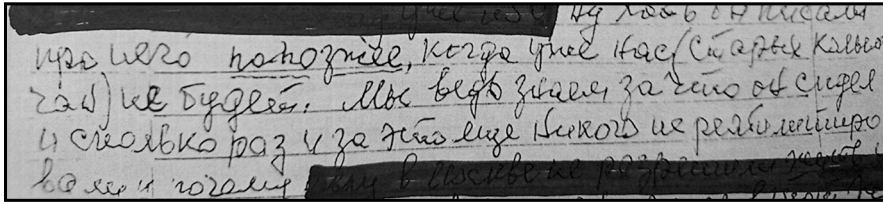
Легко понять, что причисляя себя к участникам указанных событий шестидесятилетней давности, Владимир Иванович позиционирует себя как бандеровец.

Но был ли он на самом деле участником этого восстания?

В его деле действительно имеется отметка от июля 1952 года о том, что осуждённый Владимир Иванович направляется в лагерь Горный (Норильск). Однако прибыл ли он туда?

Известно, что Норильское восстание было поднято 25-го мая и подавлено 4-го августа 1953-го года. А в деле Владимира Ивановича имеется справка для предъявления в отдел кадров по месту требования, между прочим – для подтверждения трудового стажа, в том числе так называемого «северного», где написано: «...находился в местах заключения МВД (выделено мной. – П.Ц.) с 26 октября 1950 года по 15 августа 1956 года, в том числе в районах Крайнего Севера с 16 сентября 1953 года по 15 августа 1956 года» (также выделено мной. – П.Ц.). (МВД я выделил по той причине, что у нашего обывателя складывается мнение о причастности к репрессиям только органов безопасности. Были и другие структуры и инстанции. И не только МВД).

Имеется также заявление Владимира Ивановича с просьбой включить в северный стаж его пребывание в

ОЛП пос. Кайеркан близ Норильска с сентября 1952-го по июль 1953-го года. Однако данных об удовлетворении этой просьбы нет.

Скорее всего, следуя логике «двое в кожанках», Владимир Иванович был в том регионе транзитом, а когда в Горлаге начались волнения, его и тех начинающих ЗК, кто был с ним, удерживали в ОЛП, а затем раскидали по местам лишения свободы в других регионах.

Нет никаких данных и о том, что Владимир Иванович понёс какое-либо наказание за «участие в Норильском восстании», которое, как пишут те, кто торжественно отмечает это событие, было жестоко подавлено.

Но есть характеристика о том, как Владимир Иванович вёл себя в транзитных лагерях: «Содержась в транзитном отделении, лагерный режим не нарушал. К лагерным группировкам не относится. Содержался с контингентом заключённых, отошедших от всех лагерных группировок».

При знакомстве с документами разрушается и легенда о Владимире Ивановиче как об участнике дерзких побегов. Был всего один случай, который суд квалифицировал как побег и добавил ему за это три года без поражения в правах к уже имевшемуся сроку. Вот выдержка из приговора о «дерзком» поведении Владимира Ивановича: «...проник из жилой зоны в производственную и скрылся в шахте, где скрывался..., а затем, воспользовавшись туманом, бежал из производственной зоны и был задержан в г. Магадане...». В побеге Владимир Иванович находился полгода. Может, как в анекдоте про неуловимого американского ковбоя Джона: «Что, действительно никто его не может поймать? – Да кому он на фиг нужен?»

Иногда Владимир Иванович выдаёт себя за военнопленного, хотя в день окончания Второй мировой войны ему было полных четырнадцать лет. И видимо в доказательство этой легенды к делу кем-то, видимо по его просьбе, для журналистов, приобщён листок, озаглавленный «Подтверждение», в котором двое односельчан Владимира Ивановича подписываются в том, что он один день находился в немецкой комендатуре, был подвергнут пыткам и потом уведён, якобы, на казнь.

Но как бы оно ни было, а широко известное утверждение в подтверждение тезиса «тюрьма не лечит, а калечит» коснулось и Владимира Ивановича, и постановление, утверждённое прокурором, о «водворении» его в особый лагерь МВД (МВД! – П.Ц.), к военным преступникам, мне представляется неправильным. Разговоры его с подельниками, названные в приговоре «антисоветскими», в местах лишения свободы легли на благодатную почву и дали ростки. В деле имеется справка-ориентировка от 1956 года: «...примыкает к группировке организации украинских националистов, груб в обращении, активный антисоветчик, имелись случаи неподчинения лагерной администрации...».

Поэтому то, что Владимир Иванович любит рассказывать о строгости и даже жестокости охраны, можно понять. В тот период в «вохре» служило много бывших фронтовиков, в том числе партизан и бывших военно-

пленных, не ставших вражескими пособниками (данные об этом – в воспоминаниях бывшего старшего оперуполномоченного М.Ашика в первом и втором выпуске альманаха «Место действия – Колыма», а также в моём исследовании о судьбах советских военнопленных, обнаруженных в 2016 году на Рождественских чтениях. – П.Ц.). Как этим бывшим фронтовикам было смотреть на потенциального бандеровца?

Освобождён Владимир Иванович, отбыв в лагерях шесть лет из отмеренного ему судом (подчёркнуто мной. – П.Ц.) двадцатипятилетнего срока, в ходе первой и, к сожалению, далеко не последней в нашей стране кампании по развенчанию культа личности и восстановлению прав жертв политических репрессий. По решению несудебного (подчёркнуто мной. – П.Ц.) органа – Комиссии Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению в соответствии с Указом от 24 марта 1956 года дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления: «освободить за нецелесообразностью дальнейшего содержания в заключении» (подчёркнуто также мной, поскольку иных выводов я не нашёл. – П.Ц.). Почему-то мне очень кажется, что ключевыми в тексте того Указа следует считать слова «должностные и хозяйственные преступления».

Передо мной лежит ещё несколько материалов, похожих на дело Владимира Ивановича, которые я также намерен исследовать и проанализировать, – на Вадима Ивановича, Якова Антоновича, Дмитрия Анастасьевича и других. И я задаюсь вопросом – почему так? Почему люди с откровенным уголовным прошлым сейчас выходят на первые места? Почему о них снимают фильмы, пишут книжки и даже представления о награждении за прошлые сомнительные заслуги? Может потому, что в осуждаемый период эта категория людей считалась социально благонадёжной по сравнению с так называемыми «врагами народа» и мы, как бы этому ни противились, продолжаем ошибки прошлого?

Но потом понимаю, что так проще. Чиновнику, которому нужно показать работу по выполнению спущенных сверху указаний в рамках очередной кампании. Журналисту, озабоченному рейтингом своего издания. Проще работать с тем, что к вам само идёт, а иногда и плывёт. Искать объективные свидетельства, организовывать работу с архивами, проводить журналистские расследования намного сложнее. Вот тут как раз почувиться бы у прошлого, у тех, кого мы сейчас критикуем, которые шли и несли свою идеологию в народ. И ничего в этом зазорного нет. Нас же опыт тактики и стратегии интересует, а не идеология. Вон, капиталисты, учат же политэкономии своего строя по Марксу.

Передо мной ещё один документ. Письмо колымчанки. Отбывавшей наказание по политической статье. Реабилитированной. Кстати – из Украины. Письмо-обращение. Она тоже возмущена тем, кого мы сейчас приподнимаем и возвеличиваем: «Ну хоть бы написали про него попозже, когда уже нас (старых колымчан) не будет. Мы ведь знаем, за что он сидел и сколько раз, и за это никого не реабилитировали...».

Пётр ЦЫБУЛЬКИН,
член Союза писателей России

*Большой противолодочный корабль
«Сторожевой»*

Валерий Саблин

ИСТОРИЯ БУНТА САБЛИНА

В сентябре 1992 года замначальника управления Главной военной прокуратуры полковник юстиции Старков М.М. составил Заключение по изученному уголовному делу в отношении бывшего замполита БПК БФ капитана III ранга Саблина Валерия Михайловича, 1939 г. рождения в г. Ленинграде, русского с высшим образованием, женатого, не судимого, на службе в ВМФ с июля 1956 г., по обвинению в преступлении, предусмотренном п. «а» ст. 64 УК РСФСР (измена Родине) и матроса того же корабля Шеина Александра Николаевича, 1955 г. рождения, родившегося в г. Рубцовск Алтайского края, русского, образование 10 кл., холостого, не судимого, на военной службе с мая 1973 г., по ст. 17 п. «а» ст. 64 УК РФ (соучастие в измене Родине), установил, что по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 июля 1976 г. Саблин осуждён за измену Родине к исключительной мере наказания – расстрелу, без конфискации имущества, с лишением его воинского звания капитан III ранга, а Шеин – за соучастие в совершении данного преступления – к 8 годам лишения свободы, из которых первые два года – в тюрьме, а остальной срок – в ИТК строгого режима, без ссылки и конфискации имущества.

Приговор в отношении Саблина приведён в исполнение 03 августа 1976 г.

Саблин признан виновным в том, что он, 08 ноября 1975 г., реализуя изменнические замыслы, направленные на изменение государственного и общественного строя в СССР, в том числе и насильственным путём, и умышленно действуя

в ущерб военной мощи, территориальной неприкосновенности и государственным интересам Советского Союза, путём злоупотребления своим служебным положением и доверием экипажа, а также применения демагогических и обманных приёмов, захватил власть на боевом корабле, выведя его из-под власти Министерства обороны СССР, привлёк Шеина в качестве соучастника преступления и неоднократно выступал перед членами экипажа с враждебными заявлениями и призывами, склоняя их и вовлекая в противоправные действия, использовал боевой корабль, обладающий обособленной территорией, автономностью существования, достаточной маневренностью, мощными радиостанциями и вооружением, как средство давления на Советское правительство в целях достижения своих преступных намерений и, несмотря на категорические приказы вышестоящего командования остановить корабль, самовольно угнал «Сторожевой» за пределы Советской государственной границы.

Шеин, зная об упомянутых изменнических намерениях Саблина, направленных на изменение государственного и общественного строя в СССР, оказал ему содействие в захвате власти на корабле, в угоне его за пределы советской государственной границы, в использовании Саблиным корабля в преступных, изменнических целях, а также в распространении антисоветских, клеветнических измышлений Саблина.

В своём заявлении, адресованном в Верховный Совет РФ, брат осуждённого, гражданин

04 / 2017

Саблин Н.М., в связи принятием закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», просит о реабилитации Саблина В.М. С аналогичным заявлением обратилась в Главную военную прокуратуру жена осуждённого Саблина Н.М.

Решить этот вопрос без дополнительной проверки дела и доводов заявителей невозможно, а потому необходимо возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам, после чего дело направить для производства расследования в следственное управление Министерства безопасности РФ, поскольку органы предварительного следствия не проверили психическую полноценность Саблина, несмотря на наличие оснований для этого. Этот пробел следствия не был устранён судом, который признал Саблина виновным в совершении этого тяжкого преступления и применил к нему исключительную меру наказания, не проверив, являлся ли он вменяемым в момент совершения преступления. Между тем, сам характер действий Саблина по захвату боевого корабля и цели, которые он ставил перед собой, свидетельствовали о ненормальности его.

Как видно из материалов дела, действия Саблина по захвату власти на боевом корабле с одной стороны были тщательно продуманными и целенаправленными, а с другой – легкомысленными и наивными. Захватив корабль с мощным вооружением и выведя его из-под подчинения МО, Саблин потребовал от центральных органов власти предоставить возможность членам экипажа в течение полугода выступать в пропагандистских целях по центральному телевидению и радио.

В выступлениях Саблина перед личным составом корабля с призывом поддержать его, содержались пространные, отвлечённые рассуждения глобального характера, в которых он часто ссылался на произведения классиков марксизма-ленинизма и выдвинул свою теорию «коммунистической революции». В частности он заявлял: «Сейчас предстоят большие теоретические исследования настоящего положения нашего общества в философском, экономическом социологическом и политическом планах. Начало этих исследований и есть уже начало революции, ибо революция – это могучее движение общественной мысли, это колоссальный всплеск колебаний ионосферы, который неизбежно вызовет деятельность масс и воплотится в материальном изменении и всей общественно-экономической формации».

Из показаний на предварительном следствии отца обвиняемого свидетеля Саблина М.П. видно, что когда от сына пришло письмо, в котором он изложил свои убеждения и намерения захватить власть на корабле, то он и жена пришли к мнению, что нормальный человек такого сделать не может. Так, свидетель Саблин М.П., на допросе 13 ноября 1975 г., по этому поводу показал: «Нам кажется, что Валерий стал психически больным и только в состоянии болезни он мог дойти до таких убеждений (т. 29 лд. 166–171)».

При таких данных необходимо было тщательно исследовать данные о личности обвиняемого, допросить родственников Саблина о состоянии его здоровья, истребовать и приобщить к делу медицинскую книжку и медицинскую характеристику на Саблина, выяснить не было ли среди его родственников психически больных, не состоял ли он сам на учёте у невропатологов и психиатров. Однако этого в ходе предварительного следствия сделано не было.

Сложившаяся судебная практика исходит из того, что суд, решая вопрос о виновности лица в совершении особо тяжкого преступления, за которое по закону может быть назначена смертная казнь (Бюллетень Верховного суда РСФСР № 8 1971 г., стр. 11) должен располагать заключением экспертизы о его психической полноценности.

Военная коллегия Верховного суда СССР, не располагая заключением о психической полноценности Саблина, признала его виновным в измене Родине и применила к нему исключительную меру наказания, не проверив, являлся ли он вменяемым в момент совершения преступления.

В ходе дополнительного расследования необходимо истребовать указанные документы и провести посмертную судебно-психиатрическую экспертизу.

ОБЗОР ДЕЛА

Судебное следствие в заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР началось 6 июля 1976 г. и шло 4 дня в закрытом судебном заседании, протокол суда в т. 40.

На вопрос судьи признают ли себя виновными в предъявленном обвинении, ответили: Саблин: Виновным признаю в полном объёме предъявленного обвинения.

Шейн: дал аналогичный ответ.

Первым допрашивался Шейн, который показал: (т. 40 лд. 12–43): Саблин советовал мне изучать труды В.И. Ленина и помогал мне в этом. Помог мне с отпуском, хотя знал, что я получал взыскания. 05 ноября Саблин вызвал меня в каюту. На мой вопрос, как он, Саблин, собирается ликвидировать существующие недостатки в стране, С. ответил, что хочет вывести корабль за пределы госграницы СССР в нейтральные воды, дать телеграмму Главкому ВМФ и предъявить определённые требования, а затем выступить по радио и телевидению с призывом создать новую партию и общественный порядок. С. сказал, что ему нужна моя помощь.

Я спросил С. «не шпион ли он»? С. убедил меня, что он честный человек. Я дал согласие поддержать его.

В международном плане С. сказал, что «когда мы будем переходить к коммунизму, то это будет толчком к революционному движению в других странах».

С. дал мне магнитную ленту, предложил её прослушать и отправить её кому-нибудь из моих знакомых, чтобы знало больше людей и предупредил, чтобы магнитная лента не попала за рубеж, т.к. записанное на плёнку касается внутреннего положения Советского Союза.

С. сказал, что он «намечает взять власть на корабле 8 ноября вечером и что командир будет изолирован для его же пользы».

При прослушивании магнитной ленты с Буровым запись нас испугала «своими антисоветскими выражениями».

Я сказал С., что посвятил в его планы 4-х матросов, он заявил, что я зря это сделал, в ответ я сказал «пускать на корабле будет ударная группа»

После ужина 8 ноября 1975 г. я зашёл в каюту С. Он дал мне пистолет ПМ без патронов и попросил меня во время выступления перед офицерами и мичманами находиться в кинооператорной каюте корабля с целью пресечения какого-либо неподчинения.

Примерно около 19.30 8 ноября 1975 г. по корабельной трансляции была подана команда матросам – кино, офицерам и мичманам собраться в мичманской кают-компании.

С. стал рассказывать офицерам и мичманам свою биографию, уделяя недостаткам в нашем обществе основное внимание. Среди коммунистов много приспособленцев, бюрократов, ловкачей, ставящих свои личные интересы выше интересов народа. С сообщил, что намерен вывести корабль в открытое море с целью изложения своей программы по телевидению.

Капитан-лейтенант Виноградов спросил Саблина «А как же присяга, которую мы принимали?». С. сказал, что мы не являемся изменниками Родины, что наши действия будут направлены на благо народа и страны.

После собрания С. предложил офицерам и мичманам проголосовавшим против его программы, спуститься в помещение 6-го поста РТС. Мичман Житенев и капитан-лейтенант Виноградов отказались, тогда С. приказал и они повиновались.

Набиев требовал освободить командира корабля, угрожая взорвать корабль. С. сделал мне замечание за то, что я ударил Копылова пистолетом и отобрал его у меня.

Ночью по корабельной трансляции С. дал команду: «Корабль к бою и походу экстренно подготовить».

Корабль снялся с бочек, развернулся и пошёл по реке в сторону Рижского залива. Перестала работать РЛС, я понял, что это дело рук группы Салитова. С. дал мне команду перевести 30–40 матросов и старшин в 37-й пост и обеспечить их охрану. У офицера Степанова забрали пистолет и 2 обоймы и я передал их Саблину.

09 ноября 1975 г., после завтрака, матрос Миненко мне сообщил, что поступил приказ командующего флотом остановить корабль, в противном случае против нас обещал применить оружие. Миненко предложил освободить из-под стражи командира корабля. Я сказал, что нельзя и потребовал от Скиданова, Чиканова и Аверина, чтобы они не открывали люк, иначе «всё пропало».

Я пошёл докладывать, но вбежавший матрос сообщил, что арестованные, во главе с командиром освобождены и бегут к арсеналу.

С. скомандовал по корабельной трансляции: «Все к арсеналу!», но было поздно. Потульный отдавал приказы и ему подчинялись.

Ст. лейтенант Смирнов закрывал люк в 6-м посту РТС, я уснул и слышал взрывы, я подумал, что меня расстреляют. Меня связали и привели на ходовой пост, там сидел Саблин с забинтованной ногой.

На вопросы суда Шеин ответил: С. привёл свою программу «Коммунистической революции». С. говорил, что писал письмо в ЦК КПСС и предложил чистку рядов КПСС, но на его письмо не среагировали положительно. Аверину я сказал, что будет «коммунистичес-

кая революция» и рассказал о плане угона «Сторожевого».

В беседе со мной С. заявил, что к такому шагу он готовился около 10 лет.

Из беседы с С. я понял, что ЦК КПСС не замечает имеющихся в стране беспорядков, что в партийный и государственный аппарат проникло много несознательных людей и надо создать новую партию и правительственный государственный аппарат – Советское правительство, нужна «коммунистическая революция».

Я угрожал лейтенантам Овчарову, Садкову, Смирнову, Досмагамбетову.

Захват власти на корабле произошёл с помощью оружия.

О вооружённой борьбе С. мне ничего не говорил. Предусматривалась идеологическая борьба.

Саблин, на вопрос суда, подтвердил показания Шеина и дал следующие показания (т. 40 лд, 44–81): Мои преступные действия, которые мне вменяются органами следствия, начались с весны 1973 г., когда я учился в ВПА им. Ленина и мне там пришлось встретиться с нехорошей обстановкой. Весной 1973 г. в академии за спекуляцию исключили из партии несколько человек, а одного не исключили, а направили на работу в ВМФ на Дальний восток (замечу, что этот капитан III ранга, в семье которого было двое детей, пришёл в академию с должности замполита «дизеля», на эту же должность он и был назначен по выпуску, имея строгий выговор по партийной линии за спекуляцию товарами промышленного производства: стиральные машины и т.д., что делала жена, родом из Харькова и её привлекли к уголовной ответственности за это. Она стала говорить, что муж ничего не знал и т.д. Но партсобрание курса всё равно объявило ему строгий выговор с нейтральной формулировкой, вроде того, что он допустил неэтичное поведение, порочащее честь коммуниста и офицера. Назначение этого офицера действительно было на ТОФ. АГ).

Это меня взорвало и тогда у меня появилась мысль захватить власть на боевом корабле ВМФ, который является обособленной территорией автономного существования, достаточно маневренной, с мощными радиостанциями и вооружением, чтобы использовать его для выступлений по радио.

Почему я выбрал для выступления ноябрь 1975 г.? Да потому, что знал, что корабль после участия в праздничном параде в г. Риге должен 9 ноября пойти на ремонт в Лиепая и в это же время заканчивается боевая подготовка, поэтому я считал, что мои действия не причинили бы большого ущерба боеготовности флота, и захват власти на корабле наметил на 8 ноября 1975 г.

Я привлёк матроса Шеина т.к.знал, что он честный, порядочный человек.

С целью информации более широкого круга лиц о намеченном захвате власти на БПК, я предложил Шеину направить письма своим родным и знакомым и вручил ему для этой цели кассету с магнитной лентой № 3, на которой ещё в апреле 1975 г. мной было записано заранее подготовленное вступление по радио и телевидению, содержащее критику внутреннего положения СССР, призывы к изменению государственного и общественного строя и замене правительства, к созданию новой партии в СССР. Там же были записана

04 / 2017

радиограмма Главкому ВМФ с требованием к центральным и советским органам и радиограмма с обращением к советскому народу и народам зарубежных стран, в которых были призывы к забастовкам, если представители власти откажут в удовлетворении моих требований.

8 ноября 1975 г. в 18-30 я приступил к выполнению своего преступного плана. Я пригласил капитана II ранга Потульного на 2-й пост. Он не спросил, зачем я пришёл. Я его там закрыл. Затем я вызвал Шеина и вручил ему незаряженный пистолет.

В 19-30 я собрал офицеров и мичманов корабля и провёл полуторачасовую беседу, в которой рассказал свою биографию, приводя в ходе рассказа тенденциозно подобранные примеры недостатков, несправедливостей, с которыми мне пришлось столкнуться. Затем я высказал идею о необходимости преобразования советского общества, замене КПСС другой партией и Советского правительства – другим правительством. При этом я подкреплял своё выступление цитатами Владимира Ильича Ленина, К. Маркса, которые мной были истолкованы неверно.

17 человек (офицеры, мичманы) из 27, находящихся в кают-компании, проголосовали за мою программу действий – примерно 62%! Это меня обрадовало. Я изменил план действий. Сначала я намеревался закрыть всех офицеров и мичманов в кают-компании, но теперь отказался от этого.

Я сказал, что несогласные со мной будут изолированы. Виноградов и Житенев выразили недовольство, я повысил голос и они спустились вниз.

О том, что я вооружён пистолетом, я говорил, но не показывал оружие. Пистолет мне был нужен для устранения на корабле беспорядков, о возможности которых говорил Садков.

Я приказал офицеру Степанову, который стоял на вахте, не отвечать на сигналы с берега и не принимать катера к борту, а сам пошёл беседовать с радистами и около 30 минут говорил им то, что и офицерам. Затем собрал весь личный состав по большому сбору. Построил по борту и выступил примерно так же, как перед офицерами.

Я узнал, что в 4-м кубрике собрались старослужащие и спустился к ним, провёл с ними беседу. В это время мне доложили, что Фирсова на корабле нет.

Кто-то предупредил, что в каюте у Сайтова собрались офицеры и мичмана, которые отказались подчиниться мне. Я зашёл к ним, там были офицеры Сайтов, Степанов и три мичмана – Калинин, Жидков и Свев, за спиной у меня встал мичман Калинин.

Я тогда не знал, что офицеры были вооружены. Сайтов сказал, что надо кончать, Фирсов на берегу и что нас арестуют. Но у меня была злость за обиды и я сказал, что собрать весь экипаж и решить на собрании. Хотел уйти, но меня схватил за рукав Ковальченков, толкнул в спину, оторвал три пуговицы, я вынул пистолет, т.к. боялся, что заберут, но никому не угрожал. В коридоре появились матросы, которые оттолкнули Ковальченкова.

Пистолет я не наставлял на личный состав и это в моём протоколе неправильно записано.

Я приказал офицеру Дуднику изолировать эту группу во 2-ю агрегатную.

Я поднялся на ходовой пост, объявил боевую тревогу и дал команду: «Корабль к походу». Боясь, что

Фирсов доложит, я ускорил выход, чтобы нас не задержали.

Около 3-х часов на корабль поступила радиограмма от командующего Балтийским флотом с требованием доложить обстановку на корабле. Я на неё не ответил.

В 4 часа, находясь в русле Даугавы, я дал шифрограмму Главкому ВМФ, в которой предъявил требование центральным партийным и советским органам, в том числе и объявить территорию корабля свободной, независимой от государственных и партийных органов на 6 месяцев, а членов экипажа неприкосновенными личностями, при сходе на берег обеспечить одному из членов экипажа ежедневно выступать по центральному телевидению и радио. Установил время ответа – до 10 час. утра 9 ноября 1975 г. Далее было указано, что в случае отказа в удовлетворении этих требований или молчания, за последствия ответственности нести не буду.

Сейчас понимаю, что это с моей стороны авантюризм, но тогда я предполагал подойти на Кронштадтский рейд, взять на борт представителя телевидения и выступить с той речью, которая была у меня записана на плёнке.

В случае поддержки населением, я собирался вести корабль в Ленинград, выступить по телевидению и из тех, кто будет собираться, создать оперативный центр политической активности, который создаст партию, а она поведёт борьбу с теми, кто будет против перестройки, вплоть до вооружённых мероприятий. Призыв народа и борьба будут проходить путём устройства забастовок, демонстраций.

Сейчас я понимаю абсурдность своих взглядов, но тогда я искренне верил, что только такой путь ускорил бы движение нашей страны к коммунизму.

В случае отказа или молчания, я собирался двигать БПК «Сторожевой» вдоль берегов советского побережья и по широковолновому радиопередатчику выступить с обращением «Всем, всем, всем!!!». Текст обращения записан мною на плёнку, которая проходит в качестве вещественного доказательства.

Запасов на корабле было на 5 суток.

В случае неудачи я был готов предстать перед судом. «Намерения у меня уйти за границу в тот период и до него и сейчас, никогда не было».

Около 7 часов подошли пограничные корабли, их было 4, они стали освещать БПК и давать сигналы, я приказал не отвечать, а затем ответить, что мы не изменили Родины.

Я ещё дважды, во время движения в Рижском заливе и Ирбенском проливе получал приказы командующего БФ возвратиться в базу и, что в случае невыполнения приказа в этом, по БПК будет применено оружие, но эти приказы я не выполнил.

В 8-55 9 ноября 1975 г. мною была получена радиограмма от Главкома ВМФ СССР с приказанием вернуть корабль в Ригу. Этот приказ я не выполнил.

Я не сообщил представителям боевых частей о требованиях командования, т.е. обманывал личный состав, хотя ранее говорил им, что буду советоваться с ними и информировать их.

После прохода Ирбенского пролива я убавил скорость с 22 до 6 узлов, выключив две машины. В это время подскочил пограничный корабль и встал по курсу, я вынужден был повернуть влево и приказал так держаться. На румбе было 290 градусов, о том, что это был

курс на остров Швеции, я не знал, т.к. его (острова), на карте не было. Увеличил скорость до 14 узлов, чтобы не высадились с пограничных кораблей.

В это время над БПК стали летать боевые самолёты. С пограничных кораблей по громкоговорящей связи передали, что если мы не остановим БПК, то будем уничтожены. Я испугался, хотя и не поверил и вызвал командира пограничного корабля и по громкоговорящей связи сказал ему, что мы не изменники, хотел выступить по радио и телевидению о наших недостатках.

В ответ нам посоветовали не делать глупостей.

Ещё около 9 часов мне была передана радиограмма, что если корабль вернётся на базу, то будет прощение. Я эту радиограмму не довёл до личного состава.

В 10 часов я дал команду подготовить вторую шифrogramму Главкому, ранее я дал указание передать в эфир «Всем, всем, всем!» по закрытым каналам связи.

Около 10 часов 15 минут кто-то доложил, что офицеры и мичманы освободились и рвутся к арсеналу. Я понял, что зашёл далеко и дал команду по трансляции вернуть на место, а личный состав – к арсеналу, чтобы не допустить офицеров к арсеналу и не дать им вооружиться.

После этого я намеревался освободить командира корабля и установить порядок на корабле.

В 10 час. 30 мин. я услышал взрывы бомб и удары осколков в борт корабля. Обернувшись, увидел Потульного, который выстрелил и я упал. Потульный вступил в командование кораблём.

Это авантюра, но изменником Родины считать себя не могу, это с моральной стороны, а не с юридической. Если же смотреть объективно – все мои действия являются изменой Родины».

В судебном заседании были осмотрены черновые записи, с которыми Саблин собирался выступить по радио и телевидению (т. 4 лд. 44–63), а также общей тетради в т. 3 лд. 23. В т. 4 на лд. 15–17 записи на отдельных листах с заголовком «Нищета социализма». Там же, на лд. 18–43 листки с записями под заголовком «От веры и поиска истины к революционной борьбе». На лд. 86 т. 4 упомянуты две общие тетради С., в которых ничего крамольного, судя по всему, не нашли. Осмотр двух коробок с магнитными плёнками (т. 2 лд. 54–58). Радиограмма Главкому ВМФ – т. 4 лд. 3. В том же томе на лд. 64–65 – черновые записи радиограммы Главкому ВМФ, составлены в апреле 1975 г. !!!). т. 3 лд. 21–22: радиограмма «Всем, всем, всем!». Т. 4 лд. 66–67, черновик этой же радиограммы, который писался ещё в апреле 1975 г. Кассета с магнитной лентой – т. 2 лд. 7, на кассете – три плёнки. Проект Устава революционных сил корабля», написанный, как сказал Саблин, в сентябре 1975 г. Примерный план действий по захвату корабля, который, как сказал сам Саблин, он составил в сентябре-октябре 1975 г., находящийся в общей тетради – т. 3 лд. 23.

Схема движения, составленная Саблиным – фарватер реки, когда шли на парад с лоцманом, а потом он по ней вёл корабль после его захвата, т. 1 лд. 14.

Общая тетрадь С., в которой ничего крамольного также не найдено – т. 3 лд. 23. Черновой вариант выступления Саблина перед офицерами и мичманами, который, как заявил Саблин, он написал 6 ноября 1975 г. – т. 3 лд. 9–17.

Письмо С. командиру корабля Потульному, которое написано, как сказал С., в октябре 1975 г.

Далее, давая показания, С. на вопросы суда ответил:

– На вопросы офицеров и мичманов я ответил, что наше выступление не является авантюрой и не подпадает под ст. 64 УК РСФСР, т.е. закона об измене Родины.

На их же вопрос, не нанесёт ли выступление вред боеготовности флоту, я ответил, что «в связи с тем, что боевая подготовка закончилась, корабль идёт в док, то ущерба боевой мощи флоту не будет».

При выступлении перед офицерами, когда меня спросили, что будет, «...если откажутся выполнять наши требования», я ответил, что в течение 5 суток будем курсировать по Балтике около берегов СССР и передавать «Всем, всем, всем». В случае нехватки топлива, продовольствия, будем всё это брать у встречных судов наших или зарубежных (на полях выписок стоит справедливая пометка: «Корсарство?»).

На СФ я был помкомандира корабля и водил корабли.

Моя речь была передана по корабельной трансляции.

Колиничев, Степанов и другие пытались затащить меня в каюту. Пистолет у меня был в руке и они могли понять это как угрозу.

Движением корабля и прокладыванием курса руководил я.

Судом исследовано заключение штурманской экспертизы (т. 37, лд. 26–33), которая пришла к выводу, что прокладка курса была сделана верно и с ней С. согласен, указав, что в момент остановки корабля он за автопрокладчиком не следил. Изменение курса корабля на курс 290 градусов (замечу, что именно этот курс был на Швецию, и по нему получалось, что Саблин и хотел увести БПК туда же, хотя в действительности этот курс был для уклонения с погранкораблем, но для квалификации по ст. 64 УК РСФСР, как раз эти 290 градусов было доказательством изменнических замыслов замполита – АГ) я сделал, чтобы не столкнуться с пограничным кораблём.

При оглашении исходящей шифротелеграммы № 0400 в адрес Главкома (т. 35 лд. 2–3), Саблин пояснил, что эта шифротелеграмма изготовлена им.

После оглашения судом шифротелеграммы № 175 от Главкома ВМФ (т. 35 лд. 6), Саблин пояснил, что приказ возвратиться в Ригу я не выполнил и никому о ней не сообщил. Это было в 8-55 9 ноября 1975 г.

Далее, на вопросы суда С. ответил: «Я ставил под удар весь экипаж корабля, но я не думал, что командование ВМФ применит против корабля оружие. Предупредительная шифротелеграмма Главкома ВМФ о применении оружия против корабля была».

«Да, я понимаю, что изменил Родине. Я признаю себя виновным по всем пунктам предъявленного мне обвинения».

«Я писал, что сейчас в умах лучших людей нашей страны и за рубежом настойчиво пробиваются ростки научных изысканий новой научной теории».

Нет, Сахарова и Солженицына я не имел в виду».

6 ноября 1975 г. я выступил с докладом на торжественном собрании перед личным составом, в отношении Советской власти я говорил неввраждебно.

Можно сказать, что власть на корабле была захвачена благодаря моему служебному положению и с применением оружия.

Когда БПК сопровождали пограничные корабли, я дал указание комендору Акимову поворачивать кормо-

04 / 2017

вую артустановку, чтобы дать понять пограничным кораблям, что мы не боимся их.

Я признаю, что мои действия был в ущерб интересам СССР, но они не были умышленными.

При допросе свидетеля Аверина (его показания записаны в протоколе суда т. 40 лд. 82–96)), он указал, что: Шеин сказал ему, что на корабле есть человек, который будет бороться за справедливость и просил его поддержать. Мы прослушали плёнку с записью речи Саблина. Командир корабля Потульный, когда его заперли, сказал: «Не верьте Саблину, он изменник и предатель». Саблин сказал на собрании, что такая партия как у нас, не должна быть и он выходит из неё. Сейчас, если бы предложили принять участие в подобных событиях, я бы тому перегрыз горло.

Допрос командира корабля Потульного (т. 40 лд. 97–103). Он снижен в звании до капитана III ранга, между прочим, на что обращено внимание в протоколе суда.

– Саблин в 19 час. предложил мне пройти во 2-й пост РТС. Подумав, что там пьянствуют матросы, он пошёл туда, я спустился через два люка в помещение поста. С. закрыл люк на замок и сказал: «Посиди, подумай, там есть 3 книжки». В книжке было письмо, в котором С. писал, что он и его сподвижники не изменники родины, а революционеры».

Я сломал один замок и открыл один люк, но 2-й люк открыть не смог.

Подошёл Шеин, я приказал ему открыть люк, сказав, что Саблин предатель, но он отказался выполнить приказание. Вскоре подошёл Саблин и предупредил, чтобы я не ломал люк и сидел тихо.

Копылов пытался освободить меня, но Шеин видимо ему помешал. Около 10 час. утра 9 ноября меня освободили. Овчаров дал мне пистолет, я на ходовом мостике увидел Саблина и выстрелил ему в ногу.

Я несколько раз отдавал Шеину приказы открыть люк, но он не выполнил их.

Я по радио доложил командиру бригады о том, что принял командование кораблём и мне было приказано встать на якорь.

От командования кораблём я был отстранён с 18–30 8 ноября до 10 час. 30 мин. 9 ноября 1975 г., т.е. примерно 16 часов. Считаю, что этим был причинён ущерб БФ и в целом ВМФ.

На карте после освобождения я обратил внимание, что курс был 270–280 градусов.

Подбор кадров на корабле был неправильный. Командный состав и экипаж были молодые и между ними не было взаимопонимания. Уровень подготовки Саблина как штурмана был неплохой.

Допрос ст. лейтенанта Фирсова (т. 40 лд. 104–108) – это офицер, который выбрался с корабля на берег и поднял тревогу.

– Саблин сказал, что корабль пойдёт в Ленинград, встанет на Кронштадтский рейд, будут принимать на корабле представителей телевидения и он выступит со своими предложениями, против беспорядков в стране.

Мне, по швартовому концу, удалось спуститься на бочку, меня заметили с подводной лодки и забрали катером.

В конце своего выступления С. заявил, что он считает себя выбывшим из КПСС. Он также сказал, что это не измена. По ходу его выступления Жетенев подал реплику, что Саблин выступает как академик Сахаров, на что С. ничего не ответил.

На это Саблин заметил в суде: «Ничего общего с Сахаровым у меня нет».

Допрос свидетеля Садкова (т. 40 лд. 109–115): С. хотел привести корабль в Ленинград, где выступить по телевидению. Дискутировать С. не разрешил. С. на вопрос не нарушается ли военная присяга, ответил, что корабль остаётся под государственным флагом, оружие нами использоваться не будет. В отношении себя С. сказал, что ему больше 5 лет не дадут. С. также сказал, что конечная цель – создание новой партии в СССР и на её основе развитие свободного и гармоничного общества.

Я видел, как Шеин направил пистолет на лейтенанта Овчарова и требовал сдать ключи от двери поста.

Допрос свидетеля Степанова (т. 40 лд. 116–120): Я был вахтенным офицером 8 ноября 1975 г. Я, Фирсов и Прошутинский выслушав выступление Фирсова, решили вооружиться, а Фирсову незаметно сойти на берег и доложить о случившемся, а мы хотели арестовать Саблина, но за ним шла толпа матросов и мы были схвачены. Нас изолировали во 2-й агрегатной, а затем перевели в 37-й пост.

Саблин сказал, что мы пойдём в Ленинград. Пистолет у меня забрал кажется Ефремов.

Допрос свидетеля Копылова (т. 40 лд. 121–125): Я услышал голос командира корабля, который сказал, что «Саблин и Шеин изменники Родины». Я хотел открыть люк, но Шеин вынул пистолет и, направив его на меня, сказал: «Буду стрелять».

Набиев выбил у него пистолет. Вошли мичманы Калимов, Величко, Гоменчук и Бородай, меня схватили. Шеин ударил меня рукояткой пистолета по голове, пошла кровь.

Саблин во время выступления увидел меня и сказал: «Вот, Копылов, тоже ничего не понял и пытался освободить командира и получил за это».

Шеин попросил у меня извинения за удар.

Ст. лейтенант Станкявичус предложил мне, Лыкову и Набиеву собраться, мы обсудили положение и решили освободить офицеров, по пути к нам присоединились другие и мы освободили командира, он приказал вскрыть арсенал и мы стали вооружаться.

Когда Потульный появился на ходовом мостике, то его команды выполнялись с желанием.

Допрос свидетеля Чистякова – командир ПСКР, преследующий «Сторожевой» (т. 40 лд. 127–131): Флаг был спущен на БПК-500 при выходе из Ирбенского пролива. «Сторожевой», не предупреждая, резко изменил курс, повернув вправо, чем создал угрозу столкновения судов.

Мы стали передавать приказы комфлота и Главкома ВМФ и МО СССР остановиться и следовать в Ригу. Но ответа с БПК-500 не получили.

После плавмаяка Ирбенский, БПК-500 ещё повернул и пошёл курсом 290 градусов, увеличив скорость до 14 узлов. Мы продолжали передавать приказы. Затем с

БПК-500 был передан сигнал с ответом, что ждут ответа от Главкома ВМФ на разрешение выступить по телевидению и рассказать о своей жизни. Мы снова стали передавать приказы вернуться в Ригу.

Мы передали на БПК-500, что если он не остановится, то по нему будет применено оружие. Мы заметили, что на БПК-500 была возня около орудия, но потом она прекратилась.

Мы передали на БПК-500, что Саблин незаконно командует кораблём и призвали личный состав не выполнять его приказы. В 9-30 на БПК-500 был поднят флаг ВМФ, на корабле началась приборка.

Мы получили приказ применить в отношении БПК-500 оружие, но потом он был отменён, т.к. дальше должна была действовать авиация.

Саблин рисковал жизнью всего экипажа. Мы обращались к коммунистам и комсомольцам БПК-500 остановить корабль, но он продолжал двигаться курсом на Швецию.

После того, как было применено оружие против БПК-500, через 2 минуты корабль остановился и был выкинут флаг – гюйс.

Мы сопровождали БПК в течение 3-х часов. В 10-00 было приказано отойти от БПК, т.к. будет действовать авиация.

Мы не пересекали курс «Сторожевого» и не мешали его маневрам. Я предупредил С. после поворота у Ир-

бенского плавмаяка, что он держит курс на Швецию.

Во время преследования БПК, флага на нём не было, он был поднят только в 9-30.

На вопрос суда, что он может сказать по поводу этих показаний свидетеля, Саблин: Я не намеревался вести корабль в Швецию.

Допрос свидетеля Виноградова (т. 40 лд. 133–139): Была объявлена тревога «К бою, походу». 9 ноября 1975 г. я связался со штабом Балтфлота, который приказал доложить обстановку. С. дал команду передать по ЗАС «Всем, всем, всем», но я сказал С., что будет дешифровка и будет известно за рубежом. С. согласился. Я обманул С., что передал его воззвание по ЗАСу. С. разговаривал с офицерами «на высоких тонах». Я видел Шевелёва, когда он стоял на бочке, как прыгал, не видел. Я передал по ЗАС «Прощайте братишки». В это время над нами начали летать самолёты, шли погранкорабли, обстановка была опасной. С. Запретил отвечать комфлота. Я передал «Всем, всем, всем» только 1-й абзац. Пошёл к Саблину и сказал, что открытым текстом передавать нельзя, т.к. будут за рубежом расшифровывать наш положение.

Допрос свидетеля Ефремова (т. 40 лд. 140–147): от Саблина я получил две телеграммы, одна – для Главкома ВМФ, а вторая – «Всем, всем, всем». Вторую телеграмму С. сказал передать открытым текстом. Я отправил телеграмму Главко-

му. От Горшкова пришла телеграмма с требованием вернуться в Ригу, а от командующего БФ пришла телеграмма с тем же требованием. Я доложил об этих телеграммах С. Я вытащил пистолет у Степанова, его взял Шеин и передал Саблину. С. сказал на собрании, что корабль пойдёт в Кронштадт. Я слышал как Потульный кричал на Саблина и Шеина «Изменники родины и требовал открыть его».

Допрос свидетеля Соловьёва (т. 40 лд. 149–153): штурмана на корабле не было, и я пошёл в штурманскую рубку выполнять его обязанности. По команде С. я встал на руль, все команды на руль и в машины подавал С. С., обращаясь к нам, навал нас «годками», ранее я от него такого не слышал.

Последнее слово С. (т. 40 лд. 159): «Я искренне раскаиваюсь в том, что нанёс ущерб ВМФ, принёс горе многим семьям. Куда бы меня ни забросила жизнь, где бы я ни работал, я все свои силы отдал служению коммунистической партии и советской Родине. Прошу вас поверить мне.»

Во времена уже «перестроечные», когда, по заключению ГВП, Военная коллегия Верховного суда СССР, в 1988 г., изменила приговор в отношении Саблина, исключив из него ст. 64 УК РСФСР – измену Родине и на-

значила наказание по ст. 260 УК РСФСР др. воинским преступлениям – неповиновение и неисполнение приказа – это когда он не остановил корабль по приказу Главкома ВМФ Горшкова, и назначила наказание в виде 10 лет лишения свободы в ИТК строгого режима.

Уже в новейшее время, после падения Союза, комиссия бывшего члена Политбюро Александра Яковлева, потребовала изучить дело Саблина и представить его на комиссию при Президенте Ельцине, для решения вопроса о полной реабилитации Саблина.

Заседание комиссии вёл лично Яковлев, со всеми присутствующими, а это были представители всех «силовых» ведомств, на уровне заместителей, поздоровался за руку.

Первым дело рассматривалось в отношении Спиридоновой и было отклонено, поскольку она была самая что ни есть террористка.

Вторым слушалось на этом заседании дело Саблина, которое докладывал помощник Яковлева, сказавший, что Саблин был борцом с коммунизмом и потому он не совершил никакого преступления. Потому комиссия должна к делу присмотреться более внимательно, именно с учётом того, что Саблин уже тогда боролся с коммунизмом.

Когда от ГВП слово дали Старкову М.М., который дело это изучил досконально и давал по нему заключение в Военной коллегии Верховного Суда СССР, то он сказал, что в действиях Саблина, который захватил вооружённый военный корабль, поднял на нём бунт, что на любом флоте любого государства мира является уголовно наказуемым деянием, подверг опасности личный состав в количестве 120 человек, как и сам корабль новейшей постройки, то Саблин виновен в совершении ряда воинских преступлений. А потому ни о какой его реабилитации, как борца с коммунизмом, даже речи быть не может.

Кроме того, следует иметь в виду, что он сказал в последнем слове. Кто-то из состава комиссии стал говорить, что сейчас эти его слова никакого значения не имеют. Однако зампредседатель Верховного суда СССР (Смирнова??!) попросила это последнее слово прочитать вслух и оно было оглашено. «Я искренне раскаиваюсь в том, что нанёс ущерб ВМФ, принёс горе многим семьям. Куда бы меня ни забросила жизнь, где бы я ни работал, я все свои силы отдал служению коммунистической партии и советской Родине. Прошу вас поверить мне». Он ведь служил коммунизму и пытался поднять именно коммунистическую революцию и какой же здесь может быть борец с коммунизмом?

В реабилитации Саблина было отказано.

Из «размышлений у парадного подъезда» Анатолия Белокопя: Может быть, этот материал должен идти под такими заголовками, в их наборе: Лейтенант Шмидт Балтийского флота? Предвестник краха СССР? Военный преступник? Заблудившийся в дебрях марксизма-ленинизма? Свихнувшийся замполит? Кто же он – капитан III ранга Саблин?

В то же время такой факт из этого бунта на боевом корабле, первого и единственного, между прочим, за всю историю ВМФ СССР: когда готовился захват власти на БПК, то замполит Саблин, выступил перед личным составом корабля – матросами и мичманами, офицеры к тому времени уже были изолированы, и, демонстрируя Уголовный кодекс, говорил, что в его

действиях, если дойдёт до военного трибунала, наличествует только состав преступления, предусмотренный ст. 260 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями, а в действиях матросов вообще нет состава преступления, поскольку они выполняют его приказы. Этот момент также был и при рассмотрении дела Саблина в комиссии Александра Яковлева.

Вообще же, говоря по большому счёту, сам захват власти на БПК «Сторожевой», показал на каком низком уровне была на нём дисциплина и насколько личный состав был разложен, прежде всего офицеры, которые даже не пытались дать отпор самозванцу, который поставил под угрозу жизнь и здоровье всех находящихся на борту, поскольку никто бы не позволил этому бунту и дальше развиваться и корабль был бы остановлен, даже применением крайних мер – огонь на поражение. И так и было: бомбардировка БПК самолётами ВВС сухопутных войск, что стояли в г. Тарту и т.д.

Наконец, вот какой момент: на БПК среди офицеров должен быть «агент» особого отдела, обычно 1–2 человека, с таким расчётом, чтобы один обязательно был на борту, и 1–2 мичмана, примерно 2–3 из матросов и старшин. Сразу же возникает вопрос: а где был весь этот «актив»? Характерно, что никто из «особистов» отвечающих за БПК не был наказан, чего следовало ожидать в условиях, когда на боевом корабле зрел бунт, а потом он и случился.

Вижу, что над материалом должны поработать совершенно посторонние люди, разных поколений. Тот же Трапезников, тем более, что он, в силу особенностей своего характера и судьбы, а также исходя из того, что его отец был в то время в аппарате Главной военной прокуратуры, и, возможно, в семье что-то говорил об этом бунте.

Материалов, как мне кажется, должно быть два: документальная часть, которую подпишет «полковник юстиции в отставке М. Старков», а вот публицистическая часть, которая должна родиться от размышлений над документальной частью, применительно к условиям, когда существовал СССР, при котором в Конституции не была ещё закреплена руководящая и направляющая роль партии, статья о чём появилась в Конституции СССР 1977 г., однако замполиты уже подняли головы и чем это закончилось, видно на примере БПК «Сторожевой», подпишет тот, кто будет её готовить.

Из личных впечатлений о Саблине, которого я мог наблюдать во время учёбы в ВПА им. Ленина, а жить пришлось в знаменитом общежитии на Большой Пироговской. Так уж получилось, что я, слушатель военно-юридического факультета, жил в одном отсеке с морским факультетом на протяжении 2-х лет – 3–4 курсы. Очень вежливый капитан-лейтенант, который, в отличие от других, не позволял себе материться. Всегда чисто и щегольски одет, в то время как все же кадровые офицеры специально позволяли себе некоторые вольности при ношении формы. И вот такая особенность: лекционные занятия в ВПА заканчивались в 14–30 и академия просто пустела. Слушатели растекались кто куда. От занятий на стадионе Динамо и до ближайших пивбаров, бань и т.д.

И только Саблин ехал в общежитие на Пироговской, обедал и отправлялся в читальный зал, что был

в общежитии, и работал круглосуточно, где он усиленно штудировал классиков марксизма-ленинизма. Примерно в 22-23 часа к нему в читальный зал приходила супруга, приносила чай-кофе в термосе и бутерброды. И Саблин, после перекуса, оставался на той же позиции – в читальном зале, где одиноко, бывало, сидел и до 1-2 часов ночи. Другие слушатели всех факультетов себе такую «вольность» позволить не могли: в лучшем случае их можно было видеть только в период сессии, да и то набегами. Да и то только под угрозой провала экзамена.

В 1983 г., уже из ГВП, я приехал с проверкой на СФ, где служили некоторые из тех, с кем судьба свела меня в общежитие на Пироговской. Естественно, что созвонились и устроили вечер «чаепития», как и положено. После традиционного морского тоста «За тех, кто на вахте, гауптвахте, в темнице и венерической больнице», разговор зашёл, кто и где после академии, и что да как с ним. Дошли до Саблина. И четверо сидящих за столом, дружно и не сговариваясь, произнесли классическую фразу: «Так он же ненормальный! Ну кто в академии добровольно учил по ночам от Маркса и до Ленина? Только ненормальный!»

И это произносили люди, занимавшие весьма солидные посты в «политрабочей» иерархии СФ, капитаны I и II ранга, между прочим. И в самом деле, это так. Однако Саблина на следствии не назначалась стационарная судебно-психиатрическая экспертиза, которая была обязательна по уголовным делам, где предусмотрена смертная казнь. Проведена была, как видно из обзора дела, только амбулаторная психиатрическая экспертиза. И, самое главное, врачи института им. Сербского, не настояли на помещении Саблина в условия стационара, для более глубокого обследования. Может быть, они и сообщили следствию, что пациент не совсем здоров, так сказать. Ведь тогда теория учёного-психиатра профессора Снежневского гласила, что имеет место «шубообразная» форма шизофрении, а она может быть совершенно незаметна окружающим, не может быть выявлена и при беглом наблюдении даже специалистами, однако это заболевание проявляется в определённых условиях через атипичные поступки и ситуации, в которых оказывается больной.

И, наконец, признать, что Саблин психически больной, это признать, что вся команда, на протяжении 2-х лет слушала бред замполита на борту, а потом подняла бунт и захватила корабль, это было бы чудесно. И потому было проще провести поверхностное судебное следствие, не вникая ни в материалы дела, ни в другие документы и расстрелять Саблина. Такое тоже высказывалось не один раз при разговорах по этому делу, несмотря на то, что при посмертной судебно-психиатрической экспертизе Саблин был признан вменяемым.

Ещё вот такая подробность из этого дела: разговоры, что Саблин закончил ВПА с золотой медалью и что его фамилия была золотыми буквами написана на доске почёта этой академии, просто не соответствуют действительности. Саблин учился, конечно, блестяще. Но ВПА он закончил не с золотой медалью, а с «красным дипломом», который, как известно, не даёт права на помещение на мраморную доску академии.

Наконец, вот что в этой истории примечательно: она не была проведена через соответствующий приказ МО СССР Гречко, как обычно это делается, а ограничено распространено было решение Политбюро ЦК КПСС по этому делу и на том была поставлена точка. Даже на флотах об этом деле, как и о личности Саблина, говорили весьма мало, поскольку о существовании случившегося вообще не распространялись.

Далее, казалось бы, после случившегося, в самой ВПА, раз её слушатель оказался способным на захват боевого корабля, должны последовать оргвыводы. Должны быть внесены соответствующие коррективы в учебный процесс, саму систему отбора и подготовки замполитов на корабли ВМФ, однако этого ничего не последовало. Словно в ВПА и ГлаПУРе попросту предпочли забыть эту позорную страницу в истории ВМФ СССР один раз и навсегда.

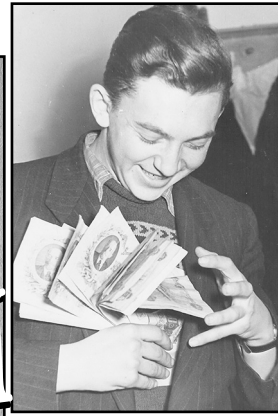
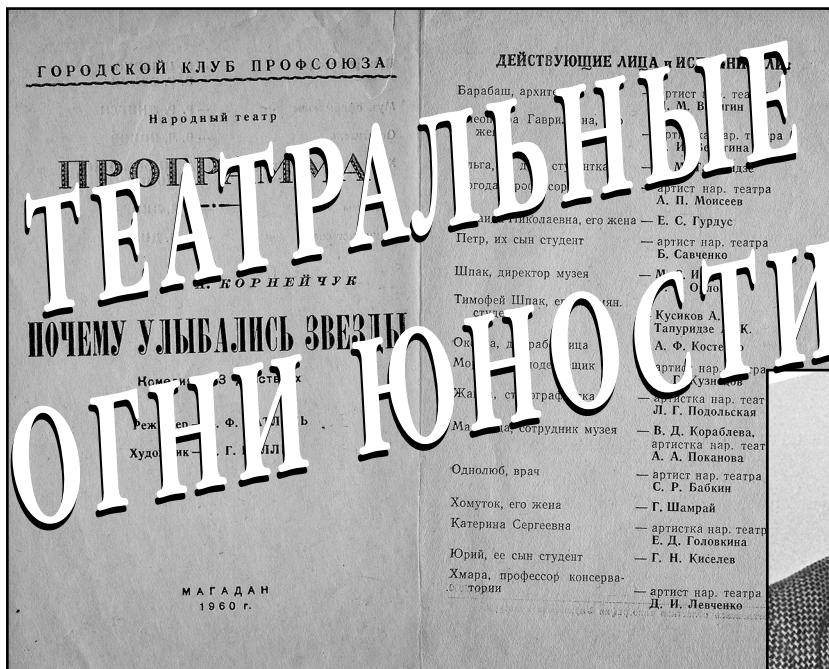
Естественно, что в войсках тоже ни о БПК «Сторожевой», ни о его замполите Саблине, также ничего и нигде не говорилось. Опять же – словно его и не было вовсе в составе Вооружённых Сил СССР.

В конце 80-х я пытался поговорить с гособвинителем по делу Саблина, военным прокурором Балтфлота генерал-майором юстиции в отставке Шантуровым Я.С., участником войны, между прочим, однако он ответил довольно резко, что это настоящий изменник Родины и его правильно расстреляли. И больше никаких пояснений ни по суду, ни о личности Саблина, как тот вёл себя в заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР, помимо того, что не входит в протокол судебного заседания, генерал дать категорически отказался. Даже хотя бы поговорить о том давнем деле, как с профессионалом, поддерживавшим обвинение по такому не просто необычному, а уникальному делу. И здесь, как мне кажется, в нём сидело то, что в обычных разговорах называют «подпиской о неразглашении определённых данных», хотя как раз с гособвинителя в генеральском звании никто такой подписки брать не мог.

Наблюдательное производство, т.е. основные документы работы военного прокурора, надзирающего за ходом следствия по делу, а также его прохождения в суде и на стадии исполнения приговора, по делу Саблина в архиве Главной военной прокуратуры хранилось не только с грифом «совершенно секретно», но и с припиской «Выдавать только с письменного разрешения Главного военного прокурора, а в его отсутствие, лица, его замещающего». Потому только после 1985 г. стало возможным поднять снова вопрос о Саблине и его реабилитации. Хотя, строго говоря, какая может быть реабилитация тому, кто поднял бунт на корабле и склонил команду к уходу БПК в нейтральные воды, хотя и со стремлением прибыть в Ленинград и там обратиться ко всем коммунистам и честным людям Советского Союза. Такое мог сделать только безумец, именно по причине своего болезненного состояния, а не состояния души, как говорится. Реализуя свои устремления на этот счёт, приобретённые в той самой знаменитой ВПА им. Ленина, аналогов которой нет и не было ни в одной стране мира, не считая, разумеется, Китая.

04 / 2017

Борис САВЧЕНКО

1. Программа спектакля;
2. Э. Дубровский - Зачем я приехал в Магадан;
3. Стиляга Пётр (Б.Савченко) в спектакле "Почему улыбались звёзды";
4. Л.В. Вегенер

Так получилось, что этот фрагмент воспоминаний является продолжением моих заметок, опубликованных в третьем номере «Мира Севера» за 2017 год. Но там речь шла о «цветном отрочестве» автора – увлечении живописью, которое привил мне замечательный художник Антощенко-Оленев, и попутно о моём видении личности начальницы Маглага А.Р. Гридасовой. Видении, сформировавшемся, разумеется, много позже, на основании имевших место фактов и событий, а также на воспоминаниях людей, знавших близко Александр Романовну. Сейчас же речь пойдёт о другом отрезке времени – молниеносно промелькнувшей юности, тоже наполненной интересными персонажами, так что меня метало из стороны в сторону в поисках ответа, кем стать и с кого строить свою жизнь. Однако я хотел бы ещё раз вернуться к Гридасовой и Никишову. Поводом послужили застрявшие «знатоков», пишущих об упомянутых лицах, видимо, с напева чужой бабушки, или просто фантазирующих на тему, что в голову лезет.

Один, например, пишет, что Гридасова чудом перебралась с трассы в Магадан и стала начальником Маглага, а уж потом познакомилась с Никишовым. Кто ж ей такое позволил? Да, и при этом безграмотно утверждает, что она заняла второй (!) по значению пост после начальника Дальстроя. Во-первых, советовал бы для начала прочесть мою книгу «Опальный Орфей», где со слов подлинных очевидцев описано их знакомство в п.Оротукан. Во-вторых, что касается иерархии. Абсолютной властью на Колыме, Чукотке, части Якутии и Дальнего Востока, входивших в систему Дальстроя НКВД СССР, обладал только один человек – генерал-лейтенант Никишов, подчинённый только Сталину и Наркому внутренних дел. Основную рабочую силу, то есть заключённых, поставлял Дальстрою УСВИТЛ, начальник которого являлся заместителем Никишова. В заместителях ходили ещё генералы, в том числе начальник Политуправления Дальстроя и

начальник Геологического управления. А Маглаг, которым командовала Гридасова, являлся всего лишь одним из многочисленных подразделений УСВИТЛа, разбросанных на одной седьмой территории СССР. Так что формально начальников у Александры Романовны хватало: генералы, полковники, подполковники, майоры, даже капитаны. Другое дело, что они с ней не связывались и при случае старались угодить (но это же вечная норма поведения с жёнами начальства, а сейчас что, не так?) Зато, когда Никишов по болезни оставил свой пост и один уехал в Москву, эти люди рассчитались с ней по полной программе.

У другого горе-историка натыкаюсь на такой пассаж: Гридасова с Никишовым жили в богатом особняке, окружённом роскошным садом. Александра Романовна купалась в роскоши (даже ванна наполнялась только молоком) и отправляла в Москву самолёты, полные золота и дорогого барахла. На досуге она развлекалась тем, что сидя у раскрытого окна, стреляла из нагана по проходящим по улице Сталина людям. Ну, конечно, на большую голову и не такое можно придумать.

Хочу внести ясность. Первое. Одевалась Гридасова (если не на службе в энкаведэшной гимнастёрке), как и положено жене начальника Дальстроя, лучше других. Старалась, чтобы и Никишов носил модную гражданскую одежду. Впрочем, какие костюмы носил Иван Фёдорович можно судить по его фотографии с вице-президентом США Уоллесом, когда тот наведлся в Магадан. Ещё можно вспомнить случай, связанный с прибывшим по этапу Вадимом Козиним. Увидев на Вадиме Алексеевиче шикарное пальто (певцу разрешили на время «путешествия» носить свою одежду), Гридасова велела своим портнихам сшить Ивану Фёдоровичу точно такое же. А Козину, разумеется, запретили надевать своё.

Не отставали от коронованных особ Дальстроя по части одежды и их подчинённые. Даже я по-

мню, какая нарядная публика заполняла муздромтеатр в дни премьер. Вся эта лафа со стильными двубортными костюмами из твида и крепдешинновыми платьями была связана, как ни странно, с нехваткой одежного реквизита в театре. Ведь, посмотрите, какие спектакли ставились: «Фельдмаршал Кутузов», «Дорога в Нью-Йорк», «Мисс Гоббс», «Чёрный тюльпан», «Трактирщица». А была ещё и опера – «Травиата»! То есть постановки либо исторические, либо из заграничной жизни, тут абы во что «миллионера» или дам из «высшего света» не оденешь. Плохо греющие бушлаты, кирзовые сапоги, кургузые шапки-«магаданки», безразмерные рубахи и штаны для зэка – этого добра на Колыме хватало. Целая швейная фабрика – женский ОЛП, номер запомню – обшивала всю армию трудящихся из усвитловской драп-дерюги. А вот насчёт твида, шевиота, креп-жоржета – извиняйте. Транспортной связи с материком не было, да и кто будет присылать дефицитные материалы в зэковский край – даже не заикайтесь.

Выручила гениальная идея Гридасовой. По просьбе руководства Дальстроя один из «либерти», осуществлявший помощь по ленд-лизу, привёз из Америки для нужд театра целый трюм различных качественных тканей. Часть этого богатства ушла на сторону, чтобы приодеться номенклатуре. Но и того, что попало в театр, хватило на долгие годы, чтобы и заграничную жизнь представить на сцене в соответствующем виде, и чтобы исторические спектакли выглядели правдоподобно. Уж чего-чего, а художников по костюмам, белошвеек и прочих мастериц шитья в Маглаге хватало с лихвой.

Второе. Приехав в Магадан, Никишов поселился не ахти в каком деревянном домике, частью двухэтажном, в котором обитал до него первый начальник Дальстроя Берзин. Скромнее некуда, если судить по фото. А, к примеру, его заместитель Цареградский занял хоромы с балконом в одном из первых и, пожалуй, лучших кирпичных домов Магадана. Участок вокруг дома имелся, но опять же, судя по фото, назвать его садом, тем более роскошным никак нельзя. Позже, после того, как вдоль забора проложили теплотрассу, ведущую, очевидно, к зданию театра, на участке посадили несколько деревьев, которые смогли переносить колымские зимы. Когда уже в 60-е или 70-е годы домик «за ветхостью» готовился к сносу, я ходил по этой территории – так, ничего особенного, ни о каких райских куцах говорить не приходится.

Как мне рассказывал сын Никишова Николай Иванович (генерал в отставке), свой брак с Гридасовой Иван Фёдорович заключил после развода с женой в 1942 году. В 1950 году брак он расторгнул и вновь вернулся к первой жене – Юлии Ивановне. Это ответ тем, кто до сих пор ломает голову: были ли Никишов и Гридасова официально мужем и женой. Но здесь есть тоже нюанс.

После переезда с трассы в Магадан Гридасову поселили в отдельном домике, предназначенном специально для начальников Маглага. После снятия Александры Романовны, там жили другие руководители магаданских лагерей. В детстве мне

приходилось бывать там пару-тройку раз. С виду барак как барак, только аккуратненький, белёный, с небольшим участочком, огороженным обычным штaketником. Домик находился хотя и в центре города, но в таком страшном закутке: с одной стороны, примерно в десяти метрах от штaketника – «колочка» усвитловского лагеря со знаменитой тюрьмой – «домом Васькова», (из окна Александры Романовны хорошо видна ближайшая сторожевая вышка), с другой стороны дома пленные японцы строили вторую школу, в которую я перешёл потом из первой. Ничего себе соседство, да? Никакого «студебекера» у Гридасовой в личном пользовании не имелось, да на нём и не подъедешь к её жилищу, разве на «полуторке» кое-как или на служебной «эмке». Охраны у дома никакой. Да и кто вообще подойдёт к дому, который, как на ладони, у охранника на вышке. И тем более, поди догадайся, что тут живёт «владычица Колымы» Гридасова.

Вот в чём и заключался нюанс. Гридасова, будучи женой Никишова, жила фактически на два дома, которые она потеряла почти одновременно, впад в опалу. Конечно, когда Никишов объявил ей о разрыве, она всячески старалась зацепиться за него. По свидетельству бывшего начальника Политуправления ДС генерала Сидорова, с которым мне тоже довелось беседовать в конце 80-х, Александра Романовна решила на отчаянный шаг: втайне «сошлась» с сыном городского прокурора Дмитриева и родила от него ребёнка, которого пыталась навязать Никишову.

В годы развала СССР и «разгула демократии» я прослышал о том, что в Магадане сформировалась своя «оппозиция» действующей власти, звавшая народ на площади. И одним из закопёрщиков этой когорты был некто Гридасов. Может быть, сын бывшей начальницы Маглага? Если он, то следы его затерялись вместе с соратниками где-то в Америке.

В декабре 1948 года Никишов покинул Колыму. Ещё до того, предчувствуя конец своей власти, Гридасова отпустила на материк «за отбытием срока заключения» нескольких творческих людей. Уехала бывшая балерина Большого театра и по совместительству любовница П.Постышева (расстрелянного в 1939 году как «японского шпиона». – Б.С.) Нина Гамильтон. Кстати, в Магадан она танцевала для вице-президента США Уоллеса, посетившего пролётом в Корею Магадан. Уехали пианист А.Шварцбург, художник В.Шухаев, бывший актёр МХАТа Ю.Розенштраух (Кольцов). Хотя последних Гридасова могла и попридержать, так в феврале 1948 года вышел приказ МВД о создании Берлага – особых лагерей в системе Дальстроя, по которому выезд с Колымы освобождёвшихся откладывался на неопределённое время.

В 1951 году уехала в Москву лишённая всех почестей и чуть было не попавшая в лагерь Гридасова. Но главные события – смерть вождя и бериевская амнистия – открыли дорогу на материк всем освобождёвшимся. Правда, с различными формулировками. Эдди Рознер, например, попал под амнистию, а был ли он позже реабилитирован

04 / 2017

(некоторые путают эти два понятия – амнистия и реабилитация) я, честно говоря, до сих пор не знаю.

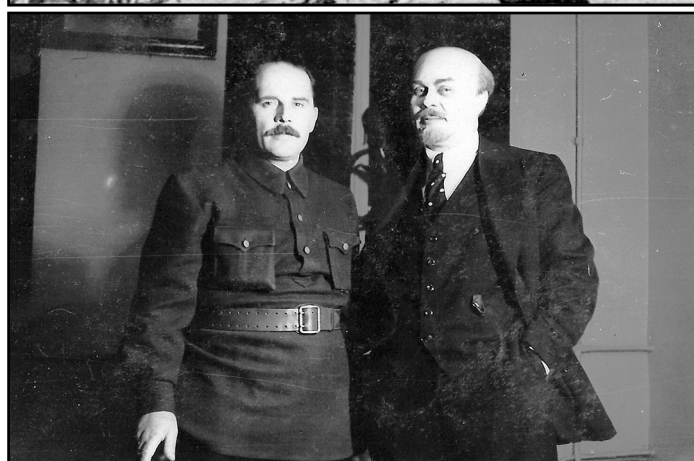
Отбыл на материк и мой учитель живописи Антощенко-Оленев (см. о нём «Мир Севера», 2017, № 3). Вместо него поставили руководить студией самого старшего из нас – художника П.Попова, с которым я не нашёл общего «творческого» языка. Да и к живописи я охладел, хотя по инерции метнулся в изокружок Дома пионеров. Но к моему комсомольскому значку прибавился ещё и паспорт, то есть возраст отнюдь не пионерский. Однако таких «переростков», как я, было полно и в других кружках. Особенно в драматическом, которым руководила сама директриса Дома пионеров – Зоя Константиновна Левитская, жена администратора магаданского театра.

Как-то, закончив натюрморт со скрипкой, я спустился по лестнице со второго этажа, по привычке оценивая на «косой» стене живопись, как мне сказали, самого Шухаева: пионеры с барабанами, планиристы, горнисты... Услышав голоса и музыку, доносившиеся со сцены, вошёл в зрительный зал и к своему удивлению среди незнакомых мне ребят я увидел своих одноклассников Серёгу Манухина и Ирку Лапшинову. Они ставили инсценировку «Клуб знаменитых капитанов», режиссировала сама Левитская, но у них никого не находилось на роль Гулливера. Предложили попробовать мне. Давно уже не помню, о чём был тот спектакль, в памяти осталась лишь начальная сцена: я в камзоле, в шляпе и со шпагой вместе с другими «капитанами» – Немо, Мюнхаузеном и Робинзоном Крузо – выходил в полумраке на сцену, и мы вместе напевали песенку: «В шорохе мышинном, в скрипе половиц медленно и чинно сходим со страниц...» В следующем спектакле по пьесе М.Светлова «Двадцать лет спустя» я уже получил одну из главных ролей – комсомольца Сашки. И даже имел успех, особенно у наших девчонок.

Однажды, придя на репетицию, я увидел в фойе художника, который как-то заходил в студию к Антощенко-Оленеву. Он поправлял кистью картину «Они видели Сталина», чуть-чуть попорченную, видимо, каким-то озорником. Я подошёл к нему, поздоровался, посмотрел, как он ювелирно работает кистью. Потом спросил: «А правда, что стену вдоль лестницы на второй этаж расписывал Шухаев?» – «Было дело». Мы разговорились, вспомнили Валентина Осиповича.

Мне тогда, конечно, и в голову не могло придти, что через три десятка лет я буду сидеть у него в гостях уже в московской квартире и напоминать этот эпизод. Художника звали Леонид Винфридович Вегенер (в то время он был главным художником театра). Из-за трудности произношения отчества Вегенер всегда представлялся Леонидом Викторовичем. Я слушал его рассказы о прошлом, и сейчас не откажу себе в удовольствии повторить фрагмент его воспоминаний, который когда-то включил в свою книжку «Колымские мизансцены» 1988 года издания.. Там речь шла о задании написать очередной портрет Сталина:

«Эти портреты «вдохновителя и организатора всех наших побед» мы писали к каждому праздни-

1. Артисты театра;
2. В.И.Шухаев;
3. Гридасова до знакомства с Никишовым -1940г.;
4. Директор театра Н.Венгржинский и актёр А.Мартынов в роли Ленина.

ку. Интересно, что когда мне впервые предстояло делать такую работу, в УСВИТЛе долго решали, можно ли доверить заключённому писать портрет великого вождя. Решили, что можно. В этот раз у меня возникла идея изобразить Сталина в полный рост у географической карты. Взял я кисти и принялся за работу. И помню, когда писал эту вещь, ко мне подошёл Шухаев. Долго-долго смотрел и потом изрёк: «Ну, Леонид Викторович, это у вас не пройдёт» – «Почему не пройдёт, Василий Иванович?» – «Это у вас слишком реалистично».

Когда я закончил портрет, первым его увидел наш новый директор театра, бывший смершовец, чрезвычайно любопытный человек. Он всё ходил вокруг портрета, изучал с разных точек, крутил свои усы и наконец сказал: «Мне нравится!» Я заинтересовался: «Николай Фёдорович, а может, это слишком реалистично?» – «Нет, почему же. По-моему нет». Через день в мастерскую нагрязнул генерал Сидоров – начальник Политуправления Колымы. Я как раз обедал. Прибегают ко мне: «Иди, там Сидоров пришёл, требует тебя» – «Какой Сидоров?» – «Иди-иди, узнаешь». Прихожу в мастерскую, генерал рассматривает портрет Сталина, прислонённый к стене. «Это вы писали?» – «Да, я» – «Интересно, интересно, очень хорошо. Понимаете, в чём дело? Я ведь много раз видел этого человека вблизи. Он действительно такой. Очень похож». И пошло. Сидоров сообщил о портрете Никишову, Гридасовой. В общем, портрет забрали в кабинет начальника Дальстроя. Я потом Шухаеву сказал: «Василий Иванович, это оказалось не слишком реалистично».

Специально к открытию художественной выставки Шухаеву тоже поручили написать портрет Сталина. Он сделал поясную копию, кажется, с картины Герасимова. На открытие выставки пожаловал сам Никишов. Смотрел, смотрел и вдруг говорит: «Что за безобразие!» – «В чём вы усматриваете безобразие?» – спрашивает кто-то их художников. «Да как же вы посмели изобразить Иосифа Виссарионовича с грязным воротничком?» – «Где?» – «Смотрите, вот с этой стороны грязный воротничок» – «Это не грязь, тут боковой свет, это тень» – «Никаких теней! Грязный воротник и всё!» Никишов пришёл в ярость. Последовал приказ: портрет немедленно снять, художника посадить в карцер. Шухаев в это время, ничего не подозревая, пил чай у себя в лагере. Прибегает в хворец: «Собирайся» – «Куда?» – «В карцер пойдёшь?» – «За что?» – «Не знаю, приказ такой».

Дальше вообще продолжение смешное было. На этой же выставке экспонировалась и моя картина «Сталин и Жуков на фронте под Москвой». Здесь Никишов грязных воротничков не нашёл. Заметил только, что шубу у Сталина надо было сделать светлее. А поскольку лагерное начальство переполошилось, когда он ополчился на Шухаева, то на всякий случай решили и Вегенера посадить в карцер – он тоже Сталина рисовал. Меня ночью поднимают, говорят, чтоб оделся теплее, и выводят из барака. А карцер – это железный ящик недалеко от вахты, в котором можно было только сидеть. А сидеть нужно сутки. Там жуткий холод, на полу немного соломы и всё. Открывают ящик

и толкают меня: «Заходи». Лезу внутрь и головой упираюсь во что-то тёплое. А это Шухаев. Он уже привык к темноте и спрашивает: «Леонид Викторович, а вы-то как сюда попали?». Я говорю: «А вы?» – «Ну я-то попал сюда нормально» – «А я понятия не имею. Наверное, за компанию».

Утром Гридасова втайне от мужа дала приказ выпустить нас...

Немного, кажется, отвлекся. Вернусь к своей теме.

Я не на шутку увлёкся театром. Первой книгой, посвящённой сцене, которую я взял в библиотеке, была «Моя жизнь в искусстве» Станиславского. И сразу испытал потрясение. «Какое глубокое проникновение в человеческую психологию! – восторгался я. – Какая тончайшая передача сущности театрального искусства!» Всё, о чём я только смутно догадывался, было уже известно этому человеку. Меня словно анафеме предали – началось запойное, бессистемное чтение всего «театрального», что попадалось под руку: Станиславский, Гюцци, Брехт, Рене Клер, «Кабуки», Шекспир, Диккий, Жан Вилар, Вахтангов...

Чем я только не интересовался! Втайне уже мечтал стать режиссёром, но для начала необходимо было овладеть актёрской профессией. Будто специально для меня в Клубе профсоюзов открылся театральный кружок, которым руководил Борис Фёдорович Зац, режиссёр областного театра. (Я видел там его постановки оперетт «Летучая мышь», «Сын клоуна», «Старый скрипач»). Конечно, я перетащил к нему чуть ли не половину домпонионерской «труппы»: Серёгу Манухина, Сашку Кусикова, Ирину Лапшинову, Пашку Смирнова и других. Дальше оставаться под крылом Левитской было просто неудобно – выросли не по дням, а по часам.

Для начала в Профсоюзе решили поставить пьесу В. Любимовой «В стороне» – о дружбе, первой любви, морально-этических проблемах молодёжи. Мне досталась роль юноши с противным почему-то для меня именем Николка. Борис Фёдорович порядком намучился со мной. По ходу пьесы Николка читает героине стихи Пушкина «Я вас любил», любовь ещё, быть может...» и этими словами признаётся ей в любви. Сцена шла хорошо, но как только дело доходило до стихов, я краснел, начинал запинаться, кашлять, опускал глаза. В общем, прилип язык к гортани моей. Зац выходил из себя, а я толком не мог объяснить, почему у меня ничего не получается. По-моему, и на премьере, состоявшейся в дни новогодних каникул, моё стихотворное признание прозвучало фальшиво. Хотя в рецензии «Магаданской правды» (от 13.01.1957) было отмечено: «Живо и непосредственно исполняет свою роль Борис Савченко».

Премьера – это финал работы, мне же больше помнятся дни репетиций, самые тогда счастливые моменты жизни. Пыльные кулисы, сонный полумрак сцены. Оркестровая яма, в которую я боялся свалиться. Старинное бра на стене репетиционной комнаты, неизвестно как попавшее туда. Бесконечные споры до хрипоты, спонтанные застолья с чаепитием. Пылкие обещания

04 / 2017

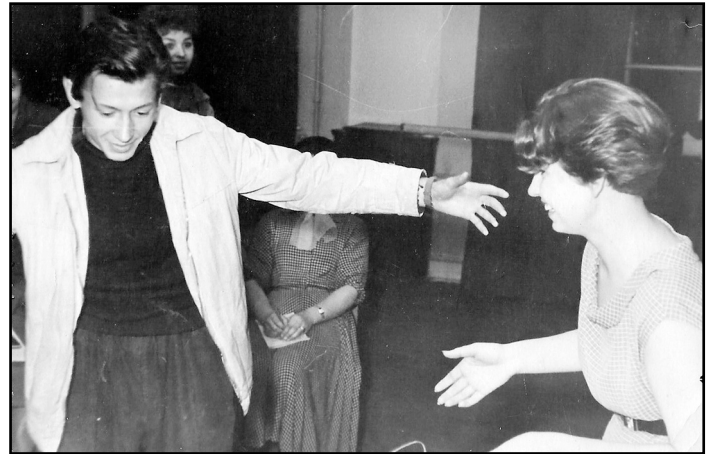
дружбы. Лёгкие пожатья рук и поцелуи украдкой. Помню звуки баяна (то «Брызги шампанского», то падеграсы и падеспани), доносившиеся из балетной, и голос хрупкого балетмейстера Васи Левашова: «И пара за парой, пара за парой...». Иногда мы туда заглядывали и видели стайку девушек в коротеньких платьицах. Такие вот смеющиеся вспотевшие девушки, Очень красивые и волновавшие меня. Сердце сжимается. Как там у Вертинского: «Это было, было и прошло...»

Иногда Борис Фёдорович приносил контрамарки в театр, и благодаря этому я просмотрел там практически весь текущий репертуар. Вадим Алексеевич Козин в своих записках разрушает общепринятое клише о его якобы любви к Магаданскому театру – он знал его подноготную и кто чем там занимался. Но я-то воспринимал тех же актёров, с которыми он общался за кулисами и на гастролях, только из зрительного зала, в лучах сияющей рампы, даже не задумываясь, что у них есть какая-то иная, не опереточная жизнь. И сужу о них по ярким лоскутным юношеским впечатлениям.

Любимой актрисой для меня, шестнадцатилетнего, являлась Тоня Винник, особенно блиставшая в канканах и сводившая меня с ума своими ножками. Много лет спустя, я узнал, что родилась она в Харбине, начала свою трудовую стезю в ателье дамских платьев Дайрена. В сорок шестом году, с приходом советских войск, ни с того, ни с сего, её обвиняют в «деятельности, направленной на свержение власти» (где?! какой?!

Может, платья шила слишком короткие?). И прямиком из Порт-Артура на Колыму. Впервые я увидел её на сцене Магаданского театра в 1950 году, в дни школьных каникул. Она играла в «Снежной королеве» принцессу Эльзу. А потом уж увидел во «взрослых» спектаклях легаро-кальмановского толка. Попав в Магадан на 90-летие Вадима Козина, я снова увидел её – в какой-то оперетке в группе миманса, у задника – полную, отцветшую женщину, которой было уже за семьдесят... Ах, это беспощадное время, что оно с нами делает!

Директором театра в то время был капитан Венгржинский, невысокого роста сорокалетний мужчина с большими усами, ходивший всегда в гимнастёрке, перепоясанной тонкими ремнями, но без погон. Вероятно, после ликвидации Дальстроя он демобилизовался, но, спустя много лет, я видел архивные приказы по театру, подписанные, как тогда полагалось: «Директор театра капитан Венгржинский». Никакого личного общения я с ним не имел (кто был он, и кто был я), хотя его автограф в моей коллекции имеется. После спектакля «В стороне» мы, несколько активистов кружка Б.Ф.Заца (Серёга Манухин, Ира Лапшинова, Нина Роговенко, ещё кто-то и я) обратились к театру через газету «Магаданский комсомолец» с просьбой организовать театральную студию. Руководство «храма искусств» не отреагировало, что показалось мне проявлением консерватизма. Я написал лично Венгржинскому. Он мне ответил: «Уважаемый тов. Савченко! Ваше письмо получил. Создание самостоятельной студии при театре приказом министерства культуры запрещено, и в настоящий момент этот вопрос решить невозможно, что во-

1. Ещё один этюд;
 2. И.Ф. Никишов и вице президент США Г.Уоллес в Магадане;
 3. ИЗО, Дом пионеров. Опять спорю;
 4. Магаданские газетчикм, конец 50-х. 3-й и 4-й слева А.Черченко и В.Черных. 2-й справа Э.Дубровский

все не связано с «консерватизмом».

На время мы успокоились и продолжали ходить в Клуб профсоюзов. Тем временем Зац получил пенсию и покинул Магадан. На его место пришёл длинный сутулый, уже в годах, но с чувством юмора человек – Георгий Романович Тертиц. Тогда многие пожилые люди приезжали в Магадан за досрочной пенсией: отработал по договору три года и в 55 лет можешь уходить на покой. Помнится, в театре появилась на сцене примечательная личность – Евгений Гуров. Если кто не знает, в 50-е годы он был сравнительно известным киноактёром, исполнителем характерных ролей. И я очень удивился, увидев зимой на улице его высокую фигуру в чёрном пальто с каракулевым воротником и в хрущёвском «пирожке». На экраны как раз только что вышел фильм «Ночной патруль» с его участием. Первое, что я подумал – артист на гастролях, потом узнал – приехал зарабатывать северную пенсию. Позже он вернулся в Москву. Его последние заметные роли в кино: троцкист в «Операции «Трест» (1967) и продавец птичьего магазинчика в эпопее «Семнадцать мгновений весны» (1973).

Георгий Романович предложил нам пьесу братьев Тур «Побег из ночи», в основе которой якобы лежала история возвращения на родину писателя Куприна. Мне досталась небольшая роль французского партизана Мишо. Пьеса в общем средняя, мне больше запомнился эпизод, не имеющий отношения к ней. На одну из репетиций к нам пришёл заезжий поэт Виктор Урин. Он тогда совершал на своей «Победе» автопробег из Магадана в Якутию. Итогом путешествия стала его книга «По Колымской трассе – к полюсу холода», изданная областным издательством в 1959 году. Сей опус, воспроизводящий Колыму сквозь розовые очки, есть, на мой взгляд, ни что иное, как образчик восторженного рифмоплётства:

*Пускай туманы в Магадане хмуры
Или пуржит зимою без конца,
Но в цехе топливной аппаратуры
Рождаются железные сердца...*

И так далее в том же духе. Так писал поэт, окончивший Литинститут, член Союза писателей, замысливший «государственное дело – идти от Колымы на Сыр-Дарью», чтобы «советский утвердить приоритет», и тем не менее покинувший Родину и забывший свою мечту сделать «в коммуне остановку». Я это не к вопросу об эмиграции (каждый волен жить, где ему заблагорассудится), но зачем же, простите, так беспардонно врать?

На берегах красивейшего озера Джека Лондона августовским вечером под плеск танцующих хариусов Виктор Урин сочинил свой очередной «перл» – «Комсомольская Колыма» – и советовал петь его у костра на мотив песни композитора Б. Мокроусова «Когда весна придёт, не знаю»:

*Тайга туманами объята,
Костёр пылает в полутьме,
Споём, друзья, споём, ребята,
О комсомольской Колыме!..*

*Из Ягоднинского района
С крутых прижимов Колымы
На этот край глядим влюблённо,
Его судьбой гордимся мы...*

Насчёт «гордости» за Колыму мы уже тогда немало кумекали... Ладно. Когда он заявился в Профсоюз, мы с Серёгой сидели в зрительном зале, в ожидании своей сцены. Урин подсел к нам, покалеченной рукой вытащил блокнот и попросил написать свои любимые выражения. Он, дескать, коллекционирует высказывания незнакомых собеседников. Я недолго думал и написал: «Люди встречаются случайно, но неслучайно потому идут рядом». Ему понравилось, но «рядом» с Уриным мне ходить так и не довелось.

Студия при театре была всё-таки открыта. Об этом я узнал из той же молодёжной газеты, был даже объявлен творческий конкурс. Правда, из Профсоюза никто не изъявил желаний идти туда, а я решил работать на два фронта: и студию посещать (нас набралось человек двадцать, выдержавших конкурс), и продолжать играть у Георгия Романовича.

Возглавила студию Евгения Васильевна Лекарева, драматическая актриса на характерные роли. После окончания Московского центрального техникума сценического искусства (1932) работала во многих городах страны, в 1947-м приехала в Магадан. В 1956 году получила звание заслуженной артистки РСФСР. Я помню её почти всегда в строгом облегающем платье а-ля Нежданова на портрете Серова, с гладко причёсанными на две стороны чёрными волосами.

Как я понял, студию создали с дальним прицелом: в театре катастрофически не хватало массовки. Репрессированные актёры разъехались по городам и весям, а новых не набиралось – чтобы за мизерную зарплату весь вечер стоять у кулис и создавать ропот или радость толпы. А тут студийцы забесплатно на подхвате. «А что говорить? – спрашивали мы. – Роли-то нет?» А так и говорите, только вполголоса: «Что говорить, когда нечего говорить».

Занятия начинались, как правило, с повторения скороговорки типа «купи кипу пик» – это для постановки сценической речи («чтобы буквы отскакивали от зубов»), потом шли пластические упражнения и движение под музыку и заканчивались придумыванием разных этюдов (например, вообразить себя гусаром или нищим и рассказать свою историю). Помню себя боевым комсомольцем в инсценировке только что вышедшего романа В.Кочетова «Братья Ершовы» и шалопаем из банды Попандопуло в оперетте «Свадьба в Малиновке». Эта толкотня на сцене, конечно, мало что давала, но я получил возможность узнать поближе почти всех актёров театра.

В число ведущих артистов драматической труппы входил, помимо Лекаревой, и Александр Николаевич Мартынов. Ему здорово подфартило тогда: обком партии разрешил воплотить на магаданской сцене светлый образ Ленина. В 1956 году Мартынов сыграл вождя в «Кремлёвских ку-

рантах» Н.Погодина. Потом у него будут и другие «шедевры» ленинианы, и в конце концов он получит звание «заслуженного» Но в общем его роли были клише с портретов Ильича в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», а мы втихую посмеивались над артистом, изображая, как он вскидывает руку и объявляет: «Социалистическая революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, свершилась!»

Больше всего зрителям нравился Шайкин, актёр с внешностью интеллигентного «урки», с пропитым, ужасно хриплым голосом, дававшим повод для насмешек. Да он и был бывший зэка, до ареста работавший прорабом некоего «Военбензостроя» Красной Армии. Но вот на Колыме в нём открылся талант комика. Его коронный номер значился в «Летучей мыши», где он играл «дежурного по тюрьме», который, находясь в постоянном подпитии, вечно удивлялся, почему в его смену заключённые упорно раскачивают тюрьму. Он убедил в этом и своего начальника, пришедшего навеселе с вечеринки у князя Орловского. Зал покатывался со смеху, когда Шайкин с грудой бутылок шаркался по сцене, то есть по кабинету, соображая, куда бы перелить содержимое, чтобы начальник не обнаружил и чтобы «не протекало». В горшки с цветами нельзя – протекает. Наконец придумал. Выпив залпом бутылку и похлопав себя по животу, он удовлетворённо хрипел: «Не протекает!»

С идеологической точки зрения драматической труппе придавалось приоритетное значение. Но цветом театра была всё-таки оперетта. Народ валом валил на музыкальные спектакли, поэтому ставились они чаще. Как ни крути с партийными установками, а финплан выполнять надо.

Примадонной номер один 1956 года я бы назвал Анну Васильевну Грибкову, обладавшую мягким певучим голосом. Она стала первой в Магадане «заслуженной артисткой». Вернее, приехала уже с таким званием (из Хабаровского театра оперетты). Несмотря на солидную комплекцию, Анна Васильевна продолжала играть роли молодых героинь: Чаниту («Поцелуй Чаниты»), Лену («После свадьбы»), Лолиту («Где-то на юге»), Зорику («Цыганская любовь»). Ничего получалось, когда она трясла, пардон, своими телесами, исполняя танец молодой цыганки. В 60-е годы Грибкова, кажется, какое-то время занимала пост директора театра. И то, наверное, благодаря своему мужу, начальнику управления культуры Г.М.Слюзко.

Особым успехом в оперетте пользовалась каскадная пара Виктория Райх и Аркадий Михайлов. Я думаю, она была бы украшением любого музыкального театра страны. Когда Райх вылетала на сцену, начинало бушевать море огня и страсти. Актрисы с таким темпераментом мне больше не встречались на сцене. Её партнёр почти не уступал ей. Аркаша Михайлов имел смазливую физиономию, с которой не сходила обворожительная улыбка, ходил жеманясь, как на шарнирах, и пользовался набором каких-то «голубых» ужимок, если можно так сказать. Все номера этой пары непрерывно бисировались, но самым популярным в их исполнении был, пожалуй, дуэт Яшки Наконечникова и Ларисы из «Белой акации». Помните, как

1. Особняк Никишова;
2. Побег из ночи. Ландель (И.Веригин), Мельдер (А.Кусиков), Мишо (Б.Савченко);
3. Эдди Рознер;
4. Студия при театре.

Яшка, по прозвищу Буксир предлагал замужней Ларисе свидание, а она отказывалась под разными предлогами: «Посмотрите, ветер тучи нагоняет...» – «Ну и что же?» – «Значит, дождь пойдёт сейчас». Но в конце концов почти уступала его натиску: «Муж узнает, будет так переживать». На что Яшка отвечал: «Лора, я даю вам слово джентльмена, что на это дело мне плевать!» Но вот личные отношения у пары не сложились. И вообще Райх быстро покинула город, промелькнув на магаданской сцене ярким метеором. А Михайлов якобы сошёлся с другой актрисой в амплу «подруга героини», Лидочкой Веремкович. После слова «сошёлся» подразумеваю большой знак вопроса. Ибо по причине возраста я был далёк от театральных сплетен, не отслеживал перипетии моих кумиров. Веремкович, без сомнения, носила титул самой красивой актрисы театра: высокая, с тонкой талией и кукольным личиком. Поэтому с недоумением воспринял я её появление в музыкальной комедии «Сибирские огни» в роли... Вероники, бригадира бетонщиц. Что-то не приходилось мне видеть таких бетонщиц в реальной жизни. Она давно покинула сей бранный мир от какой-то тяжёлой болезни. Как беспощадна смерть даже к красоте!

На Новый год Евгения Васильевна пригласила меня, единственного из студийцев, к себе домой. С волнением входил я подъезд дома напротив кинотеатра «Горняк», это в самом центре и в двух шагах от театра. В квартире актрисы шла гульба: пили, хохотали, горланили, дым стоял коромыслом. Присутствовало в основном женское общество (актриски, субретки, танцовщицы из кордебалета), разбавленное парой-тройкой мужиков. Меня усадили, точнее, втиснули между двух балерин, в одной из которых я узнал Галину Деревягину. Прима магаданского балета запомнилась мне в основном по юморному хореографическому номеру (повторявшемуся из концерта в концерт) «Повара», где она и её партнёр Фролов хлопали себя по телу, выбивая мучные клубы. Деревягина блеснула присущей ей экстравагантностью и тут, на столе, среди бутылок, тарелок с салатами и кастрюль с пельменями, выдала, ничего и никого не задев, искромётную забойную румбу.

Не помню, с чего началось, но когда все хорошо поддали, а до двенадцати ещё оставалось время, Лекарева принялась нахваливать одну стройненькую, как берёзка, девушку по имени Таня. «Нет, друзья, вы посмотрите, какая голубица. Танюша, встань, повернись» Девушка оторвалась от салата и продемонстрировала несколько жеманных поз в духе немого кино. «Да-а, её ждёт большое будущее похвалил девушку господин средних лет, пожиравший её масляными глазками. «Интересно, на каком поприще?» – мысленно спросил я, а седовласый сатир уже предлагал тост: «Друзья, давайте выпьем за Таню» – «Давайте! Давайте!» – «Выпьем мы за Таню, Таню дорогую, свет ещё не видел милую такую»..»

В бокалах запенилось шампанское. Лекарева вдруг выискала глазами меня: «Боря, вы непременно должны на ней жениться... Вы обратите внимание на её фигуру, а какие у неё ножки... Та-

нюша, голубушка, разденься и покажи Боре, какие у тебя прелестные ножки... Держу пари, он ещё не видел в своей жизни таких ножек».

Танюша с готовностью удалилась в ванную и через пару минут, цокая каблуками, предстала перед собранием в мини-бикини. Чертовка действительно была хороша. Её фигура, словно выточенная из розового мрамора, как будто даже светилась. Главные прелести едва прикрывались узкими полосками ткани и практически ничего не скрывали. Возбуждённые зрелищем мужики повскакивали с мест и, подхватив Танюшу под руки, вознесли на стол, где она сначала застыла в позе смущающейся Махи, а потом, словно вознамерилась побить рекорд Деревягиной, принялась гарцевать между бутылок и тарелок.

«Ну же, Боря, посмотрите какие ножки, какая попа, нет, вы обязательно должны жениться на ней». Краска залила моё лицо, и я со стыда готов был провалиться на месте. «Жениться! Жениться!» – захопала в ладоши субретки. Я со страхом предположил, что сейчас и они начнут раздеваться. Дочь Лекаревой, которая была меня старше года на три, взяла меня за руку и увела в свою комнату. «Спасибо», – произнёс я и опустил на пуфик, а моя спасительница забралась на тахту и, поджав к подбородку колени, молча уставилась на меня. Возникла гнетущая пауза. Наконец она спросила: «Стихи знаешь?» – «Мало». На самом деле, я выучил всего два стихотворения: пушкинское «Я вас любил» – только потому, что читал его в спектакле «В стороне», и одно из запрещённого Гумилёва – когда-то мне его переписали в классе. Ирина закуталась в клетчатый плед. «Почитай мне». Я вздохнул и плохо слушающимся голосом начал:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф...*

«А, вот вы где спрятались! – в комнату заглянула венецианская маска. «Закройте дверь!» – нервно отреагировала Ирина. Маска исчезла, но едва я собрался продолжать, как вошла Евгения Васильевна: «Ирочка, Боря, до Нового года осталось пять минут. Мы просим вас к столу»..»

Да, мне остаётся лишь повторить за Загоскиным: «В старину живали деды веселей своих внучат».

«Почему улыбались звёзды» был нашим последним спектаклем. Ставил его уже другой режиссёр – Владимир Фёдорович Патлань, а Тертиц, получив северную пенсию, благополучно отбыл в Москву. Но коллектив-то распался. Нет, «старики» остались (что им ещё делать?), а молодёжь, у которой «вся жизнь впереди» и планы меняются чуть ли не ежедневно, разбежалась. Кто-то покинул пределы Магадана. Кто-то взялся за подготовку к выпускным экзаменам. Собирались в ЦРС трубач Алик Горбачевский, наш певец Сашка Кусиков, электрик с лицом Шаляпина Витя Сапожников. После нескольких спектаклей перестал ходить и я. Киселёв,

04 / 2017

которого мы все называли Генкой, вдруг стал секретарём обкома ВЛКСМ (потом сделал и большую партийную карьеру). Кстати, он тогда женился на миловидной девушке из нашей школы, одной из сестёр Коротич, по-моему, младшенькой; как он вообще затесался в нашу компанию, до сих пор не понимаю), лишь Галка Шамрай, пришедшая в «народный театр» позже всех, ещё лелеяла какие-то надежды, только на что?..

Ещё в ту пору, когда мы начинали готовить «Почему улыбались звёзды» и расставляли выгородки на сцене, «Магаданка» писала: «Почему они, звёзды, улыбались, зритель узнает на премьере, а мы в тот вечер улыбались, глядя на Бориса Савченко. С точки зрения житейской, у него довольно незавидная роль – роль тунеядца. В спектакле ему предстоит показать кривляющегося стилиста. И это Борису пока не даётся (ну да, посмотрели бы они на меня в компании, а не на сцене. – Б.С.). Режиссёр несколько раз останавливает артиста. «Да неужто вы не видели стилиста?» – сердится он. «Так что же ему, день-деньской на проспекте простаивать? – слышится реплика. – Сколько людей нормальных пройдёт, пока такой... такая личность попадётся. – «Ага, всё-таки попадётся! – торжествует режиссёр. – Значит, не зря играем. Кому-то на пользу наша игра пойдёт! Давайте повторим!»...»

Мне уж точно «игра» пошла на пользу – в другом смысле. По ходу пьесы я флиртовал с легкомысленной супругой врача Однолюба, которую играла Галка Шамрай. И у нас была пикантная сцена в парке: мы целовались, а потом танцевали рок-н-ролл. Ну, с рок-н-роллом туда-сюда, а с целованием дело застопорилось. Галочка была девушка фигуристая, свои формочки подчёркивала облегающей одеждой. Но её физиономия с пухлыми губками была как бы побита оспой, из-за чего Галка сильно пудрилась. Тем не менее она меня страшно волновала, я притрагивался к ней, как к жгучей медузе.

Режиссёр Патлань злился: «Борис, ты что? С девушкой никогда не целовался?» В ответ я мычал что-то неопределённое. «Вот что, друзья мои, останьтесь на часок в моём кабинете и порепетируйте как следует. Преодолейте своё детское смущение». Кусиков захихикал. Владимир Фёдорович пресёк его: «Ничего смешного здесь не вижу». Короче, смущение мы преодолели. Сначала в кабинете произносили положенные реплики, потом махнули на текст и вволю нацеловались – сперва стоя, как полагалось по мизансцене, потом сидя, потом лёжа на стульях, чего уже не требовалось.

После выхода спектакля появилась рецензия, где я прочёл о себе: «Яркий сценический образ студента Петра Погоды, попавшего под влияние Тимофея Шпака (его играл Саша Кусиков – Б.С.) и его компании, создал Б.Савченко. Каким дружным и едким смехом встречает зрительный зал возвращение домой этого маменькиного сынка, слюнтяя и тунеядца, после свадебного путешествия в «красивую жизнь»! Жаль, что тов. Савченко иногда теряет чувство меры и

впадает в клоунаду, чем снижает художественную ценность этого образа». Под «клоунадой», вероятно, подразумевался тот самый рок-н-ролл, где наши кривляния с Шамрай всегда бурно бисировались зрителями.

Даже через год, когда меня качнуло в журналистику, Патлань позвонил мне и сказал, что он готовит в Палатке сборный концерт и хотел бы включить туда нашу сцену с рок-н-роллом. Я недолго упирался. «А Галка как?» – «Твоя партнёрша уже ждёт не дожждётся. Пару-тройку дней порепетируете, вам хватит» – «Ладно, уговорили, но только один раз» – «Договорились, я на тебя рассчитываю».

В Палаткинском ДК наш номер прошёл на ура, но вспомнил я этот концерт ещё и потому, что начался он с выступления певицы Лианы Гориной (она же Кенигсманова и Сарычева), исполнившей свой дежурный номер – произведение Кирилла Молчанова «Вот солдаты идут». Других песен я от неё не слышал. Хотя позже Лиана Юльевна рассказывала мне, что до ареста, когда она выступала в «Интуристе» и «Метрополе», в её репертуаре были такие песни, как «В лесу прифронтовом», «Огонёк», «Грустные ивы», «Я возвращаю ваш портрет» и др. Срок она получила как СОВЭ – «социально вредный элемент». В середине 50-х была реабилитирована. Осталась в Магадане, устроилась вахтёром в театр, без жилья, спала где-то в закутке на балконе зрительного зала, то на буфетской кровати в холодном складе декораций, где за ночь волосы примерзали к постели, и утром ей приходилось кричать: «Ради Бога, помогите кто-нибудь!» В начале 60-х Лиана Юльевна заправляла художественной самодеятельностью в Совнархозе и выступала на сцене под псевдонимом Лили-Яна. Одевалась она всегда ярко, вычурно, очень походила на остроносу птицу, важно вышагивавшую по улицам и нахально стрелявшую глазами по молодым мужикам, как бы выбиравшую, кого бы ещё клюнуть.

Между прочим, Лиана Юльевна поведала мне «эпопею», связанную с прибытием в Маглаг заключённого Эдди Рознера, с которым познакомилась, ещё работая в объединении «Мосгорресторан»:

«Я тогда была уже вольная. В театре каким-то образом прознали, что Рознер отбывает наказание в Хабаровске. Марина Бойко, моя подруга, ещё не освободившаяся, говорит девочкам: «Рознер мне нравится, надо что-то сделать, чтобы он приехал сюда». Такая возможность допускалась, потому что хабаровские лагеря входили в систему УСВИТЛа.

Мы решили воспользоваться тем, что в театр чуть ли не каждую неделю приходил генерал Деревянко, заместитель начальника Дальстроя. Очень ему нравился балет. У него в театре, наверху, там, где класс концертмейстера Галины Ветровой, имелась даже отдельная комната для отдыха, которую мы называли «генеральской». И я, набравшись наглости, как-то обратилась к нему, сказала, что Рознер – замечательный му-

зыконт, лучшего трубача в стране не найти, театр мог хорошо заработать. «А ты что, его знаешь?» – «Я пела в его оркестре». Он ничего не сказал, но через некоторое время меня вызывают к нему в «генеральскую». «Завтра этап приходит, – говорит Деревянко, тебе придётся пойти в порт и посмотреть, будет он там или нет».

На другой день я уже во все глаза высматривала каждую «пятёрку», сходящую по трапу. Позвонила Деревянко: «Эдди Игнатъевича нет». Он не удивился: «Я знаю. Какой размер одежды у Рознера?» – «Он невысокого роста. Может, сорок шестой» – «Я сейчас позвоню в театр. Пойдѣшь в мужской цех, подберѣшь одежду для него и обувь». Оказывается, Рознер остался на пароходе: проигрался в карты, его раздели, ему просто не в чем было сойти на берег.

В общем, я снова поехала в Нагаево, передаю одежду на вахте, а дежурный смеѣтся: «Для Рознера? Уже весь порт говорит, как его догола раздели».

Потом я на какое-то время уехала на трассу. Возвращаюсь, узнаю, что Маринка уже освободилась в положении – от Рознера. На мой укор ответила: «У меня в этой жизни ничего и никого нет, пусть хоть дитя будет». 27 августа 54 года она родила девочку.

У Эдди Игнатъевича была больная печень, и Маринка всеми силами старалась помочь ему. Чтобы заработать на продукты, она поднимала петли на капроновых чулках, такой тонкой иглолочкой. Сейчас для этого существуют машинки, а тогда она всё делала вручную. Эдди Игнатъевич говорил начальнику ОЛПА капитану Захарову: «Удивительно, но я вылечился в лагере». Но Маринку Рознер обманул. Они вместе прилетели в Хабаровск, когда его амнистировали, и там он вдруг заявил: «Я должен вернуться в Магадан, забыл важные документы». На самом деле другим самолѣтом улетел в Москву. Маринка подала здесь на него в суд и получала потом алименты – фиксированную сумму 800 рублей старыми. Над ней все смеялись. Она могла бы иметь 25% от его доходов, ведь Рознер писал ещѣ и ноты, получал большие деньги»...

Студия тоже задышала на ладан. Лекарева нам ничего не говорила, но еѣ дочь проболталась, что у мамы последний сезон, и в июне они уезжают на материк. Пессимизм стал одолевать меня. И те, кто на небесах и ведут нас по жизни, направили меня в другое русло. Как-то на занятие в студию пришѣл корреспондент молодежной газеты Анатолий Черченко, сказал, что хочет сделать с нами интервью на радио. Он вспомнил меня ещѣ по первому письму насчет студии и вдруг предложил мне написать рецензию на спектакль «Третье слово», на генеральной репетиции которого он был. «Попробуй, у тебя должно получиться».

Главную роль в спектакле играл Николай Павлович Жирнов. Я запомнил его по концерту, в котором он хорошо поставленным голосом с вкрадчивыми интонациями читал есенинские стихи: «...Ну не лай ты, не лай, не лай. Дай-ка,

пѣс, я тебя поцелую за проявленный в сердце май». С этим спектаклем и связана моя первая рецензия, появившаяся в «Магаданском комсомольце» (номер от 8.05.1959 г.) под названием «Свежее слово». Я, конечно, хвалил Жирнова за роль Пабло (совершенно искренне), других актѣров и заканчивал свой панегирик словами: «Коллектив театра порадовал глубоко лиричным спектаклем, а также осуществил пожелание автора «Третьего слова»: пьеса Алехандро Касона вызывает улыбки, слѣзы и раздумье».

Через пару десятков лет, получив «заслуженного» Николай Жирнов и его жена Майя Слуцкая уехали на материк. Как оказалось, в Грозный – тогда он был красивым, цветущим городом. А в конце 90-х Николая Павловича, уже поседевшего, с благородной бородкой, похожего на индийского гуру, я вдруг увидел на встрече бывших магаданцев в сквере у Большого театра. Бросив всё, он бежал из Чечни и приткнулся где-то в Подмосковьѣ. Один раз Жирнов промелькнул в каком-то сериале, но жизнь его, похоже, складывалась тяжело. Спустя три года я узнал, что он умер.

Рецензия в какой-то мере подружила меня с сотрудниками молодежной газеты. Журналистский кагал собирался, как правило, у Наташи и Коли Лушиков. Иногда приглашали и меня, поэтому сейчас я сделаю литературные наброски этих талантливых ребят.

Валентин Чѣрных выглядел, по тогдашним нашим представлениям, как аристократ: аккуратно стриженный, с бородкой «а ля Хемингуэй», в элегантном костюме-тройке. Даже не верилось, что он уже отслужил в армии. Валентин писал в «Комсомольце» на морально-этические темы. Однажды в газету пришло письмо – из-за любви отравилась девушка. Завели уголовное дело. Валентин Константинович позже рассказывал: «Я пришѣл по этому письму в прокуратуру и вижу: сидит маленькая, рыжая, очень симпатичная девушка – следователь, она вела дело. Вот она встала, подошла к шкафу, потянулась за папками, я посмотрел – до чего хороша!.. А ведь женщины такого рода меня обычно не привлекали, мне нравились высокие. А эта была маленькая, но...» Всё завершилось скоропалительным и недолгим браком. Чѣрных собирался уезжать в столицу, поступать во ВГИК на сценарный. Через пару лет поступил с первого захода, без всякого блата, несмотря на конкурс: 10 человек на место. Это при том, что в мастерскую брали всего двенадцать человек, причѣм пять из них проходили из национальных студий, Довженко там, Таджики-фильм и пр., естественно, без всякого конкурса. Чѣрных прославился сценарием оscarоносного фильма «Москва слезам не верит». Но в Америку за призом полетел один Меньшов, а Чѣрных от этого ничего не поимел, за что сильно обиделся на режиссѣра. Были у него и другие хорошие сценарии: «Любовь земная», «Кульпоход в театр»... Но это всё потом. А пока работа с письмами молодѣжи, полагающей, что газета им может помочь.

Эдик Дубровский делал для «Комсомольца» материалы, овеянные романтикой Севера. Его очерк «Мургын-доктор» напечатала «Смена» – весомая поддержка для начинающего магаданского журналиста. (Мургын-доктор – это был знаменитый на Чукотке врач и учёный Александр Вольфсон, обаятельнейший человек, я с ним позже познакомился в Институте биологических проблем Севера). Эдик был симпатичен, обладал магнетическим шармом, щеголял в роскошном импортном белом пуловере, и, конечно, многие девчонки из тех, кого я знал, были в него влюблены. Вскоре Магаданское издательство выпустило его книжечку очерков «Тёплая земля», и Эдик тоже поступил во ВГИК на сценарный. После института он работал в документалистике на студии «Киевнаучфильм», потом перебрался в Москву. Сейчас пишет высококлассные сценарии для ТВ, стал заслуженным деятелем искусств...

Анатолий Черченко – поэт, один из авторитетов «Комсомольца», высокого роста, этакий интеллект в очках, очень похожий на молодого Василия Ливанова в фильме «Коллеги». Он был моим главным советчиком по вопросам искусства. Именно с его подачи я опубликовал в «Магаданском комсомольце» «разоблачительную» (время-то какое было!) статью об абстракционизме – «Искусство, которое не требует жертв».

С Валентином Азарниковым жизнь сводила много раз. Его, выпускника Казахского университета, в «Комсомольце» посадили на «производственную тематику», там же он начинал и как прозаик, сочинял короткие новеллы. Позже удачно женился, перебрался в Москву. Сначала работал в газете «Гудок», потом редактором «Московского железнодорожника». Место было клёвое, отдельный кабинет, штат около двадцати человек, особо напрягаться не надо. Когда я первый раз заглянул к нему с бухаловом на новую работу, он смачно сказал: «Ну, теперь меня отсюда только ногами вперёд вынесут!» 1 апреля 1999 года он с компанией собутыльников из «Медицинской газеты» возвращался домой, и как раз напротив Скифа его сбила машина. Вот так порой неожиданно парки обрезают нить человеческой жизни.

Коля Лущик, смешливый и остроумный, рисовал карикатуры и дружеские шаржи. К некоторым моим материалам в «Комсомольце» он делал маленькие иллюстрации или заставки (например, к упомянутой статье об абстракционизме). Его сестра Наташа тоже устроилась в молодёжную газету. Помню её небольшой очерк «Шуметь кедром» – о «магаданском Мичурине», Владимире Ивановиче Горазееве, на участке которого росли и клубника, и яблоня, и слива, и крыжовник. Это на Колыме-то, где «двенадцать месяцев зима, а остальное – лето». Потом Наташа перешла на телевидение. А Коля, не поступив с первого раза в институт, попал в армию, служил на Кубе. Позже всё-таки провалился в Питере в Институт живописи и архитектуры.

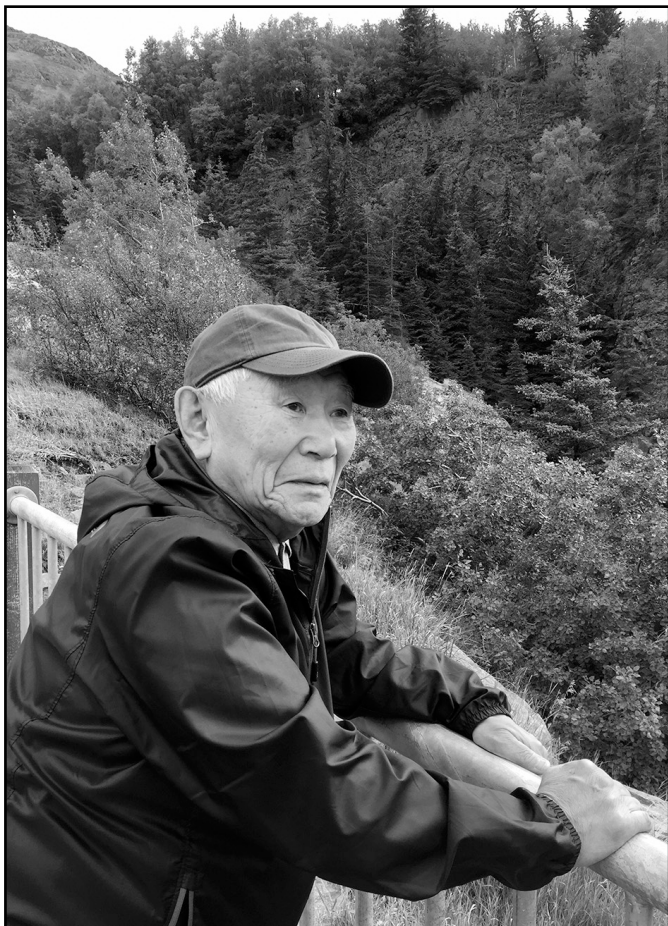
Когда он приехал на каникулы, помнится, в ресторане «Берёзка», в центре города, директор заведения затеял смену интерьера, и Коля по благу (его отец занимал должность председателя Облрыболовпотребсоюза) получил заказ на оформление декоративного панно. Пребывание в Магадане у него было ограничено, и, памятуя, что я ещё не остыл к живописи, пригласил меня в помощники. По Колиному эскизу, утверждённому начальством, на деревянной стене площадью двадцать квадратов мы нанесли контур деревенского пейзажа: изба на косогоре, пара лошадок, излучина реки, лодка, девичья фигура и по краям – берёзки на лёгком ветру. Такой незатейливый есенинский мотив: «Ты поила коня из горстей в поводу, отражаясь, берёзы ломались в пруду...»

Затем, вооружившись паяльными лампами, принялись за художественное выжигание изображения, делая где потемнее, где едва опаляя пламенем – в общем, воображали себя двумя Сикейросами. Однажды, в самый разгар вдохновенного труда, появились кинооператоры – два Юрки: Дурнев и Михин – и сняли наш творческий процесс. Я, забравшись на стремянку, опламенял облака, Коля ювелирно оконтуривал силуэт девушки. На другой день сюжет показали по ТВ в городских новостях.

Получив «бабки», Коля отбыл в Питер, и больше мы с ним никогда не виделись. Может быть, случайно он прочтёт эти строки и откликнется. Ау, старый друг, где ты?..

Два слова о начальстве. Ответсеком в газете очень строгий и придирчивый Коля Хвощёв. Его тоже, как и Азарникова, настигла нелепая смерть. По возрасту (ему было за тридцать) он ушёл из молодёжки, работал в Певеке редактором районной «Полярной звезды». И как-то в ожидании рейса покуривал возле пустых бочек из-под горючего. Докурив, метнул окурок, стараясь попасть в сливное отверстие пустой бочки. Попал. А там была, похоже, хорошая концентрация бензиновых паров. Рвануло так, что... Ладно, не будем о грустном.

Полную сумятицу в мои планы внесло то, что в свою пору случается почти с каждым юношей. За три месяца до выпускных экзаменов я до беспамьятства влюбился в десятиклассницу из Первой школы. Она первой подошла ко мне после какого-то нашего спектакля и попросила что-то объяснить. Объяснение затянулось часа на три. На следующий день я понял, что не могу жить без этой девушки. Но мы оба понимали, что всё у нас бесперспективно. Она после экзаменов уезжала с родителями в другой город. А я маялся, не зная, что делать – то ли с Серёгой поступать в театральный, то ли мне попытаться идти на журналистику. И вместо подготовки я каждую свободный час проводил с моей Людой. Кончилось тем, что и любовь была разбита, и в ГИТИС и МГУ я провалился. Два года потом я мыкался, зарабатывая стаж, а после поступил в институт, не имеющий никакого отношения к искусству.

Василий
БАРГАЧАН

СЕГОДНЯ ПО-ЭВЕНСКИ НЕВОЗМОЖНО ОБЪЯСНИТЬСЯ ДАЖЕ В ЛЮБВИ

– Василий Спиридонович, европейский читатель ничего не слышал о ваших новых работах больше двадцати лет. Трудно было поверить в то, что вы уже выдохлись. Откройте тайну, чем же вы всё-таки занимались последние два десятилетия?

– В последние двадцать лет жизнь складывалась так. Печататься было очень трудно, почти невозможно. Одна рукопись пролежала 15 лет. В это время моих переводчиков, которые поддерживали меня, не стало. До этого я и сам испытывал некоторую робость выражать себя вообще. Было время, когда рукописи просто терялись в папках моих доверенных лиц. Не секрет, что фольклорные произведения часто относили к архаическим явлениям. Когда стала работать комиссия по литературам народностей Севера и Дальнего Востока, мы, как говорится, повернулись лицом к себе. И стали понимать, что фольклор есть душа народа. В последнее время, чтобы иметь своё лицо, мы наконец обратились к своим истокам и перед нами открылась мудрость и философия народа. И я взялся за большую тему: нарушение экологического равновесия на Земле. Эта мысль подхлестнула меня писать на фольклорную тему. Так появились поэмы «Святая Боль», «Эдек». Боль Земли и проблему выживания народа в цепи времён я пытался выразить в поэмах «Эдек», «Гэлбунде» и «Чивкачан». Народ может сохранить себя, сохраняя и защищая свою

родную природу, свою землю и всё живое на ней. В этом деле мне помогли известный литератор и большой учёный, который много лет занимался с литераторами молодого поколения, Герман Николаевич Ионин, и мудрый, и опытный переводчик, Андрей Владимирович Родосский, который свои переводы всегда сверял с оригиналом (через подстрочники), и советуясь с автором. Как отмечали мои бывшие друзья, мои ранние стихи были слишком «российскими», где из души поэта исчезал народный дух. Таким образом, я «улучшал» подстрочники моих стихов и в переводе получались другие стихи (не Баргачана, не Кузнецова, не Коршунова, а совсем неизвестного автора). И мои друзья настояли, чтобы я не портил свои стихи и не становился продавцом своей души. В стихах моих должны оставаться душа народа и его мудрость. Так я начал работать над новыми стихами, пополняя их мудростью эвена, не подражая Пушкину и Петёфи. Так кончилась моя «детская болезнь левизны». Найти народный дух мне помогла работа над Книгами Чтения на эвенском языке, которую я начинал, понимая, что детское восприятие не терпит фальши. В результате вышли в свет шесть книг по эвенскому языку и литературе, и претерпели несколько изданий. Эта работа уже требует нового подхода в новых условиях.

– Где вы печатались после распада Советского Союза? Были ли у вас возможности печататься на эвенском языке?

04 / 2017

– После распада Советского Союза вышло несколько сборников в якутском книжном издательстве. На эвенском языке вышли сборники «Мявму Маранга» (Радуга на Сердце), «Дентуралби Анирам» (Дарю Вам Стихи), «Эдек» (Эдек). Затем на якутском языке вышли сборники «Дьол Уйта» (Гнездо Счастья), «Айылха Бэлэхэ» (Дары Природы), «Вашингтон Хээдэтэ» (Хэдьё в Вашингтоне). На русском языке вышли сборники «Зов» и «Душа добру открыта настезь», изданные тоже в Якутске. В 2014 году вышел сборник поэм «Чивкачан» и «Гэлбунде» в Санкт-Петербурге, в издательстве «Асте-рион».

– В основе ваших новых поэм лежат фольклорные сюжеты. Вы в чём видели свою задачу: только поэтически обработать древние предания или предложить авторскую версию фольклорного материала? Или у вас вообще была другая сверхзадача?

– Каждая из моих поэм представляет боль души и мою авторскую позицию по отношению к окружающей среде и к человеческим поступкам. Истоки древних преданий идут от моих предков, родителей и старших сородичей – они исходят из моей памяти и собственных наблюдений и размышлений. Проблематика эвенских преданий, рассказанных мне бабушкой, по-моему мнению, стала ещё актуальней и острее. Она перекликается с мировыми проблемами, человеческими конфликтами и экологическими катаклизмами в настоящее время.

– Раньше ваши стихи и поэмы переводили Михаил Эдидович и Анатолий Преловский. Вы довольны были их переложениями?

– Я их переводами доволен вполне. Сотрудничество с ними открыло новое видение и расширило мой творческий диапазон. Мы друг друга только обогащали и стимулировали. Потому я решил оправдать доверие своих читателей, которые возлагали на меня серьёзную надежду. Они меня считали поэтом даже до публикаций и дружески поддерживали мои первые шаги в поэзии. Они чувствовали, что я в себе таил.

– Как возникло сотрудничество с Андреем Родосским? Почему специалист по португальской литературе вдруг обратился к эвенской поэзии?

– С Андреем Родосским меня познакомил Герман Николаевич Ионин, большой знаток северной поэзии, руководитель литературного кружка среди студентов-северян Института имени Герцена. Он знал Андрея Владимировича как опытного переводчика не только португальской, но и других поэзий. Он интересовался поэзией северян, общался с северными поэтами, среди которых был мой друг Юван Шесталов. О нём хорошо отзывался мой друг, талантливый ленинградский поэт Вячеслав Кузнецов. Так мы познакомились через Германа Николаевича, друга северных писателей.

– Насколько актуальной остаётся для эвенсов России реформа эвенской письменности? Вы продолжаете ратовать за вариант, который ещё в 70-е годы разработал Василий Лебедев, или у вас есть свой проект?

– К эвенской орфографии у меня своё отношение. Ни о какой новой орфографии невозможно вести речь в то время, когда эвенский язык во многих местах вышел из употребления. В первую очередь надо добиться и решить проблему возрождения эвенского языка. В школах нужно ввести обучение не только так называемого литературного языка, но и языка местного диалекта. Остро необходимо ввести программы обучения эвенскому языку среди невладеющих языком детей-эвенсов. Надо спасать язык хотя бы такими путями. Только когда появится живая эвенская речь, можно начинать разговор об унифицировании орфографии.

– Следите ли вы за развитием литературной ситуации и у эвенсов Камчатки, Чукотки, Колымы и Охотского побережья? Какие появились новые имена?

– Во многих районах Дальнего Востока, включая Камчатку, в основном стали писать на русском языке. И с молодыми авторами в этих местах скрупулёзной работы не велось и вряд ли ведётся. В условиях капиталистического рынка канули в Лету совещания молодых писателей, вовлекавшие авторов из мест проживания хабаровских, магаданских и камчатских эвенсов.

– Есть ли будущее у эвенской литературы?

– Любая литература может иметь своё будущее, если она имеет своих читателей.

– Что вас сейчас тревожит?

– Меня тревожит состояние родного языка и скорость процесса, ведущего к исчезновению языка у народа, который находится в этнической блокаде. Вот почему многие эвенны в Республике Саха (Якутия) заговорили только по-якутски, а в нашем томпонском районе родным языком многих эвенсов стал русский.

– О чём мечтаете?

– Я мечтаю о спасении оленеводства в местах проживания эвенсов. Основу культуры и языка составляет оленеводство, и вместе с ним и мышление, и нравственность, и образ жизни. Сейчас мы сами признали: основу нашей жизни составляет духовная экология. Другая мечта связана с тем, чтобы эвенны все заговорили на родном языке, прекрасно овладевая помимо русского и английским, и китайским, и другими языками. В наше время эвеннам желательно быть многоязычными и открытыми новым возможностям, при этом сохраняя свою самобытность и родной язык. Сейчас по-эвенски невозможно объясниться даже в любви – мало кто поймёт.

Леонид ТАТАРИН

У БЕРЕГА СКЕЛЕТОВ

После отпуска, в службе мореплавания мне дали направление на курсы повышения квалификации при КТИ (Калининградский технический институт). Послушав лекции по основным морским наукам, сдал все экзамены – «техминимум» и прибыл в службу мореплавания, чтобы получить направление на судно. Инспектор по кадрам, Жанков Александр Павлович, посмотрев списки судов, задумчиво сказал:

– Пора тебя направлять на должность второго штурмана, но – январь! Сам понимаешь, зимой все стремятся быть в море, чтобы потом летом пойти в отпуск. Свободных мест вторым пока нет. Придётся немного побыть в резерве. Вот, если хочешь, через неделю начинаем комплектовать экипаж на «Фламинго». Капитан Татаринцов Юрий Павлович просит третьего штурмана. Вылет самолётом на Кубу. Мексиканский залив. Пойдёшь?

– Согласен.

– Вот и отлично. Эту неделю будешь числиться в резерве. С утра приходи в службу мореплавания, если будут какие-нибудь новости – сообщим.

За то время, пока находились в резерве, платили нам 50% должностного оклада и все штурмана обычно сидели в службе мореплавания, выполняя мелкие поручения главного капитана или его заместителей, моринспекторов. Но к обеду все потихоньку «испарялись», а начальники дела-ли вид, что не замечают этого.

Я считал, что уходить молча не совсем удобно и сидел до конца рабочего дня, помогая главному штурману писать отчёты, печатать на пишущей машинке характеристики на штурманов, составлял бумаги по разбору аварийных случаев на судах в море и на берегу. Главный штурман, Евгений Кузьмич, сначала проверял каждую бумагу, но потом, убедившись, что всё составлено правильно и грамотно, начал подписывать все бумаги, составленные мной, не читая. Но, когда мне принесли черновик приказа о наказании капита-

на Самылова за то, что во время увольнения в порту Гаваны он был задержан кубинским полицейским – в пьяном виде пописал на основании памятника Хосе Марти – мне показалось не совсем правильным, что приказ о понижении в звании с должности капитана-директора до второго штурмана будет писать штурман резерва. Евгений Кузьмич взревел:

– Пиши! Так ему и надо, негодяю, алкашу! Пусть поработает вторым на «Славске»!

Я перепечатал черновик, отнёс главному капитану, который молча завизировал и поручил мне отнести на подпись начальнику КБТФ. Начальник, Василий Дмитриевич, внимательно прочитал приказ, подписал и наставительно сказал, глядя мне в глаза:

– Учись, пока молодой, чтобы не повторять ошибки старых моряков! Пить надо с умом! Голову никогда не теряй! Я помню тебя ещё по «Палладе» у капитана Цыганкова... Иди...

В 1965 году, когда я работал третьим штурманом на РТМ «Паллада» в районе Юго-Восточной Атлантики у порта Уолфиш-Бей, впервые праздновали День Рыбака. Начальник КБТФ, Василий Дмитриевич, прибыл в район промысла на плавбазе «Прибой» и для празднования Дня Рыбака перешёл на борт нашего траулера. Капитаном у нас был Герой Социалистического труда Цыганков.

Тогда ещё не было рыболовных зон, только три мили от берега – территориальные воды Намибии. На судах типа «Тропик» экипаж был меньше, чем на БМРТ. Всего 78 человек, поэтому на мостике всегда был только один штурман, а рулевых не было – все работали в рыбцеху, так как рыбы было очень много.

Считалось, что наши траулеры никогда не нарушают международных законов, не пересекают границ других государств. Но морские границы Намибии вообще не охранялись, а рыбы у самого берега было так много, что за пять-десять минут траления можно было поднять

30–40 тонн сардинюса – красивой, серебристой рыбы размером со среднюю селёдку.

Когда все рыбаки, свободные от вахт, собрались в салоне на праздничный ужин, капитан с начальником КБТФ поднялся на мостик на моей вахте:

– Вот, Василий Дмитриевич, смотрите, как мы учим молодёжь! – он торжественно обвёл рукой вокруг, показывая начальнику оборудование мостика, окружающую обстановку. Оба были в заметном подпитии, и капитан картинно обратился к начальнику:

– Приказывайте, сколько рыбы надо поднять в честь праздника на палубу!?

– Пятьдесят тонн! Сможешь?

– Ваш приказ – закон для моего экипажа! – и мне: «Только границы не нарушай! Поднимешь улов на палубу, доложишь по телефону!»

И ушли в каюту капитана.

Цыганков прекрасно знал, что поймать 50 тонн рыбы за пределами территориальных вод невозможно – надо подойти к берегу ближе одной мили, чтобы глубина под килем была 5–10 метров. Там косяки рыбы стояли сплошной стеной.

Выключив палубное освещение и ходовые огни, я направился самым малым ходом в сторону берега. Добытчики стояли на своих местах в готовности к постановке трала. Ярко светила луна – этого было вполне достаточно для безопасной работы. Когда на экране эхолота появились частые, плотные косяки рыбы и глубина уменьшилась до десяти метров, а по радиолокатору до берега осталось меньше мили, я развернул судно вдоль береговой линии и дал команду на промысловую палубу: «Пошёл трал!». Моряки работали чётко и слаженно. Когда трал оказался за бортом, подсоединили траловые доски, вытравили 50 метров ваеров, дал полный ход главным двигателям. Через десять минут траления скорость по лагу начала заметно снижаться, нагрузка на двигатели увеличилась – есть хороший улов! Для надёжности, протащив трал ещё пару минут, развернул судно в сторону моря, чтобы удалиться от опасных глубин, и начал выборку трала.

Через полчаса на промысловой палубе лежал огромный траловый мешок – улов был действительно около пятидесяти тонн прекрасной рыбы сардинели. Позвонил по телефону капитану: «Приказ выполнен. 50 тонн рыбы на палубе». На кормовой мостик поднялся капитан, а за ним шёл Василий Дмитриевич – в одной руке бутылка коньяка, в другой два фужера. За ним, шатаясь, поднялся первый помощник капита-

на Анатолий Михайлович. По команде капитана старший мастер добычи сделал широкий разрез вдоль тралового мешка – на палубу мощным фонтаном полилась красивая серебристая рыба, быстро заполнившая всё свободное пространство промысловой палубы. Под ярким светом прожекторов это зрелище было настолько эффектным, что начальник КБТФ в порыве восторга схватил микрофон и прокричал:

– Молодцы, моряки! Всем по бутылке водки!

На палубе раздались крики восторга, одобрения.

Когда перешли в носовую рубку, Василий Дмитриевич подошёл ко мне:

– Молодец, штурман! Я тебя быстро выведу в капитаны! Давай с тобой выьем по рюмке коньяка за первый в стране праздник рыбаков, за успех экипажа «Паллады»!

Налив полные фужеры, один протянул мне.

– Спасибо, Василий Дмитриевич, но мне ещё два часа на вахте стоять, а на мостике я один – отвечаю и за судно и за людей...

– Пей, я разрешаю! – добродушно сказал капитан, – такой праздник! Внукам своим когда-то будешь рассказывать, как в первый в истории День Рыбака вытил с самим начальником «Трал-флота»!

Но, чувствуя, что совершаю какую-то ошибку или глупость, я решительно отказался. Василий Дмитриевич с удивлением и возмущением глядя на меня, выкрикнул:

– Ты не хочешь выпить со мной!? В такой день! Ты не рыбак! Никогда ты не будешь капитаном!

Выпив из своего фужера, второй фужер с коньяком хряснул о палубу, бутылку швырнул за борт и ушёл с мостика, громко хлопнув дверью. За ним ушли и капитан с комиссаром. Комиссар, мельком взглянув на меня, выразительно pokrutil пальцем у виска и тоже хлопнул дверью мостика.

Атлантика. Берег скелетов

После отстранения от должности капитана, Самылова решили назначить вторым помощником на РТМ «Славск», экипаж которого готовился к выходу в рейс из Калининграда на пассажирском лайнере «Феликс Дзержинский». Выход в рейс был назначен на субботу. В пятницу, после обеда, когда все штурмана из резерва потихоньку удалились по своим делам, я по привычке приво-дил в порядок бумаги главного штурмана, не-ожиданно в службу мореплавания быстро зашёл начальник «Тралфлота».

– Георгий Яковлевич, – обратился он к Главно-му капитану, – срочно давай второго штурмана на «Славск»! Получена телеграмма из министер-ства, что Самылову закрыли допуск для работы на судах, где планируются заходы в инпорты.

Дрогайцев указал на меня:

– Вот единственный, кто есть под рукой.... Все документы готовы? Сам готов выйти в море завт-ра утром? – спросил он меня.

– Готов.

– На «Фламинго» третьего штурмана найдём. Александр Павлович, – обратился он к Жанкову, – выписывай ему направление на должность вто-рого штурмана на «Славск».

– Оформляй паспорт моряка, получай спецо-дежду – в тропической зоне будете работать. Ве-чером успеешь попрощаться с семьёй, а утром – на судно. «Феликс Дзержинский» стоит на восем-надцатом причале рыбного порта – вон в окно его хорошо видно.

Все команды Главный капитан отдавал спокой-ным, деловым голосом.

До конца рабочего дня я успел оформить доку-менты для выхода в море, получить спецодежду и возвращался домой уже в темноте. Когда прохо-дил через площадь Победы мимо ресторана «Чайка», меня неожиданно окликнул инспектор отдела кадров «Тралфлота», которого я никак не ожидал увидеть здесь:

– Поздравляю с повышением по службе! Ты знаешь, как мы боролись за то, чтобы именно те-бя назначили на должность второго штурмана «Славска»? Это дело надо отметить! – Иван Ми-хайлович Бутылкин схватил меня за локоть и на-чал тащить в ресторан.

Я прекрасно понимал, что моё назначение бы-ло совершенно случайным, что ни Бутылкин, ни второй инспектор отдела кадров, тоже Иван Ми-хайлович, который появился рядом, к назначе-нию меня в рейс не имели ни малейшего отно-шения. Мне надо было идти домой к жене и сыну, проститься перед рейсом, а не в ресторан. Но два дюжих инспектора, бывшие офицеры НКВД, ко-торых раньше выгнали оттуда за пьянки, настой-чиво тащили меня в «Чайку» до тех пор, пока я не дал им последние пять рублей, оказавшиеся у ме-ня в кармане:

– На две бутылки вам хватит! А мне надо сроч-но домой – ведь завтра ухожу в море!

Обиженно хрюкнув, что по такому торжест-венному случаю мог бы и десятку не пожалеть, инспекторы схватили деньги и рванули не в рес-торан, а к магазину...

На следующий день утром меня проводили до проходной рыбного порта жена и двухлетний сын – в порт провожающих не пускали, так как раньше был случай, когда ребёнок, провожая па-пу, упал с причала в воду и отец прыгнул с борта, чтобы спасти малыша, а за ним прыгнули ещё двое моряков. Всех спасли, но скандал был гром-кий...

Первый раз мне пришлось выходить в море в роли пассажира. Условия перехода из порта Ка-лининград в район промысла Юго-Восточной Атлантики понравились всем морякам. На «Фе-ликсе Дзержинском» было около трёхсот пасса-жиров – экипажи на три больших рыболовных траулера.

Минут за пять до прибытия пограничников и таможни для оформления разрешения на выход в море ко мне, когда я поднимался по трапу, по-дошёл один из работников механо-судовой службы «Тралфлота» и передал двадцатилитро-вую канистру спирта:

– Стармех забыл у нас в службе, а в рейсе шесть месяцев он нужен. Только не отдавай Ивану Алек-сеевичу – он выпьет его ещё на переходе. А спирт с запахом рыбьего жира – специально чтобы его не пили, а применяли только для технических целей. Но Ивана это не остановит – он из кубан-ских казаков...

Я спрятал канистру в шкаф в моей каюте и за-был про него.

Обслуживающий персонал и экипаж на лайне-ре, который несколько лет подряд работал на круизных рейсах по Средиземному морю с час-тыми заходами в иностранные порты Италии, Испании, Греции, Сирии, Турции, Египта, на ост-рова Кипр и Крит, был прекрасно обучен. Обслу-живание – на высшем уровне, который удовле-творял требованиям всех иностранных туристи-ческих компаний. Часто совершались туристи-ческие круизы по маршруту Ленинград-Одесса с многочисленными заходами в порты Европы для советских туристов. Так что и наши рыбаки чув-ствовали себя туристами на прекрасном лайнере – почти как в фильме «Бриллиантовая рука». Только шли мы из Калининграда в район про-мысла к берегам южной Африки. Без заходов в иностранные порты – надо было как можно бы-стрее попасть на промысел. Там мы должны пе-рейти на свои траулеры, а экипажи, отработав-шие по шесть месяцев, перейдут на лайнер – по пути в Калининград зайдут в порт Лас-Пальмас.

Ещё в Калининграде я слышал от опытных мо-ряков, что на РТМ «Славск» мечтали попасть в рейс многие – капитаном там был один из самых опытных и удачливых рыбаков – Охотин Вениа-мин Николаевич. Экипаж под его руководством отработал на Патагонском шельфе у берегов Южной Америки от устья реки Ла-Плата к югу почти до пролива Дрейка шесть месяцев, выпол-нил план на двести процентов и с заработком, о котором можно было только мечтать. Но в юж-ных широтах начался сезон осенних штормов и руководство «Тралфлота» приняло решение пе-ревести РТМ «Славск» в тропический район к се-

04 / 2017

веру от порта Уолфиш-Бей, там произвести замену экипажа, а после шестимесячного рейса у Берега Скелетов планировали ещё один рейс на Па-тагонский шельф с Охотиным.

На второй день после выхода из порта Калининград ко мне подошёл на палубе Иван Алексеевич:

– Я иду на должность второго механика, ты – второй штурман. Наши вахты одновременно – будем пахать шесть месяцев. Налъёшь сто грамм – друзьями будем, стихи свои тебе почитаю... Я ведь, известный в Калининграде поэт. Мои стихи печатают газеты «Маяк», «Калининградская правда», «Страж Балтики».

У меня с собой ничего спиртного не было, но стоявшие рядом моряки, слышавшие наш разговор, посчитали для себя за честь – выпить с известным поэтом. Угостили. О том, что у меня есть канистра спирта, никто не знал. Иван читал свои стихи – действительно хорошие. Позже, в рейсе, он рассказал, что начал писать стихи после того, как после одного из рейсов от него ушла жена:

«...я шагнул в темноту и рванул сгоряча

твоё фото, что было мне в память подписано...»

Иван вскоре после этого женился. На своей двоюродной сестре, которая с детства была влюблена в него...

Восемнадцать суток перехода пролетели незаметно, и подмена экипажей происходила при отличной погоде в районе порта Уолфиш-Бей. Шлюпками нас доставили на «Славск», судовые дела и обязанности приняли быстро. Моряки, отработавшие полный рейс, на шлюпках ушли на пассажирский лайнер, чтобы вернуться в Калининград. Из старого экипажа на судне остался только один человек – старпом. После шести месяцев работы он решил остаться работать ещё на шесть месяцев. Но для такого решения у него был очень важный стимул.

Михаилу Игнатьевичу было 26 лет. Он имел диплом штурмана дальнего плавания. Но руководство «Тралфлота» решило назначить его на должность капитана-директора, хотя обычно на такую должность назначали моряков с дипломом капитана дальнего плавания и возрастом за сорок лет. Причина – наше управление «Тралфлот» получало много новых судов, а опытных кадров не хватало. Да и внешне выглядел Михаил Игнатьевич значительно старше.

Канистру спирта я передал старшему механику, который вообще ничего спиртного не пил.

Наш рейс начинался с новым экипажем, под командой «старого старпома», но

молодого по возрасту капитана. С первых дней мы заметили, что наш капитан старается избегать конфликтов с первым помощником капитана, которого неофициально называли комиссаром. И комиссару это так понравилось, что он начал вмешиваться во все стороны работы экипажа, даже там, где он ничего не понимал – в вопросах судовождения и промысла. Николаю Александровичу уже было почти 60 лет. Невысокого, даже маленького росточка, худощавый, любил стоять на ходовом мостике и рассказывать о своём боевом прошлом. Из его рассказов мы узнали, что он заканчивал войну командиром роты разведки в звании капитана, имел шесть боевых орденов и даже чуть-чуть не стал Героем Советского Союза! Сначала мы верили. Но потом он вполне серьёзно начал рассказывать, что по секретному заданию особого отдела при Ставке Верховного Главнокомандующего, он проник в ближайшее окружение Гитлера – имел задачу взять его живым и доставить в Москву, но досадная случайность помешала выполнить приказ. А то бы носил на груди «звёздочку»! Тут уж мы все заметили, что у комиссара не всё нормально с психикой. Бывали периоды, когда он ничем не проявлял своих странностей, но потом – словно какой-то переключатель срабатывал в его сознании – начинались рассказы о его необыкновенном героизме.

Так на вахте старпома, комиссар увлёкся и начал подробно, в деталях рассказывать, как он лично взял в плен генерала Власова, которого никто не мог поймать. А вот он – поймал! Через несколько дней старпом Гена Радюков в кают-компании спросил:

– Николай Александрович, вот вчера на мостике вы рассказывали, что лично взяли в плен генерала Власова. Какой орден вам дали? Ведь этот подвиг достоин звания Героя Советского Союза?

Дотор Иван Петрович с биноклем,
Второй штурман учит его.

Комиссар удивлённо поморгал глазами, с возмущением выкрикнул:

– Вы меня за дурачка считаете? Не мог я такую глупость говорить!

– Так ведь раньше вы при втором и четвёртом штурманах рассказывали, что работали в ставке Гитлера, имея задание Сталина арестовать фашиста и доставить его живым в Москву!

– Вы специально сочиняете всякую чушь, чтобы опозорить комиссара! Вы против партии! Я доложу об этом в партком! – и ушёл с мостика.

Через несколько минут на мостик поднялся капитан-директор. Михаил Игнатьевич собрал всех штурманов:

– Ребята, разговор «не для прессы». Постарайтесь не замечать странностей комиссара. Дело в том, что во время войны Николай Александрович был ранен в голову, тяжёлая контузия до сих пор напоминает ему о войне. Мы все молодые и нам это трудно понять – но, уважьте человека! Кроме того, имейте в виду, что он родственник секретаря парткома. Его жена и жена Дмитрия Ивановича – родные сёстры.

После этого все разговоры комиссара мы воспринимали молча. Правда, иногда бывали случайные проколы. Однажды, во время обеда, комиссар, маленький и щупленький, любивший козырнуть знанием народных шуток, закончив обед, похлопал себя по животу:

– Наелся, как антипкин щенок!

– Очень похоже. – Негромко заметил старпом Гена Радюков. Человек десять, обедавшие в каюткомпании, хохотнули. Комиссар, растерянно поморгав, вдруг понял, что смеются не его шутке, а над ним смеются!

– Я не позволю издеваться над партией!

Работать в промысловом режиме мы начали вдоль «Берега скелетов» – часть побережья Намибии от устья реки Кунене на границе с Анголой, протяжённостью больше тысячи миль (около двух тысяч километров) на юг. Такое название берег получил за то, что почти на всём протяжении, на песке у самой воды встречается много китовых костей, остовы погибших кораблей. На картах вдоль побережья встречались надписи: «алмазные копи». Вспоминались разные приключенческие романы, в которых ради алмазов старатели убивали друг друга и возле этих копей на песках оставались скелеты тех, кому не повезло...

Но вдоль берега на небольших глубинах рыбы было очень много.

Даже рискуя быть выброшенными на берег во время шторма, рыболовные суда таскали тралы у самого берега. В 1965 году в хорошую погоду из-за беспечности капитана был выброшен на «Берег скелетов» грузинский РТМ (рыболовный траулер-морозильщик) «Ореанда». С большим трудом его удалось снять с мели двумя мощными буксирами.

В середине семидесятых в этих местах большой морозильный рыболовный траулер-завод «Лазурит» из Калининграда тоже выскочил на мель с полного хода.

Капитан Долецкий первый и последний раз вышел в рейс в должности капитан-директора. После этого эпизода его лишили диплома капитана дальнего плавания. Потом его друзья и родственники из Одессы помогли ему устроиться на должность инспектора по технике безопасности – проверял промысловые суда в Тихом океане. Любую беседу с моряками он всегда начинал так: «Вот, когда я был капитаном...» Правда, в должности капитана ему удалось быть меньше месяца – время перехода из порта Калининград до «Берега скелетов». Были и другие случаи – риск не всегда заканчивался благополучно.

АММИАК

Через месяц после начала рейса на моей вахте после обеда на мостик неожиданно ворвался рефмеханик Балясный. С бешеными глазами прохрипел:

– Прорвало аммиак! Срочно объявите всем на верхний мостик! Авария! Сорвался клапан аммиачной системы ... Из системы уходит аммиак... Могут погибнуть люди...

В это время на мостик зашёл капитан. Судно шло с тралом. Звонками «Громкого боя» объявили общесудовую тревогу. По судовой трансляции капитан объявил: «Всем на палубу верхнего мостика! Прорвало аммиак!» По команде капитана я побежал в каюту, где у меня хранился кислородно-изолирующий противогаз «КИП-7», так как по судовому расписанию я был командиром носовой аварийной партии, ещё в Калининграде прошёл обучение на специальных курсах по работе в противогазе. Надел на себя противогаз, быстро пошёл по каютам нижних палуб, чтобы вывести людей, которые могли при отравлении газом потерять ориентировку и не смогли бы выбраться наверх самостоятельно. Коридоры и каюты быстро заполнялись парами аммиака, белыми, как туман. Большинство моряков, почувствовав резкий запах аммиака, самостоятельно выбежали наверх из всех кают. Проходя мимо двери в рыбцех, услышал страшные, душераздирающие крики моряков, которые задохнулись в парах аммиака. Выход из цеха был один в коридор, но ослеплённые газом люди не могли его видеть – оставался только небольшой аварийный лаз в под-

волоке рыбцеа, через который молодые моряки быстро выскочили на промысловую палубу. В цеху остался матрос-артельщик Николай Гордеевич – грузный, высокий, лет под 60. Вдвоём с рефмехаником, который уже успел перекрыть главный клапан аммиачной системы, чтобы смертельный газ больше не поступал во все помещения судна, мы с трудом сумели приподнять и втиснуть голову и руки Николая Гордеевича в аварийный лаз. Там, на палубе моряки ухватили его за руки, а мы, подталкивая снизу, с огромным трудом вытолкнули наверх. Сами мы в противогазах не смогли выбраться через аварийный лаз, и пошли по коридорам. Всё уже было заполнено плотным белым газом – аммиаком. Плутая, спотыкаясь на оборудование цеха, шланги, трубы, с огромным трудом выбрались на палубу. На промысловой палубе аммиак лежал плотным белым облаком толщиной больше метра, медленно скатываясь по слипу за борт. Погода тихая, ни малейшего ветерка, яркое тропическое солнце, жара, весь мокрый от пота, пот заливает глаза. Поднявшись по трапу на верхнюю палубу, подумал, что там уже чистый воздух и можно дышать без противогаза – сдёрнул с лица маску и сразу потерял сознание – вместо воздуха лёгкие наполнились парами аммиака.

Пришёл в сознание уже на верхнем мостике. Оказалось, что рефмеханик Балясный с рефмашинистом в это время следом за мной выходили в противогазах из рыбцеа на промысловую палубу, увидели, что я сдёрнул с лица маску противогаза и сразу упал на палубу, поняли, что жить мне осталось не больше нескольких минут, если не дать глоток нормального воздуха. Быстро прижали мне к лицу маску моего кислородного прибора, чтобы дать возможность дышать, и потащили на верхний мостик. Там уже собрался весь экипаж и меня быстро привели в нормальное состояние. Второй механик, Иван Алексеевич, надел противогаз и пошёл в машинное отделение – остановить главные двигатели, чтобы случайно не произошло взрыва или пожара. Через несколько минут он вышел на палубу, поднялся на верхний мостик. Там уже собрался весь экипаж – старпом и стармех пересчитали всех моряков – все были живы, хотя у многих были явные признаки отравления.

Судно лежало в дрейфе, слегка покачиваясь на океанской зыби. Судовой врач, Иван Петрович, по мере возможности старался оказать помощь тем, кто нахлебался аммиака сверх меры и мучительно откашливались, у двоих – сильная рвота. Пришлось доктору надевать противогаз и спускаться в лазарет, расположенный на нижней палубе, чтобы принести лекарства. Капитан по переносной радиостанции связался с начальником промыслового района, доложил ситуацию. Появился небольшой западный ветерок и ядовитое белое облако начало постепенно уносить от нашего судна. Подошли другие наши суда, работавшие рядом, спустили шлюпки, на которых забрали к себе моряков, наиболее пострадавших от отравления.

Больше суток пришлось нам отсиживаться на верхнем мостике, пока все судовые помещения

не проветрились и появилась возможность продолжить работу. К нам на судно прибыла техническая комиссия, которая быстро установила причину – в аммиачной системе в районе рыбцеа нашли клапан, который оказался БРОНЗОВЫМ, хотя все клапаны этой системы должны быть из нержавеющей стали. Вывод комиссии – при строительстве траулера в Германии была сознательно, или случайно, допущена ошибка. Или диверсия. За год эксплуатации аммиак разрушил бронзу клапана и он рассыпался под давлением агрессивного газа. Нам ещё сильно повезло, что рефмеханик успел перекрыть центральный клапан, что авария произошла днём, во время смены вахт, моряки не спали, никто не погиб. Понемногу привели в порядок судно и продолжили работу на промысле – рыба ловилась хорошо, настроение у моряков отличное, страшное событие начало отходить в прошлое. Даже обсуждать между собой эту аварию стали реже.

Мне, как второму штурману, приходилось отвечать за снабжение экипажа продуктами, составлять вовремя заявки, составлять отчёты по расходуванию. Мой помощник – нач-прод, Николай Гордеевич Тропко, которого мы с рефмехаником спасли во время аварии, пригласил меня после ночной вахты к себе в каюту – ему исполнилось 65 лет. С берега он припрятал бутылку армянского коньяка. Позвали рефмеханика – торжественно отметили юбилей.

ПАМЯТЬ ТАНКИСТА

Отмечая день рождения Николая Гордеевича, мы втроём не смогли выпить даже ста граммов коньяка – в основном вспоминали наши приключения на морских дорогах.

На лбу у Николая Гордеевича был глубокий шрам – видно было, что когда-то была сильно повреждена кость. Он рассказал, что перед войной учился на шофёра. В 1937 работал шофёром при обкомовском гараже. Почти каждую ночь несколько машин выделялись в распоряжение НКВД. Запомнился ему эпизод – арестовывали какого-то генерала. Когда генерал пытался что-то возразить арестовывавшему его лейтенанту НКВД, тот резко ударил генерала рукой по лицу и сорвал с его мундира знаки различия.

Когда началась война, Николая Гордеевича призвали в армию. Он окончил месячные курсы, стал водителем танка. К концу войны он уже был командиром танковой роты в звании майора. Трижды горел в танках. В мае 45-го получил тяжёлое ранение в голову, шрам от которого остался у него на всю жизнь. После лечения в госпитале ему дали небольшой немецкий особняк на окраине Кёнигсберга, куда он привёз семью из разрушенного фашистами небольшого городка под Москвой.

Спокойный, рассудительный человек, много раз смотревший смерти в глаза, во время войны он всегда был абсолютно уверен, что останется

жив и дойдёт до победы. Но здесь, во время аварии с аммиаком пришлось ему ещё раз испытать на себе злобу фашистов, через много лет после победы пытающихся устроить пакости русским. Рефмеханик уверенно сказал, что установка бронзового клапана на аммиачную систему не могла быть случайностью – только диверсия! То, что удалось спасти боевого офицера, прошедшего всю войну – счастливая случайность!

Прошло несколько дней и Николай Гордеевич, заходивший в провизионные кладовые, расположенные возле сауны, начал замечать там запах аммиака. Моряки, любители попариться в судовой сауне, тоже заметили, что там пахнет аммиаком. Изучив схемы трубопроводов аммиака, трассы которых из рефмашины проходили под деревянной обшивкой сауны, старший механик решил проверить трассу и найти утечку газа. Мне пришлось вместе с боцманом снимать доски и пенопластовые пластины изоляции. Там, где труба проходила через палубу и поворачивала в сторону рыбцеха, обнаружили на месте сгиба след от мощного удара кувалдой. Через мелкие трещины на месте удара аммиак просачивался в помещение сауны. Видно было, что пакостник-немец, чтобы не сразу обнаружили его подвиг, замазал это место герметиком, который за год постепенно разрушался ржавчиной и от вибрации – газ медленно начал просачиваться в помещение. Но, что удивило нас – рядом под обшивкой лежала бутылка немецкого шнапса. Наверное, тот, кто устроил такую мину замедленного действия, надеялся, что жадные к водке русские посчитают этот шнапс извинением культурных немцев за шутку и не станут официально предъявлять претензии заводу-строителю, что могло вызвать расследование и поиск виновного.

АВАРИЯ

Через месяц после аммиачной аварии случилось ещё одно ЧП. Во время моей вахты на мос-

тик поднялся старший механик Григорий Сергеевич и, как бы случайно сказал капитану, который наблюдал за эхолотом:

– Что-то непонятное происходит у нас в системе ВРШ (гребной винт регулируемого шага). Сегодня резко повысился расход масла – почти в два раза. Пришлось добавлять в систему.

Через сутки убедились, что расход масла ещё увеличивается. Капитан принял решение провести осмотр гребного винта.

Погода была отличная – абсолютный штиль. Яркое солнце.

Среди экипажа нашлось несколько любителей-ныряльщиков. Спустили катер, убедились, что на видимости нет акул, первым нырнул стармех, за ним двое матросов. Сразу обратили внимание, что потерян обтекатель гребного винта регулируемого шага. Сообщили на берег – на второй день получили указание следовать в Гану для докования и ремонта. Одному из траулеров, который заканчивал рейс, поручили взять нас на буксир и тащить до порта.

Мне было поручено руководить подготовкой буксирного стального троса и заводкой его с нашего бака на корму буксировщика. Считая эту работу мелочью, не достойной внимания, старпом и капитан не стали проводить инструктаж по технике безопасности. Толстый (36 мм диаметром) стальной трос длиной 200 метров был намотан на большую вьюшку на баке. Надо было сначала разложить трос на палубе бака, один конец закрепить за якорную цепь, а второй передать на корму траулера, взявшегося тащить нас до Ганы. У нас на баке конец троса провели через клюз и закрепили на якорную цепь рядом с якорем. С кормы буксировщика нам подали капроновый трос, чтобы взять огонь и закрепить его на свой кормовой кнехт. Вытравили несколько метров буксирного стального троса через носовой клюз, надеясь, что дальше он сам начнёт вытравливаться в воду под действием собственного веса, но трос не пошёл. Матросов и боцмана я поставил подальше от троса, чтобы случайно кого-нибудь не захватило, когда трос начнёт быстро

уходить за борт. Сам, став у клюза, осторожно потравил пару метров буксирного троса – трос снова не пошёл. Второй раз мне снова пришлось самому вытравить за борт несколько метров буксира. В это время, не предупредив нас, на «Гурзуфе» начали тащить проводник лебёдкой. Тяжеленный буксирный трос с огромной скоростью начал вытравливаться через клюз за борт. Огромным прыжком мне уда-

У Берега Скелетов

лось выпрыгнуть из смертельной петли стального троса, который извивался удавом, высекая снопы искр из внутренней поверхности клюза. За несколько секунд двести метров троса ушли с палубы бака...

Буксировка от района промысла у Берега Скелетов до Ганы при отличной погоде прошла спокойно, без происшествий. Но за несколько часов до захода в порт, капитан сообщил, что неожиданно получено указание из Москвы следовать для ремонта в Дакар.

Только в Дакаре мы узнали, что в Гане произошёл переворот – к власти пришли друзья дяди Сэма. Все советские суда, работавшие в Гане, были арестованы.

Позже один из работников посольства СССР в Сенегале рассказал, что в Москве знали о готовящемся перевороте. За сутки до его начала из Москвы вылетел самолёт ИЛ-18 с отрядом спецназа для предотвращения переворота. Но самолёт этот случайно взорвался, едва оторвавшись от взлётной полосы во Внуково. Весь отряд погиб

...

В СЕНЕГАЛЕ

В порту Дакар наш траулер поставили в док. Ремонт продолжался пятьдесят суток. В свободное от вахты время мы часто ходили в наше посольство – там были отличные спортивные площадки. Работники посольства играли с нами в волейбол, в теннис...

В это время в Дакаре проходил фестиваль молодёжи стран Азии, Африки и Латинской Америки. От нашей страны делегации не было. Только поэт Евгений Евтушенко получил личное приглашение от президента Сенегала Леопольда Сингора, который сам был неплохим поэтом.

На нашем траулере экипаж был 78 человек – в основном молодёжь. Больше шестидесяти человек были комсомольцы. Меня избрали секретарём комсомольской организации и поручили пригласить на судно Евгения Евтушенко, который довольно часто приходил в наше посольство. Однажды я подкараулил, когда он выходил от посла и попросил выбрать удобное для него время, чтобы организовать вечер поэзии на нашем траулере. Но Евгений Александрович ответил мне: «Здесь следят за каждым моим шагом! Нельзя!» И убежал в город. Я дождался, когда посол выходил из своего кабинета и попросил его разрешить Евтушенко провести один вечер на нашем траулере. Посол рассмеялся: «Это он дурачком прикидывается, строит из себя диссидента! Никто за ним не следит – ходит, где хочет и когда хочет – ведь живёт в гостинице за счёт президента Сенегала!»

Так и не удалось нам устроить вечер встречи с Евтушенко.

В это время в порту Дакар стояли французский крейсер и два эсминца. По городу постоянно ходили военные моряки. Хотя было очень жарко, но они всегда были одеты в военную форму. Вто-

рой секретарь нашего посольства с красивым именем Христофор (отчество его я забыл), но мы его звали Христофор Колумбович, рассказал, что какой-то абориген готовил военный переворот в Сенегале и поэтому по городу большими группами ходили французы – бунт не состоялся. Мне пришлось видеть, как президент Леопольд Сингор после подавления своих противников, верхом на лошади разъезжал по центру города в сопровождении конной охраны – красочное зрелище!

Французские моряки приходили на наш траулер, предлагали сыграть в футбол, но наш замполит не разрешил – «а вдруг вы проиграете! Позор!». По вечерам у нас на кормовой палубе крутили наши фильмы. Один раз пришли человек двадцать французов – покажите нам русское кино! Но наш замполит ничего умнее не придумал, начал крутить фильм «Гусарская баллада». Когда французы поняли суть этой картины, они дружно встали и ушли.

Несколько раз я отправлял письма домой через международную почту – от порта до центрального почтамта Дакара можно было дойти пешком минут за двадцать. Огромное здание, которое построили французы, удивило не только красотой архитектуры, но и картой мира – прямо на стене внутри здания. Высотой около пяти метров на всю ширину здания яркими красками нарисованы все страны, все моря и океаны с островами, материками – каждая страна выделена отдельным цветом, написаны названия всех стран и столиц... Особо удивило, что территория СССР полностью окрашена белым и одно слово большими буквами «SIBIR». Даже Москвы на этой карте не было. Все моряки ходили посмотреть на это чудо. Правда, почта работала чётко – через три-четыре дня из дома приходили радиogramмы, что письма получены. И обратно нам письма приходили исправно. Правда, замполит пытался запретить морякам пользоваться международной почтой, но на него уже не обращали внимания. К его чудачествам привыкли. В посольстве нам давали свежие газеты из Москвы. Так Николай Александрович решил провести воспитательную работу с молодёжью, которая с восторгом слушала магнитофонные записи Владимира Высоцкого. На комсомольском собрании он попытался обсудить статью из газеты «Правда». Статья называлась: «О чём поёт Высоцкий?». Убеждая моряков не слушать идеологически вредные песни, замполит привёл железный факт:

– Ведь Высоцкий – элементарно безграмотный человек. Разве можно так петь «...чуду-юду я и так ПОБЕДЮ!»

– Николай Александрович, а как надо петь это слово? – простодушно спросил один из молодых матросов.

– Побегу! ... Нет – побегду! – под весёлые смешки собрание закончилось позором для замполита.

После окончания ремонта траулера, нашего капитана и замполита по рекомендации посольства самолётом отправили в Москву – второй се-

кретарь посольства рассказал, что перед окончанием ремонта хозяин дока, француз, пригласил нашего капитана на вечеринку, на которой присутствовал посол СССР. Наш чудаковатый замполит заявил, что капитан один не имеет права ходить туда – только с замполитом. Но они повели там себя так, что их обоих предпочли убрать.

Капитаном стал Гена Радюков, а мне пришлось принимать обязанности старшего помощника капитана. Вышли мы на промысел уже без чудаковатого замполита и молодого капитана. Но через три дня нам прислали нового капитана и нового замполита. Пришлось мне снова возвращаться на должность второго штурмана, а Гена снова стал старпомом.

На должность капитана к нам временно прибыл Георгий Яковлевич Дрогайцев, который в «Тралфлоте» занимал должность Главного Капитана. После выхода из Дакара мы не пошли обратно к Берегу Скелетов – руководство «Тралфлота» приняло решение проверить готовность траулера к работе в промысловом режиме на небольшой отмели от Дакара до мыса Кап-Блан.

Нам чётко дали понять, что проводится работа по проверке профессиональной готовности судоводителей к выдвигению на более высокие должности, так как постоянно принимались новые суда и специалистов постоянно не хватало. Так однажды ночью на моей вахте нас позвал танкер получать топливо. Я позвонил Георгию Яковлевичу и в ответ услышал:

– А ты сам не сможешь стать на бакштов к танкеру и принять топливо?

Сама по себе постанова траулера-завода водоизмещением больше трёх тысяч тонн к танкеру, водоизмещением больше двадцати тысяч тонн – довольно сложная и ответственная операция, которая иногда даже у очень грамотных капитанов заканчивалась авариями.

– Конечно, смогу. Если вы мне разрешаете – начинаю.

Сразу предупредил старшего механика, на бак вызвал швартовную команду и приступил к операции. Когда принял и закрепил трос бакштова, приняли шланги, провёл все необходимые инструктажи, тогда заметил, что Георгий Яковлевич стоит на шлюпочной палубе и внимательно наблюдает за всеми моими действиями. Потом подошёл ко мне:

– Не страшно было? Следующий раз поручу тебе швартовку к транспорту.

Через месяц на судно прибыл капитан-директор Охотин Вениамин Николаевич. Георгий Яковлевич вернулся в Калининград – снова Главный капитан «Тралфлота».

Получили новое рейсовое задание – переход на Патагонский шельф. Но часть экипажа решили менять небольшими группами. Пока людей доставляли попутные транспортные суда, нам пришлось около месяца ловить рыбу на шельфе Сенегала. Там рыба ловилась очень мелкая, уловы слабые. Все мечтали поскорее перейти на Патагонский шельф. По сводкам тех судов, которые уже работали, мы знали, что там отличная рыбалка....

СУДОВОЙ ВРАЧ

На моей вахте в рулевую рубку часто приходил судовой врач. С Иваном Петровичем мне пришлось работать ещё на РТМ «Паллада» в районе Юго-Восточной Атлантики. Там он часто неофициально исполнял работу рулевого матроса – сначала я научил его управлять рулём, держать курс по компасу, объяснил многое из того, что должен знать матрос. Он научил меня делать перевязки, уколы, даже пришлось изучить рентгеновский аппарат, который входил в оборудование судового лазарета.

Через две недели после выхода из Дакара в конце моей дневной вахты Иван Петрович сказал мне, что у него появились странные боли, которые мы с ним, проведя три теста в соответствии с рекомендациями медицинского учебника, оценили, как приступ аппендицита. Мне пришлось просить капитана во время совета по радио узнать, на каком из промысловых судов, работавших в нашей группе, есть хирург, который сможет сделать операцию. Хирург отозвался на одном из латвийских траулеров, но до него надо было идти почти сутки полным ходом. Вениамин Николаевич договорился с капитаном «Латыша» – прекратили промысел и полным ходом пошли навстречу друг другу. Переговорив с хирургом по радио, объяснил ему состояние больного, рассказал, что на нашем судне есть хороший лазарет, операционный стол, все необходимые инструменты, лекарства. Мне были даны подробные указания о подготовке к операции, чтобы можно было сразу начинать.

Температура у Ивана Петровича поднялась, боли усилились. Поговорил по радио с хирургом, который посоветовал сделать больному укол пеницилина, так как до встречи наших судов оставалось около десяти часов. С большим трудом удалось сделать укол. Оказалось, что Иван Петрович с детства боялся уколов – визжал и отбивался, как ребёнок. Когда до встречи осталось около трёх часов, в разговоре по радио хирург подробно начал мне объяснять, что и как надо подготовить к операции – не забудь кетгут положить в спирт! Я заверил, что всё уже подготовлено, кетгут лежит в спирту – ждём только его. Хирург попросил подготовить одного из моряков для выполнения вспомогательных работ во время операции. Вызвался помогать матрос Ян Величко – крови я не боюсь!

Как только хирург прибыл к нам на борт, его провели в лазарет. Больной уже лежал на операционном столе, весь инструмент был простерилизован, Ян стоял в готовности. Проведя все три теста, убедившись, что диагноз правильный, аккуратно помыв руки, протерев их спиртом, хирург набрал в шприц новокаин и начал обкалывать кожу в районе будущего разреза. Под кожей начали вспухать белые пятна. Скальпелем хирург сделал аккуратный разрез сантиметра четыре. В это время я услышал звук падения тела. Оглянувшись, увидел, что Ян упал на палубу – потерял сознание от вида побелевшей кожи больного и раз-

РТМ СЛПВСК у Берега Скелетов

реза, хотя кровь ещё не появилась. Я позвал матроса, который дежурил в коридоре – он поднял Яна и увёл из лазарета. Хирург продолжил свою работу, подавая мне короткие команды:

- Тампон!
- Тампон!
- Зажим...
- Кетгут...

Вот тут я опозорился – кетгут действительно лежал в спирту в специальных ампулах – всё оборудование и снабжение было из ГДР по немецким стандартам. А надо было вытащить из ампул, нарезать кусками по 10 сантиметров, уложить на стерильную салфетку и подавать хирургу по его команде. Тут врач так грозно рыкнул на меня:

- Какой ты врач ... – целый фонтан ругани...
- Да не врач я. Второй штурман...

Хирург спокойно продолжил работу. Удалив воспалённый аппендикс, наложив внутренние швы, он передал мне инструменты – наружные четыре шва будешь делать ты, а я буду командовать...

Вся операция продолжалась минут тридцать. Но мне она показалась вечностью.

Когда всё было окончено, хирург спокойно сказал:

– Всё, больной. Теперь вставай с операционного стола и своими ногами топай на койку. Не притворяйся!

Как ни ныл Иван Петрович, но врач заставил его своими ногами пройти несколько метров до койки – так быстрее начинается процесс заживления раны.

Вечером капитан пригласил хирурга и меня на ужин в свою каюту. Правда, капитан латышского траулера попросил не задерживаться долго, так как им надо было уходить к транспорту на выгрузку.

Удалось нам с хирургом поговорить за столом около часа. Он рассказал, что перед войной успел поучиться в техникуме – стал ветеринаром.

Когда фашисты захватили Украину, он ушёл в партизанский отряд Ковпака. В одном из рейдов, когда убежали от врага, разрывная пуля раздробила коленную чашечку другу командира. Партизаны унесли его в лесную чащу, наложив жгут выше колена, чтобы человек не умер от потери крови. Ковпак, узнав, что есть партизан с опытом врача, подвёл его к раненому:

- Спасай моего друга!
- Я не врач, я ветеринар. Да и никакого инструмента нет...

Ковпак, вытащив пистолет, решительно сказал:

– Или ты его спасаешь, или я тебя застрелю!

Пришлось проводить ампутацию подручными средствами. Обычную ножовку прокалили на огне, больному дали выпить бутылку самогона, самогоном протёрли кожу в местах разрезов. Кость пришлось пилить ножовкой. Швы накладывал обычной суровой ниткой, смоченной самогоном. И ещё очень помогло, что в начале этого рейда удалось захватить немецкий санитарный автомобиль – среди трофеев оказалось несколько ампул пенициллина. Этим белым порошком засыпали раны и через пару недель они зажили без всяких осложнений.

Капитан латышского БМРТ потребовал вернуть его хирурга – пришлось заканчивать дружеский ужин. Перед уходом хирург сделал мне неожиданное предложение:

– После рейса я буду работать заместителем министра здравоохранения Украины – приезжай в Киев, я помогу тебе без экзаменов поступить в Киевский медицинский университет. А штурманскую романтику бросай! Из тебя получится хороший хирург!

Расстались мы с Алексеем Николаевичем, но штурманскую романтику мне так и не удалось бросить. Через пять лет я получил диплом капитана дальнего плавания и работал капитаном сорок лет.

Светлана
ГРИНЬЖИТЬ
ЗА
ДВОИХ

Письма из века прошлого в день сегодняшний

Из письма Олега Куваева
22 февраля 1973 г.

«Для кого писать? Б., нет ведь на этот вопрос единого ответа. Каждый тут один и сам по себе, и каждый это делает по-разному. Мало найдётся идиотов, считающих, что они пишут для человечества. Я всегда пишу для какого-то одинокого и абстрактного парня, который сидит где-то на полярке, или в разведке, или живёт в Житомире в каком-нибудь «сучьём кутке». Главное, для одинокого парня. Реши эту проблему просто: для кого тебе *не жалко положить душу на бумагу*, вообрази этого реального или вымышленного человека и пиши для него и только для него.

Но помни, Б., твои же слова: автор всегда добр, отходчив, если он страдает и злится, то не за себя, не за свою неизлитую желчь, не за то, что у него (лично) потолок обвалился. Я убеждён, что без человеческого доброго автора нет литературы. И я убеждён, что творческое бесплодие наших литературных генералов от того идёт (среди них есть ведь и приличные технари), что себя они любят, своё положение, свой ранг и только. От этого и бесплодны.

И давай уж если ругаться, так по высокому классу: плюнь на всех редакторов, плюнь на всю политику и установки – пиши так, чтобы душа легла на бумагу – это *единственный* путь, если не к публикации, то к что-нибудь стоящей прозе.

Надо сказать, что несмотря ни на что, эти две вещи взаимосвязаны даже в наших условиях. И тебе пример – Емельяныч <Гриценко Иван Емельянович – из репрессированных – С.Г.>. Акварели его помнишь? Кому озлобиться как не ему? А ведь акварели-то его без злобы. В них он и есть как художник. Состояние злобы и ненависти творчески бесплодно, ибо по древнему индийскому утверждению «ненависть не способна родить ничего, кроме ненависти». Это Будда сказал. Опять же Хэм <Эрнест Хемингуэй> сформулировал принцип общий для всех писателей: задача автора не порицать, не учить, но *понять*. Избави бог, не зову к всепрощенчеству, но ведь проза опять же такой дьявольский инструмент, что ею всегда можно ударить то, что хочешь ударить». – **О.К.**

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: ЧИТАТЕЛЬ –
ПИСАТЕЛЮ

ГОЛОС из пекла ВОЙНЫ
Навстречу беспредельным горизонтам
души Территории Олега Куваева

Наталья Ивановна Мошнягон. Ветеран Великой Отечественной войны, узник концлагерей: о книгах любимого Писателя

04 / 2017

**Письмо Олегу Михайловичу Куваеву
(12.08.1934 – 8.04.1975)
и переписка со Светланой Афанасьевной
Гринь:**

24 декабря 1980 г.

от: Натальи Ивановны Мошнягон

*Адрес: 255206, Киевская область, Киево-Свято-
ский район, село Хотов*

Милая Светлана Афанасьевна!

Поразительно; 15 декабря я сидела возле телевизора где-то уже после 22 часов, и вдруг кто-то мне как будто подсказал: «Включи 3-ью программу». Там шёл фильм «Клад». Я как раз увидела в тот момент, когда разбойник или кто я не поняла стреляет птиц, а этот очаровательный человек геолог, забыв о себе кричит «Не убивайте птиц». «Олег Куваев» определила я, и в конце фильма я прочла на экране телевизора «Олег Куваев».

Что же это такое?

А через несколько дней я получила дорогой подарок Книгу его. Большое Вам спасибо!

Муж схватил и читает (уже заканчивает) в каждую свободную минуту, а я как ласоци <лакомство – С.Г.>, когда отдыхаю. Мы заканчиваем ремонт, и три дня праздника, будут мне настоящим праздником. Я люблю читать книгу не спеша, вдумываясь в каждую фразу художника. Как жаль, что Вы так далеко, чтобы подумать вслух, с Вами. Я стою на очереди за книгой «Каждый день, как последний». У нас в клинике она есть, но желающих много, я получу где-то в начале года.

А пока прочту «Территорию» и напишу Вам? С Вашего разрешения!

С уважением к Вам,

Наталья Ивановна <Подпись: Мошнягон – С.Г.>

конец декабря 1980 г.

от: Натальи Ивановны Мошнягон

ОТКРЫТКА

3 НОВИМ РОКОМ!

С Новым Годом Вас, Светлана Афанасьевна!

Пусть он Вам принесёт здоровья, успехов и радость.

Пусть встретятся Вам хорошие люди, пусть будет обходить стороной всё плохое.

Я не могу воспринимать Вашего Олега мёртвым, он возле Вас и Вы будете рассказывать ему моё впечатление о его книгах.

С уважением,

Н.И. <Наталья Ивановна – С.Г.>

P.S. Будете в Киеве, пожалуйста, к нам, Вы будете дорогим гостем. У нас тихо, просторно. Приезжайте!!!!

начало января 1981 г.

от: Натальи Ивановны Мошнягон

Дорогая Светлана Афанасьевна!!!

Как же Вам повезло в жизни – Вы прошли рядом с Ним. Нет, не точно. Вы идёте рядом с Ним, это и трудно и очень легко.

Ведь сколько ещё к великому сожалению Бебениных, которые за всё наилучшее платят ножом в спину, и в прямом и переносном понятии.

Как часто даже хороших людей, обманывает <обманывает – С.Г.> эта алчность к золоту, и делает из них Бебениных. Я, с удовольствием оглядываясь на свою уже прожитую жизнь, утверждаю, что оно меня никогда не соблазнило.

Почему-то и о Вас у меня такое же мнение.

Дорогая Светлана Афанасьевна!!!

Ещё раз Большое Вам человеческое спасибо; за книгу, за Ваше знакомство с Вашим Олегом, этим чудо Человеком, за то, что Вы оказались в одном со мною Купэ. <поезд Москва – Киев – С.Г.>

Было бы Вас побольше, не приходила бы так быстро старость, потому что старость ещё и разочарование. А Вы очаровываете, заставляете думать, мечтать, это прекрасно.

Всего Вам наилучшего в Ваших делах и жизни.

С искренним уважением,

Нат. Ив. <Наталья Ивановна – С.Г.> Мошнягон

P.S. Будете в Киеве, загляните хотя бы на минутку.

22 января 1981 г.

от: Натальи Ивановны Мошнягон

Дорогой Олег!

Ваш вопрос в конце романа «Территория» не застал меня врасплох.

Я сразу же зашагала за Вами, отбиваясь от назойливой гнуса, обливаясь потом от влажного удущья жары, шагала, бежала, теряя Вас из виду. Вот, казалось, я Вас узнала в Баклакове. Начала присматриваться, анализировать. И, стоп – Вас в Баклакове не оказалось. Возвращаюсь назад, прицепившись к Монголоу. Иду за ним, задаю ему надоедливые вопросы, этому такому прекрасному нелюдиму, и говорю себе: «Да, это Олег», и пошла за ним. И опять ошибка. Нет, он – это Гурич, и прицепилась к Гуричу.

Вот так я перебирала, придиралась ко всем этим людям, задавая им один и тот же вопрос: «Что Вас заставило бросить себя в это пекло при жизни?» А может быть это и есть та самая настоящая жизнь.

Может быть.

Только не улыбайтесь хитро, дорогой Олег. Я Вас всё же нашла. Вы себя растыкали, разделили по частичкам и в Баклакове, и в Монголоу, и в Гуричине; Вас частичка есть и в «Будде». Вы беспощадно делили от себя кусочки и давали каждому из этих Людей Территории. Это к Вам спешили кареты скорой помощи, и одна из них всё же опоздала. Опоздала!!! Хочется крикнуть ей: «Скорее, скорее!!!» О, если бы Вы знали это чувство, когда смотришь в остановившиеся глаза, говорящие «поздно, опоздали».

Ваши слова «умри, но сделай» подтверждаются Вашей книгой, что лежит прочитана передо мной. Так и оставляю я её настольной книгой на весь остаток моей жизни.

«Умри, но сделай» – это девиз сильных, нет, сверхсильных, и под силу только героям.

Я успокаиваю себя только тем, что наверное у каждого в жизни должна быть своя Территория, которую он должен пройти или умереть, чтобы

66

не стыдно было тыкаться на этой Территории как слепой с <из> угла в угол.

Почему же опоздала к Вам скорая помощь? Может быть эти люди попали не на свою Территорию?!, не успокаиваясь думаю я.

Прощайте, дорогой Олег!! Я хочу сказать, что люди благодарны Вам за Вашу Территорию, которую Вы пробежали так быстро, как молния, и умерли, но сделали.

И ещё запомню, как молитву Ваше: «Никогда в этом свете ненависть не останавливается ненавистью, только отсутствием ненависти она останавливается». Как просто и как мудро.

С искренним уважением к Вам,
Наталья Мошнягон

30 января 1981 г.

*от: Светланы Афанасьевны Гринь
Адрес: 152025, Ярославская область,
г. Переславль-Залесский*

Дорогая Наталья Ивановна!

Спасибо Вам за то, что не ошиблась в Вас, доверяясь внутреннему чутью. Получила письмо Олегу. Именно Ему надо писать! Именно к нему обращаться. Только так, по большому счёту, можно проверить слова и дела. Проплакала я, Наталья Ивановна, над Вашим письмом от первой строки до последней! И при повторном чтении. Давно я так не была взволнована. Но это были светлые слёзы радости и печали. Радости за то, что Свет души Олега коснулся ещё одного доброго сердца и озарил путь его. А печали оттого, что не сам Олег отвечает Вам. Почему-то таким людям не дано долгой жизни. Как и Счастье наше было коротким. Три года всего <и два дня>. Вы правильно исправили в своём письме: я не «прошла» с Олегом тот путь, к моему безграничному сожалению. Но! Я иду с ним до Великого Конца, одиночным маршрутом, но не одна. И неизбывное Горе, не покидающее меня ни на минуту, не может заслонить и поглотить то счастье, которое Олег дал мне.

Встретившись с Вами, поговорив, мне очень захотелось, чтобы Вы прочли книги Олега, ведь при нынешнем положении с книгами, очень легко можно пройти мимо хороших книг. Видя Вашу щедрость душевную, простоту, видя руки Ваши, руки неутомимой труженицы, мне стало очень жаль, что Вы можете пройти мимо книги, которая может стать Другом. Так это и случилось. А книги, ведь, я редко кому дарю. Только проверенным чутким людям, кому они нужны больше хлеба. Ибо душу чем попало не успокоишь! Вот, значит, и не зря ездила я в Киев. Сейчас мне трудно писать. Напишите о себе немного, а то я, ведь, не знаю, кто Вы, хороший человек?

До свидания. Пишите.
Светлана

16 февраля 1981 г.

от: Натальи Ивановны Мошнягон

Милая моя Светлана Афанасьевна!

Я начну своё письмо Вашими словами: «При нынешнем положении с книгами, очень легко можно пройти мимо хорошей книги».

Но как же мне повезло!!

Вот скоро два месяца мне не взять в руки никакую книгу, настолько я ещё полна книгою Олега. Разбирая, обдумывая, я всё больше восхищаюсь и упиваюсь этой Великой Простотой его Территории.

Нет у его книги положительных и отрицательных персонажей, это обыкновенные люди, со всем им присущим, и в то же время, какие Исполнины! Пойти на страшные лишения, утопать в реках, изнуряя себя холодом и зноем, и остаться равнодушным к тому, за что так дорого платили – к золоту.

Мне почему-то Олег ассоциируется с Джеком Лондоном, чем-то общим, и чем-то неизмеримо разным. Что-то есть общее в характере, размахе, и неизмеримо противоположное в каком-то душевном состоянии. Если герои Джека поражённые золотой лихорадкой, то какие же бескорыстные Исполнины стоят за Олегом Куваевым.

Таковыми могут быть только Русские люди.
Нет их сильнее!!

Звенят в моих ушах Его слова: «Никогда в этом мире ненависть не останавливается ненавистью, только отсутствием ненависти останавливается она»!! Мне хочется, чтобы их повторяли как молитву с <из> уст в уста, чтобы они гремели Набатом на весь Мир.

И какая же Вы счастливая, что услышали их из Первоисточника!!! Короткий Миг Вашего счастья, но этот Миг спас Вас от одиночества, и наградил Вас за Горе Утраты. Он никогда не будет мёртвым.

Мне предстоит скорая радость, обещают мне дать прочесть книгу «Каждый день, как последний». Не могу дождаться, как прочту, сразу же напишу Вам.

Боюсь надоесть Вам своей писаниной, но так же как с хорошей книгой трудно встретиться и с человеком, с каким можно говорить, чувствуя, что тебя понимают душой.

Мне пришлось пройти через все ужасы войны и концлагерей, и не знаю, то ли не попала мне та книга, которая так ярко и правдиво описала бы эту страшную Территорию, то ли её никто не смог описать.

Лев Толстой умер, а Олег Куваев ещё не дотянулся детскими ручонками до Неё. Так и осталась она, эта зверина, никем не открытая до конца.

Спасибо Вам, дорогая Светлана Афанасьевна, за то дорогое время, что Вы тратите для меня. Спасибо за Ваши тёплые слова. Спасибо Вам, что Вы пришли в тот вагон, где была я. Я очень счастлива моим знакомством с Вами. Пусть будет радостным Ваш путь, пусть сопутствуют Вам удачи, пусть Ваше Горе никогда не затмит Радость.

Всего Вам самого наилучшего моя дорогая Светлана Афанасьевна.

С искренним уважением к Вам,
Наталья Ивановна.

04 / 2017

12 марта 1981 г.*от: Натальи Ивановны Мошнягон*

Милая моя Светочка Афанасьевна!!!

Вчера получила Вашу поздравительную открыточку, большое спасибо Вам. И ещё бесконечное Спасибо случаю, познакомившему нас, а может быть чему-то большему, чем случаю, судьбе что ли спасибо.

Во всяком случае, у меня есть о чём-то думать, мечтать, предполагать, а ведь в этом лучший смысл жизни.

Я, как и Ваш Олег, верю в интуицию. И простите мне, дорогая Светланочка Афанасьевна, старческую наивность, и по хорошему посмейтесь надо мной, но я всё время думаю о Вас обоих, отдельно Вас не представляю, и не хочу представлять. И чем больше думаю, тем больше убеждаюсь, что у Вас есть что-то общее, и не маленькое, а большое общее. Иначе Вы бы не могли так глубоко войти душевно друг в друга. Иначе Вы бы просто никогда не были бы такими близкими.

Но что это такое, это общее, что?!

Может быть, тот же талант Великий, способный как Олег с громадной породы Территории выбрать по крупиночке золота и подарить людям? Преподнести такой громадный дар, дорожке золота: жить по его, по Куваеву «умри, но сделай». «Оставайся добрым, если ты хочешь быть достойным Имя – Человек».

Милая Светочка Афанасьевна!!

Олег задал ещё один вопрос: Довольна ли я собой? Нет! Жизнь так быстро летит, а мне кажется что я так мало сделала в этом мире, что что-то нужно больше. Я не вырастила детей, война стала надо мной в то время, когда полагается родить и воспитывать детей. Она была ко мне беспощадна при всём ей, войне, присущем ужасе. Была в плену, прошла концлагеря, так прошла моя молодость. Детство тридцатых годов тоже не было лёгким. Через всё прошла. Страшно даже говорить это, но иногда приходит на мысль, что может быть только в таких кузницах куётся сильный выносливый человек.

Скажу только, моя дорогая Светочка Афанасьевна, до сих пор не пойму, то ли хватило силы всё это вынести и устоять, то ли я такой неприхотливый кретин, который мог жить тем минимумом. Но что-то одно с двоих <из двух>.

И ещё скажу, и совершенно всерьёз пообещаю, если Вам когда-нибудь понадобится порода с какой необходимо будет добывать золото, я попрошу Вас, возьмите меня бульдозером. Я буду днём и ночью и до конца, сколько хватит сил рыть горы породы.

Запомните это дорогая моя Света Афанасьевна, ведь Вам в этом поможет Олег, он подскажет, проверит, вычеркнет лишнее, ненужное.

Подумайте, моя милая, и посмейтесь тихо и легко, ладно?!

С искренним уважением к Вам,
Наталья Ивановна!

Только долго не думайте, у меня уже время остаётся немного.

Счастья Вам и всех наилучших успехов, моя дорогая.

На следующей неделе подходит моя очередь «Каждый день, как последний». Я ещё не читая её, хочу жить по этому принципу.

Боюсь быть надоедливой, но мне так хочется делиться с Вами своими мыслями.

15 марта 1981 г.*от: Светланы Афанасьевны Гринь*

Милая, дорогая Наталья Ивановна!

Ваши слова, писанные от чистого щедрого сердца, доставляют мне минуты светлой радости. Спасибо Вам большое за письма. Вот ради таких писем, таких Читателей жил Олег. Сейчас вот вышел его последний роман «Правила бегства». Это его первая публикация в Магадане, нигде он ещё не был опубликован. Нам прислали несколько книг. Как только появится возможность, пришлю Вам почитать. Если удастся достать побольше книг, то подарю. В Харькове переиздаётся «Территория» на русском языке. В издательстве «Молодая гвардия» переиздаются повести и рассказы в сборнике под названием «Через триста лет после радуги». Так что дела Олега живут довольно интенсивно. Каждый год что-нибудь издаётся или переиздаётся, переводится. Критики предвещают ему стать классиком. И всё потому что жил и писал по-настоящему.

Дорогая Наталья Ивановна, немало меня удивило, что Вы увидели в «Территории» именно то главное, о чём писали критики и литературоведы. Кто Вы по специальности? Если Вам покажется не против души этот вопрос, то ответьте, хорошо?

Летом (июль, август) поеду на Чукотку. Специально не ходила в отпуск прошлым летом. Вот наконец-то, собралась с духом и здоровьем. Поеду, попроведаю те места, где жил Олег. Повстречаюсь с людьми, знавшими Олега. Может быть, удастся собрать письма его, фотографии, узнать побольше о нём. Походить по той земле, подышать тем воздухом. Сейчас занимаюсь подготовкой к этой поездке.

Вот пока всё. Всего Вам доброго и светлого в жизни.

Искренне Ваша,
Светлана

21 апреля 1981 г.*от: Натальи Ивановны Мошнягон*

Моя милая Светлана Афанасьевна!!!

Прежде, чем закончить Вам свою исповедь, мне хочется написать Вам свою радость за книги Олега. Вы знаете, Светочка, я очень уверенная, что Его книги не проходят мимо человеческих сердец, не трогая их.

Их истина подымет слабого, сделает умнее умного, и даже злого делает добрее.

Боже мой, какое Величие может вместиться в одном человеке.

«Умри, но сделай». Ведь Их не подыметь на вытянутых руках, не закричишь: Спасите!!, нет, они

нас предупредили, заранее утвердив сказанное «умри, но сделай». Я в этом слышу Его голос «я всё это выбрал сам». И вот они Олег, Есенин, Чайковский как радуги с высоты Светят нам, помогая жить, уметь радоваться, восхищаться всем тем, от чего они так рано ушли.

Как же это иначе назовёшь, как не: «Бессмертие». А может быть нет Их Гению ни слова определяющего силу, ни меры, измерившей их Величие.

СПАСИБО ИМ, нам дано только склонить голову, перед Великими.

Какое же доброе дело Вы, Света, сделаете поехав Туда. Пусть Вам сопутствует Большая Удача собрать о Нём побольше и оставить людям. Это, наверное, Ваша священная обязанность перед Ним. Счастливого Вам пути!!!

Милая Света, я нечаянно ранила себе руку, было плохо писать, наверное и читать будет трудно.
<Написано сбоку страницы – С.Г.>

ВОЙНА! Не читала я ещё той книги, не смотрела я ещё того фильма, который смог бы полностью определить эту катастрофу человечества. Только тот, кто поварился в этом аду, понял глупину этой трагедии.

Суббота 21-го июня 1941 г.

Я вернулась с госпиталя (работала в операционной хирургического отделения), убрала в квартире, приготовила обед, ждала мужа с моря. Они ушли на корабле в Ригу и должны были вернуться. Прилегла и уснула. Разбудил меня звонок. Я думала, что это пришёл муж, но это был госпитальный шофёр.

В Таллине конец июня это разгар весны. Красивый Таллин в это время года. Весь сиреневый, особенно <кадриады – нрз.> А белые ночи делают его совсем сказочным. Шофёр так быстро ехал по пустынным улицам, а я даже не спрашивала, что случилось. Какая-то страшная тревога сдавила горло.

В 12 часов 22-го говорил т. Молотов. Трудно было верить, что в этот солнечный день весны кто-то может палить, топить, жечь, убивать, но к вечеру привезли окровавленных, израненных людей, это страшное подтверждение войны.

Милая Света, так ярко это стоит перед глазами, как будто это было вчера.

С операционной почти не выходили, пропал сон, голод, всё ушло. Было одно желание: побыстрее, быстрее перевязать, напоить, накормить, эвакуировать.

Говорят, что бывает страх и бесстрашие.

Милая Света, до сих пор не могу определить точно, есть ли бесстрашие. Понимаю, что страх это большое чувство, многих бросает на землю, но есть люди сильные, тех просто не может одолеть страх.

Я работала с одним молодым хирургом. Он был старше меня лет на 7-8. Способный, сильный, я любовалась его работой, восхищалась его любовью к раненым, я хотела, чтобы все врачи были такими как он.

И вот в один день, когда мы обрабатывали тяжёлого больного с открытым переломом бедра, во дворе начали рваться бомбы. Одна разорвалась так близко, что разбились и раскрылись окна и двери, посыпалась штукатурка. Я в страхе закрыла рану простыней, а сама собой закрыла больного. Доктор от страха очутился под операционным столом, под тем столом, где лежал раненный.

Светочка! Я не могла посмотреть ему в глаза, стыд за него бросал меня в жар.

И опять сравнение. Что бы сказал на это Олег? Он ведь знал, что у него большое сердце, и тот груз, который он свалил <взвалил> на себя был для Него смертельным, но он его свалил <взвалил> и нёс, нёс, отрывая у самого себя время отдыха, обирая себя в своей любви, отрывая кусок за куском от собственного сердца, не жалея, а радость от этого смертельного труда, он предоставил людям! Что это, Светочка?! Бесстрашие? Я не знаю.

Война для меня была короткой.

В августе 28-го наши оставили Таллин. Для отступления остался только один путь, Финский залив. А он тоже кишел фашистскими охотниками, подводными лодками, а с неба пикировали прямо на наши транспорта самолёты.

Ночь тёмная, везде пожары, бомбёжка, ветер такой же что валил с ног. Когда мы привезли раненных, на пристани стоял готов к отплытию только один транспорт. На пристани тысячи солдат, скорее не солдаты, а публика, над которой уже властвовал только страх. Наш транспорт потопили, наверное, за километр от пристани. Не помню, каким образом я оказалась на берегу. Собралось нас человек 8 у блиндажа, а утром мы не успели опомниться, как были уже в плену.

Плен – это хуже войны, и хуже смерти, в этом я совершенно уверена. Плен – это ежедневная смерть человеческой мысли, здесь уничтожен человек, превращён в животное. Голод, холод уже делают человека животным, а если с ним ещё и обращаются как с животным, это хуже смерти.

Не забуду, когда в лагере наварили брюквы, гнилой капусты (это было в ноябре) и вонючее мясо конины. Никакой бы голод не заставил проглотить что-нибудь с этого пошла. И вот страшное свершилось. Один из наших офицеров набрал этого пошла в котелок, вызвал к себе немца и бросил ему в лицо: «Ешь сам это, собака, а с меня собаку не делай!!!», и тут же был расстрелян.

Как бы это воспринял Олег?!

В декабре 5-го числа с острова <Ханко – нрзб.> уходил теплоход «Иосиф Сталин». Он был торпедирован, потерял управление и захвачен фашистами. И вот в наш лагерь бросили ещё полных сил, наших матросов, было несколько и офицеров. Организовали штаб. Нужно было связаться с подпольем Эстонии. И тут опять я. Нужно было незаметно выбраться в город, сообщить нужное и вернуться, пока охранники праздновали рождество, и были все пьяные.

Прошло всё благополучно. Но 2-го февраля пришли Гестапо и увели меня в тюрьму.

04 / 2017

Не успели уничтожить все документы, фашисты. И вот выписка с Центрального государственного архива при Совете Министров Эстонии.

«Я была арестована 2-го февраля 1942 года по обвинению во враждебной государству деятельности немецкого рейха». Это коротенькая выписка с документа. Шесть месяцев одиночки, а потом концлагеря до конца войны, Таллин, Бухенвальд, Шербург, <Хальброн – нрзб.>. Шербург, <Некарцимер – нрзб.>. Вот мои хождения во время войны.

Вернулась в Таллин, в свой госпиталь. Он во время войны (те, кто уцелел) находился в Ленинграде. Все встретили меня радостно, начальник госпиталя сказал: «Мы тебя каждый праздник вспоминали как павшую в бою». В словах его звучало сожаление, что я выхожу с павших.

Не был гладким мой послевоенный путь. Нужно было заново получить документы, погибли в партизанах отец и сестра. Осталась в чужих людях мама, а тут ещё нас ведь пленных содержали в изменниках. Это всё же было жестоко.

Всё прошло, всё пережила, и горе потерь, и измену. А когда пришло какое-то пусть относительное благополучие, мне сказали: «Бедная, как ты могла всё это вынести?» Позднее участие! Не правда ли?

Уехала я с Таллина в 1968 году, так тянуло на родину. Удалось получить под самим Киевом кусочек земли, построить домик, посадить садик. Он уже вырос большой. Как бы я хотела видеть Вас своим гостем, в моей тихой пристани. Всё может быть, а вдруг Вам нужно будет приехать в Киев.

Вот теперь Вы имеете представление о моей жизни. Так я доживаю свой век, храня то доброе, чему меня учили добрые люди. Не устану до конца восхищаться прекрасным и теми людьми, которые в смертельной опасности защищают птиц. «Не стреляйте в розовую чайку».

С большим уважением к Вам,

Н.Ив. <Наталья Ивановна – С.Г.>

13 апреля 1981 г.

от: Светланы Афанасьевны Гринь

Милая, славная Наталья Ивановна!

Получила от Вас уже три письма-крика, боли душевной. Ответить же никак не могла во время, так как наступили дни Памяти Олега, ездила в Калининград, проводились конференции, к нам приходили друзья Олега, поминали-вспоминали его.

8 апреля исполнилось шесть лет, как он ушёл из мира сего, оставив все свои дела в разгаре. Вот и в этом году вышло пять книг его: увидел впервые свет его роман «Правила бегства», в Харькове переиздали «Территорию» на русском языке, вышло переиздание «Территории» в ФРГ, вышли два рассказа в сборниках на словацком и польском языке. Готовится переиздание сборника повестей и рассказов «Каждый день, как последний» в «Молодой гвардии». Дела его живут, а вместе с ними живы память и боль людская, читающих произведения Олега, пропускающих через свои сердца.

Наталья Ивановна, высылаю Вам «Заповедь» Олега, которую он повесил у себя над столом. Это стихотворение Киплинга. Таким был Олег. Если уж он повесил над столом, значит всё делал и поступал, как там сказано.

Ваши письма, Наталья Ивановна, потрясают глубиной понимания, любви к книгам. Трагизмом Вашей жизни, испытаний, выпавших на Вашу долю. И добротой и верой, душевной щедростью, сохранившейся в Вас после пребывания в настоящем Аду. Вот это умение проникнуть в самую суть книги и потом написать об этом так, что слова Ваши пронзают другое сердце – это очень ценно. Спасибо Вам.

Пока закончу. Пишу пока коротко, чтобы не волновались.

С уважением,

Светлана

11 июня 1981 г.

от: Светланы Афанасьевны Гринь

Дорогая Наталья Ивановна, здравствуйте!

Давно уже ничего не знаю о Вас, а письма Ваши стали необходимы мне. Благодаря им Вы стали для меня не чужим человеком. Стала думать о Вас, мысленно разговаривать, беспокоиться о Вашем здоровье, жизни. Я сама подвластна настроениям в письмах и могу довольно долго не уметь написать, ответить, но это совершенно не значит, что я забыла этого человека – просто придёт время, появится желание пообщаться с данным человеком, и я обязательно напишу. Вот пришло. Пишу Вам.

К моему большому огорчению в этом году мне приходится отказываться от поездки на Чукотку. Вот месяц как я болею. Лежала две недели в больнице. Всё по мелочам, но это выбило меня из колеи и сорвало мои планы, так как я не успела основательно подготовиться к такой ответственной поездке. Так что еду в этом году в противоположную сторону – на юг. Возможно, удастся побывать в местах по рассказу Олега «Эй, Бако!» Там живут родители мужа Галины Михайловны – сестры Олега. Но боюсь загадывать, а то опять что-нибудь мне помешает. Но всё ж надеюсь.

Дорогая Наталья Ивановна, если будете в наших краях или проезжать мимо, обязательно заезжайте ко мне, только обязательно заранее сообщите, так как я бываю часто в командировке в Москве. Или хотите, вообще приезжайте в отпуск, когда он у Вас? Мы бы сходили к Олегу на могилку, побыли в его комнате. В Калининграде подмосковном.

Вот пока всё у меня.

Всего Вам светлого в жизни.

Искренне уважающая Вас,

Светлана

28 июня – 2 июля 1981 г.

от: Натальи Ивановны Мошнягон

Милая моя дорогая Светочка Афанасьевна!!!

Большое Вам Спасибо за письмишко!

Если бы Вы знали, как я люблю эти Ваши особенные конвертики, с очень красивыми марками. Стоит появиться ему, как у меня сразу праздник.

Одно только тревожно, Ваше здоровье! Запомните, всё начинается, как Вы говорите «по мелочам». Поверьте, моя дорогая, что мелочи растут, и относитесь очень серьёзно к этим никому не нужным мелочам, постарайтесь от них вовремя избавиться. Ведь Вам Судьбой дано продолжать жизнь за двоих.

Милая Светочка Афанасьевна, я всё время сопровождала Вас с Олегом по «Территории», думала что Вы там, а у Вас видите не получилось. Ну ничего, будет здоровье, тогда и отправитесь.

Спасибо Вам, дорогая моя, за приглашение. Я думаю и верю, что мы с Вами всё равно где-то встретимся, будет это в Киеве, или в Москве, или в Переславле: так хочется сесть вдвоём и слушать Вас, слушать, слушать.

И ещё Светочка, я никогда не представляю себе Олега мёртвым, в могиле, вот это у меня уже не получится.

В середине мая со мной произошло что-то бесподобное. Я хотела сразу Вам написать, что было со мной, но подумала, что Вас нет дома, да ещё боюсь отнимать у Вас время своей болтовнёй.

Но это я всё же Вам расскажу, я до сих пор под этим впечатлением.

Меня иногда приглашают в школу, как ветерана В.О. на встречу с детьми. В этом году где-то в марте я тоже была во вторых классах, поговорила с малышами, они рассказывали стихотворения, потом я угостила их конфетами, и остались друг другом довольные. Даже присутствовал представитель с РОНО. Но вот где-то в середине мая в школе устроили вечер под девизом «поговорим о профессии». Пригласили агронома, знатную доярку, механизатора, были учителя, и меня пригласили как медработника, и заодно участника ВОВ.

Вначале шло всё спокойно. Дети (это были 9–10 классы) мне понравились, это уже молодые люди. с разумными вопросами. Были они и агроному, и доярке, и механизатору, были учителям. Появились вопросы и мне. Один два были обыкновенные, а потом посыпались, и все ко мне.

Милая моя Света, тут я уже немножко растерялась, вопросы пошли совсем не по теме. Такие как: Моё отношение к любви и дружбе? Мой взгляд на жизнь? По какому принципу я считаю нужно строить свои взаимоотношения с людьми? Всех не помню, но вопросы становились всё труднее и труднее, и вдруг – чудо.

Милая моя Света, сказали бы мне, я вряд ли бы поверила, но это же случилось со мной.

Я почувствовала, что за моей спиной стали Вы с Олегом. Мне кажется, я слышала Ваше дыхание на своём затылке. Мне стало так легко, Вы говорили, а я повторяла Ваши слова, весь роман «Территория» я повторила за Вами. Как молитву. И как я повторила! В зале стояла такая тишина, только горящие пытливые глаза детей открыто, доверчиво, и с такой верой смотрели на меня. Долго сыпались вопросы, а я всё слышала Ваш шёпот за спиной.

Милая моя Света! Я давно не была так счастлива, как в этот майский вечер.

Мне давали цветы, много цветов, а потом подошла одна из педагогов тепло поблагодарила за интересно подготовленный материал.

– Где Вы собрали такую литературу?

И я ответила: «Я прочла только один роман Олега Куваева «Территория».

Я вышла с Вами со школы, протянула Вам цветы, и тут полились слёзы. Я только и сказала: «Спасибо вам ребята, вечер, кажется, нам с вами удался». Спасибо улочке, она была безлюдна, а я была с Вами.

Нет, Светочка, такой могилы, в которую можно похоронить Олега. Есть только его сердце, которое так легко общается с сердцами людей, живое, и такое понятное, как сама истина. Пусть живёт оно во всех сердцах, и жизнь станет намного красивее.

Напоследок ещё раз попрошу Вас, Светочка Афанасьевна, относитесь к своему здоровью по-серьёзней. Поверьте, как Вы заполнили мою уже немолодую жизнь особым содержанием. Живите же сто лет!!!

С искренним желанием всего Вам самого наилучшего в Вашей нелёгкой жизни.

Наталья Ивановна!

Спасибо, что Вы помните меня, а я Вас вообще никогда не забываю.

27 июля 1981 г.

от: Светланы Афанасьевны Гринь

Дорогая, милая Наталья Ивановна!

Ласковая, добрая, светлая женщина, здравствуйте!

Получила Ваше сердечное письмо. Дважды читала и ещё раз сейчас перечитала и каждый раз слёзы признательности у меня. Светлые слёзы. Спасибо Вам. Ваши письма очень помогают мне. Они вселяют надежду, веру в свои силы, в свою нужность кому-то. Всё, что видите Вы во мне хорошего – это творение Олега. Свет его души и любви озаряет меня, видимо. А я очень обыкновенная. Со всеми ошибками, недостатками, слабостью характера. Вот сейчас так долго не отвечала, так как находилась в какой-то безвольной хандре, депрессии, хотя мысленно писала Вам почти каждый день. Потом у моей близкой знакомой умерла мама. Была там. Всё снова всколыхнулось и лишило последних сил. Вот сегодня первый день у меня появились душевные силы. И кроме чтения, могу и сама немного подумать.

25 июля у меня был знаменательный праздник. Я стала Олегу ровесницей, т.е. мне исполнилось 40 лет и 8 месяцев без 4-х дней. Теперь я буду стареть, а Олег всегда останется таким. С этого дня я как-то почувствовала ответственность за наши жизни. Я ведь стала старше Олега. Взрослее. До этого дня я всё жила запасом качеств, созданных для меня Олегом. Теперь я должна сама брать себя в руки, убегать от хандры и как-то выразить себя. Реализовать все свои возможности в Великой Любви к Олегу. Мне даже кажется неземной любви. Наверное, он мне подскажет, как мне это сделать. Я верю. Но как – ещё не знаю.

В этот день я ездила к нему в Болшево. Побывала на кладбище. Цветочки цветут: голубенькие вокруг, красные в центре. Мне стало так спокойно на кладбище, хотя это место скорби. Но так там спокойно. В первое время у меня так не было. Сейчас же моя бы воля каждый день ходила бы. И если две недели не бываю, с ума схожу от тоски. Вот побывала и успокоилась. Письма пишу.

Рада за Вас в майские дни в школе. Рада, что в нужную минуту душа Ваша укрепились «Территорией». И Вы сумели передать свет её в молодые неокрепшие ещё души. Вы, Наталья Ивановна, стали, возможно, невольно, добрым пропагандистом в самом лучшем понимании этого слова. Вот Вы и сами доказали на деле, как Вы нужны нам – Олегу и мне. Дай Бог вам сил, здоровья и умения идти той же стезёй, как и шли. Желаю Вам побольше таких праздников души и в дальнейшем.

17 августа начинается отпуск. Едем с семьёй сестры на море, а потом в Грузию на машине. Если некоторое время не будет писем, значит, меня нет дома. Всего Вам светлого и доброго.

Искренне уважающая Вас,
Светлана

8 января 1982 г.

от: Натальи Ивановны Мошнягон
ОТКРЫТКА

3 НОВИМ РОКОМ!

Милая моя Светочка Афанасьевна!!!

Я мечтаю, чтобы Новый год принёс Вам столько силы, чтобы Вы прошли по всей, до крика души, короткой Территории Олега. По Его сорокалетней (Боже, подумать страшно) Территории. Собрали её со всей её яркостью и подарили людям. Это моя ежедневная утренняя и вечерняя молитва, это моё заклинание.

Пусть Новый 1982 год успокоит хотя бы немного эту нестерпимую боль утраты, которая уносит Ваши силы, парализует силы, мысли.

Дорогая моя Светочка Афанасьевна!!!

Было бы мне хотя бы на 10-15 лет меньше, я пошла бы вслед за Вами по всей Территории Олега, она ведь прекрасна.

Всего Вам самого светлого, и если трудного, то преодолимого ЖЕЛАЮ!!!

С дружеским приветом Ваша,
Нат. Иван. <Наталья Ивановна – С.Г.>

На этом наша переписка с Натальей Ивановной Мошнягон обрывается. Но, всё же! Продолжение следует...

ПИСЬМА ИЗ ВЕКА НЫНЕШНЕГО В ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ И... В ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ

*...Обречена на верность и горе... Полюбить сразу и сразу его потерять, и потом всю жизнь быть ему верной и горевать о нём.
Уильям Фолкнер*

ПИСЬМО-ИСПОВЕДЬ Читателю Олега Куваева

26 мая 2017 г.

от: Светланы Афанасьевны Гринь

Дорогая Наталья Ивановна!

Не знаю, живёте ли Вы на этой грешной земле, на этом белом свете, и прочитаете ли Вы эту мою исповедь или пишу я Вам с Олегом в вечность... Но! Знаю! Вы меня услышите.

Вы – настоящая Русская Женщина, пройдя через пекло войны и ужасы фашистских концлагерей, которые Вам пришлось испытать в своей молодости, сумели сберечь и сохранить свою живую душу, любовь к людям, Родине, под названием – СССР. Любовь к хорошим книгам. Сумели сохранить чувство Святого долга перед своей Работой и работать по принципу: «Умри, но сделай». А работать иначе мы, русские, просто не умеем.

Какая же Вы, моя случайная попутчица, Наталья Ивановна, – мудрая. А, может, вовсе и не случайная, а это – Судьба, как Вы пишете?! Может, это Олег привёл меня, когда я ехала в командировку, в тот же самый вагон, в то же самое купе поезда Москва – Киев, где были и Вы?! Чтобы Вы в своих добрых, кричащих от боли письмах, написанных от всего любящего, но раненного войной, сердца, так чётко и ясно предугадали мою, вернее, нашу с Олегом Судьбу.

А судьба сложилась у меня с Олегом – непростая. Но! Светлая!

Сегодня, когда я пишу это письмо, 45 лет назад, 26 мая 1972 года, я получила от Олега телеграмму: «СПАСИБО ТЕЛЕГРАММУ ПИСЬМА СЧИТАЙ ЖЕНОЙ ЦЕЛЮЮ = ОЛЕГ». И с этого самого Великого для меня Дня: Считаю! себя женой Олега Куваева!!! ЛЮБЛЮ!!! ВЕРНА!!! «без пятнышка даже!» Преданна ему и памяти его!!! Живу «каждый день, как последний»!!! И! Работаю каждый день во славное светлое ИМЯ моего Родного Человека – Олега Куваева!!! И каждый миг стремлюсь быть достойной Имени его!!!

Пишу я это письмо-исповедь Вам, моя дорогая Наталья Ивановна – Читателю Олега Куваева, ибо Вы поняли меня, поверили, с самой первой минуты общения, хотя Вы и не прочитали ещё истинных слов писателя, обращённых ко мне, в книге писем «Обнажая душу», ибо время, для публикации его писем в те далёкие 80-е годы, ещё не пришло. Вот я и решила в этом письме в дополнение к нашему доверительному разговору в письмах (выше) поделиться с Вами несколькими строчками из писем Олега, написанных мне 45 лет назад, чтобы и Вы знали, как у нас всё начиналось.

Из писем Олега Куваева
14 мая 1972 г.

«Милостью божьей мне, Света, дано некое внутреннее зрение. Я знаю, что оно есть, хотя прорезается редко. Так вот этим внутренним зрением я и вижу в тебе Светлану, которую люблю. Удивляюсь, что никто в тебе до сих пор это не разглядел. ...Так что пока я один разглядел в тебе настоящую». – **О.К.**

19 мая 1972 г.

«А насчёт «честно» оговорка зря. Я всегда с тобой честно. Расскажу потом об одном случае позавчера, когда по злобе решил сделать нечестно. Но не смог. Такую бездну увидел, и в этой бездне оба мы похоронены – и ты, и я. Даже страшно стало. Повесил трубку. «Предавая других, ты, прежде всего, предаёшь сам себя». (О. Куваев 1934–197..?)». – **О.К.**

8 июля 1972 г.

«Ну и, во-вторых, ты пишешь чепуху. Я же люблю тебя, Света. Более того, суеверно думаю, **что нас бог друг для друга предназначил**. Я тебе писал об этом. Ну и если у нас не хватит человеческой щедрости, широты и умения простить – то нам (мне, во всяком случае) судьба этого не простит. Так что зря ты уговариваешь, «если врозь, то сообщи как можно скорее». Мы должны быть вместе и это дважды два – четыре». – **О.К.**

июль 1972 г.

«Ты уж не сердись, что пишу тебе столь чёткое деловое письмо, но я просто хочу облегчить тебе жизнь, хочу, чтобы ты почувствовала почву под ногами. И не какую-нибудь, а твёрдую. Вот и вставай на неё. Да и вообще, чёрт возьми, хватит нам телеграф смешить, давай лично разговаривать. В общем, собирайся. Какие тряпочки берёшь, какие бросишь». – **О.К.**

июль 1972 г.

«А ко всем остальным я уже давно принял такую позицию: Светлана Гринь – моя жена. Нравится – здравствуйте. Не нравится – идите к чёрту. Ну а насчёт «как смотреть человечеству в глаза» – ты человечеству отработаешь. Поможешь спастись от реального маразма пока ещё несостоявшемуся писателю – вот и будет твоя заслуга перед человечеством, твой выполненный женский долг. Ну а если дитё родим... Вот смеху будет. Господи, как бы хорошо, если бы ты сейчас была здесь». – **О.К.**

20 июля 1972 г.

«Я ведь самолюбив, Светлана, и очень тебя любить я смогу только тогда, когда смогу гордиться тобой, а гордиться полупродуктом – трудно. Здесь именно та область, когда затраченные усилия не бывают втуне. Ну так и соберись с силами». – **О.К.**

После Ухода моего Любимого я продолжаю жить за двоих.

У меня с Олегом Куваевым своя ТЕРРИТОРИЯ. Территория Любви. Негромкой. неброской. Без пафоса и лишних слов. Но! Настоящей! Надёжной! Дающей опору, «твёрдую почву», для честной, достойной жизни в Любви и Верности вот уже 45 лет. Даже в самые трудные, гибельные моменты жизни, когда случаются предательства людей. – Что очень больно. Нестерпимо больно.

Я уверенно ощущаю поддержку Олега через «Внутренний диалог», который я веду с ним на протяжении всей своей жизни и явственно ощу-

щаю, как Олег ВЕДЁТ меня в своих делах по НАШЕЙ Территории. И на мои вопросы о его делах, например, о работе над книгой, над 4-м томом, он неизменно мне отвечает: «Ты – на правильном пути. Ты всё – делаешь правильно. Вперёд и прямо!» И после этих его слов, я чувствую себя – спокойно. Уверенно.

По традиции напишу Вам, дорогая Наталья Ивановна, несколько слов о делах Олега.

Благодаря тому, что у Олега есть такая великая по своей духовности и чуткости, старшая «умница сестра-сестрёнка» (**О.К.**), которая была для него и мамой, и самым верным надёжным Другом, и его Духовной наставницей, а после его Ухода стала законной наследницей авторских прав и всего творческого наследия писателя; благодаря Галине Михайловне Куваевой, которая бережно сохранила и открыла все архивы писателя для всех желающих работать в них; благодаря её многолетней неутомимой работе были изданы и переизданы почти все произведения её брата, написаны диссертации и книги о писателе. Причём инициатива издания и переиздания книг, всегда исходила от издательств, как это происходит и сейчас.

Я искренне благодарна Галине Михайловне за то, что она полюбила меня, как родную, поддерживает меня во всех начинаниях, связанных с делами Олега, открыла архивы писателя, в том числе и для меня. Тем самым предоставила мне возможность выполнить свой Святой долг, к которому я предназначена судьбой, ибо я встретила Единственного Человека на земле, которого полюбила НАВЕКИ, а он оказался – Писателем.

В результате моей ежедневной кропотливой работы в течение многих–многих лет над архивом писателя, и... как следствие над собственной душой, появился трёхтомник Олега Куваева с книгой писем «Обнажая душу». Это – единственный раз, когда первое издание трёхтомника в «Художественной литературе», 2005, было инициировано нами, а не издателями, и издано оно было на деньги спонсоров с Чукотки, куда и был отослан почти весь тираж. Так что, сейчас архив Олега Куваева почти полностью обработан, издан и дважды переиздан (в «Престиж бук», 2013; 2017) трёхтомник, подготовлен завершающий 4-й том.

Но! К огромному моему и читателей сожалению, с изданием четырёхтомника произошло непонятное. В 2017 году вместо четырёхтомника в издательстве «Престиж бук» вышел только трёхтомник, изданный в серии «Ретро Библиотека Приключений. Коллекция Олега Куваева» со следующими названиями: том 1 – «Дом для бродяг», том 2 – «Территория», том 3 – «Устремляясь в гибельные выси». Хотя, насколько мне известно, уважаемым издательством была проделана огромная работа, и было сделано всё, чтобы четырёхтомник увидел свет именно в этой серии, именно в этом году.

Увидим ли и услышим ли мы «Крик издалёка» Олега Куваева, так называется 4-й том, завершаю-

ший Полное четырёхтомное Собрание Сочинений писателя, вобравший в себя все его записные книжки и письма, не вошедшие в книгу писем «Обнажая душу» трёхтомника, и когда это произойдёт – время покажет. Я не знаю, испытаю ли я радость от завершения многолетней работы, и подержу ли в руках изданный при моей жизни 4-й том Олега Куваева?! Но! Знаю! Я своё предназначение и Святой долг перед Олегом и его читателями выполнила сполна, перепечатав и собрав воедино весь материал записных книжек и оставшихся неопубликованных писем. И в феврале 2016 года, передала готовый 4-й том в издательство «Престиж бук» и уважаемой Галине Михайловне Куваевой – законной наследнице-составителю для последующего издания. Теперь остаётся только ждать и надеяться. И работать! Неустанно работать над делами Олега.

Вы, Наталья Ивановна, в первые годы после Ухода моего Единственного Любимого Человека на земле, были одной из тех, кто своими чуткими письмами помог мне устоять, удержаться на ногах и продолжать жить. Помогли Вы мне и сегодня, в 2017 году, как помогают мне мои родные и читатели-друзья, в очень непросто сложившийся для меня период жизни. Ибо, после окончания обработки архива писателя для четырёхтомника, и возникшего непонимания, я устала чувствовать себя перед всеми «без вины виноватой», и стало как-то пусто на душе. И честно говоря, я стала терять ориентиры: «Куда дальше жить?!»

И вот, разбирая свой архив, совершенно случайно (и опять! случайно ли?!), натолкнулась я на папку с перепиской с Вами. Начала работать над ней – и снова воспрянула духом, ожила. Вот – работаю! И!.. «продолжаю жизнь за двоих, чтобы пройти по всей Территории Олега Куваева, собрать её со всей её яркостью и подарить её людям». – **Н.М.**

Вот только, жаль, что писать хорошо я не умею – Бог обделил талантами. Как говорится: «коль не дано, так не дано». Те робкие попытки, которые я делаю, написав несколько статей-очерков «Камень верности», «Я снова верю в свою звезду» и другие – это просто Святой долг перед Олегом: рассказать читателям его о нашей Вечной Любви и о его Великом Прощении. Кто же ещё расскажет о Нём, как не я – женщина, которую он назвал своей Женой?! И я, пока жива, а мне уже 76, делаю это, ибо не имею морального права уносить какие-либо тайны, касающиеся личности писателя, с собой в могилу, откуда уже не расскажешь НИЧЕГО.

Искренне Ваша,
перед Богом названная Олегом верная жена -
Светлана

PS.

2017 год в России объявлен Годом семьи.

Пишу я это письмо в год 45-летия нашей с Олегом семейной жизни, из которых всего три года и два дня мы жили вместе на земле. Пишу как некий искренний исповедальный Отчёт перед чи-

тателями его о с честью и достоинством прожитых годах.

Посылая это письмо-исповедь Вам, Наталья Ивановна, я тем самым посылаю его всем многочисленным читателям, кто, как и Вы, посвятил часть своей жизни и души добрым делам, связанным с именем Олега Куваева. Читателям Олега Куваева, а их миллионы. И среди них есть не только геологи, но и равнодушные издатели, благодаря которым мы имеем возможность читать произведения Куваева; и поэты, и журналисты, и кинорежиссёры, актёры, и все создатели художественных и документальных лент; библиотекари, учителя, студенты и школьники и тот «одинокый парень», для кого писателю «не жалко <было> положить душу на бумагу». Зародить передать искорку своей любви и зажечь сердца, чтобы горели они ярким пламенем после прочтения его книг, и чтобы мы – читатели становились лучше. Чтобы вовлечь всех нас на ТЕРРИТОРИЮ одухотворённости, честности, совести и чести, любви и верности, истинного патриотизма. Вовлечь на Территорию Олега Куваева, ставшей для каждого из нас СВОЕЙ – РОДНОЙ. РОДИНОЙ – РОССИЕЙ.

Книги Олега Куваева были востребованы во все времена. Вот показательный пример. В советское время, когда был жуткий дефицит в книгах, несмотря на многотысячные – многомиллионные тиражи, одна читательница от руки переписала для своего сына-школьника «Тройной полярный сюжет» писателя. Востребовано творческое наследие писателя и в веке нынешнем. Эта любовь читателей – плата Писателю за то, что писатель, когда пишет свои книги для них, исповедует заповедь: **«Пиши о чём кричит душа» (О.К.)**

А они, читатели, в свою очередь, выстраивают свои судьбы по произведениям Куваева, участвуя своими созидательными делами в жизни страны, России. А свою любовь к книгам писателя, к Личности писателя переносят и на нас, его родных: высказывают своё мнение, делятся своими мыслями в беседах, пишут письма. Пишут его биографию.

Письма-поддержки, преданных, верных читателей Олега Куваева, идут до сих пор, и благодаря им, я выстояла в этом мире, выжила. И! Продолжаю жить за ДВОИХ! И я горжусь их доверием, и безмерно счастлива, что я не подвела их ожидания и надежды на нашу с Олегом почти полувековую Святую Чистую Верную Любовь. А после того, как я прочитала письма читателей, у меня появилась робкая надежда на то, что сегодня Олег мог бы мною «гордиться». **(О.К.)**

ИЗ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ Олега Михайловича Куваева:

26 мая 2017 г.

от: Леонида Михайловича Горового
Светлана Афанасьевна, поздравляю Вас с 45-летием соединения Вашей жизни с О.М. Кувае-

вым! Такое событие бывает только раз в жизни. И оно случилось у Вас, и Вы оказались достойной избранницей Олега Михайловича. Желаю Вам долгой жизни и долгой памяти!

Искренне, с уважением – Леонид Горовой.

26 мая 2017 г.

от: Артура Саятовича Артеняна

Светлана Афанасьевна, здравствуйте.

Спасибо вам за пример преданности человеку, его делу, его памяти.

Очень трогательно и поучительно.

С низким поклоном, Артур Саятович

20 марта 2017 г.

от: Александра Мичкова

Дорогая Светлана Афанасьевна!

Как же я благодарен за весточку от Вас! Как горжусь! Боже мой! Вы – вектор от Олега Михайловича ко мне, скромному почитателю каждой строки Писателя... Сколько раз я перечитывал всё его, учился точности и тонкости языка, отсутствию фальши и пафоса. Чести и позиции. Многие нагромождение нынешнего словоблудия не стоит, порой, нескольких фраз или посылов Олега. Можно и должно сказать – Философа. Апологета (его любимое словцо) душевной правильности.

Конечно, всё, что в моих силах, я сделаю для продвижения д.ф., но уходит слой моих друзей-скитальцев, для которых были значимыми имена Олега Куваева, Григория Федосеева и, наконец, Виктора Петровича Астафьева. К сожалению...

Обожаю Вас и бесконечно благодарю.

Ваш.

9 июня 2017 г.

от: Александра Мичкова

Дорогая Светлана Афанасьевна!

Искренне горжусь перепиской с Вами. Спасибо за внимание и за всю информацию об Олеге. Всё интересно и подтверждает мою давнишнюю уверенность в гениальности этого Человека и Писателя.

Что касается моих скромных записей – без сомнения используйте так, как Вы посчитаете нужным. Я буду горд.

Больших Вам здоровья и успехов в собирании и пропаганде творчества Вашего бессмертного Мужа.

Восхищаюсь Вами.

Всегда Ваш.

20 июня 2017 г.

от: Александра Мичкова

Уважаемая Светлана Афанасьевна!

Спасибо за все материалы, что прислали. Лучше сказать – низкий поклон!

Ваше верное служение Олегу Михайловичу достойно не только признательности, но Глубочайшего Уважения! Вы живёте этой Любовью и Верностью – Бог воздаст Вам здоровьем и долголетием. Я в это верю...

Какой Вы красивый Человек! Горжусь!!!

Александр Мичков

29 мая 2017 г.

от: Александра Яковлевича Трошина

Здравствуй Светлана Афанасьевна.

Все присланные Вами материалы получил. Отложил все дела, и вот только сейчас закончил ознакомление с материалами. СПАСИБО ВАМ!!!

Открыл для себя некоторые неизвестные мне детали. Материал обширен и видимо я ещё не раз вернусь к детальному осмыслению его. Нужно для этого время.

А сейчас скажу одно: какая же Вы молодец!!!

Я преклоняюсь перед Вашей преданностью, памятью, верностью и любовью!!!

С ИСКРЕННИМ УВАЖЕНИЕМ!

Ваш А.Я.

2–11 июня 2017 г.

от: Александра Васильевича Зиновьева

Всё, всё получил, собрал.

«Связал Олег с тобой, связал Олег с тобой... верёвочкой одной».

Пишу в дополнение к моему к Вам совершенно мужскому, писательскому, полевому, уж быть совсем точным – мужскому уважению вот за эту вашу женскую и человеческую черту.

Спасибо огромное.

Ваш и с уважением, А.В. Зиновьев.

4 мая 2017 г.

от: Алексея Валерьевича Коровашко

Дорогая Светлана Афанасьевна!

За <материалы> – отдельное и просто огромное спасибо!..

Без вашей помощи все бы эти сроки сдвинулись и замедлились. К тому же общение с вами создаёт ощущение пусть и заочного, но всё-таки живого диалога и с самим Куваевым (это, поверьте, не риторическая фраза; вы действительно, а не фигурально соединяете его – с нами, нынешнее время – с временем Территории).

Ещё раз вам огромное спасибо!

Ваш, АК

март 2016 г.

Николай Николаевич Герасимов
из Предисловия к 4-му тому О.Куваева
«Яростный маршрут Олега Куваева»

«У каждого из нас свой ОЛЕГ КУВАЕВ! Для одних – неисправимый бродяга, который и в наш сытый век заставлял людей ворочаться по ночам, для других – автор нетленной «Территории», для третьих – просто друг, на которого можно опираться, как на себя самого. Есть четвёртые, пятые, шестые – учителя и врачи, библиотекари и инженеры, колымчане и костромичи... Есть Светлана Гринь, положившая без оглядки на алтарь служения любимому человеку всю свою жизнь».

04 / 2017

Сергей ПУТИЛОВ

Русский вопрос в Финляндии

Россию и Финляндию (древнее название – Суоми, происходящее от племени саамов) связывает давняя, но непростая история. Больше ста лет эта территория была в составе Российской империи, о чём напоминает схожая с питерской архитектура, бронзовые памятники русским царям, православные церкви, повсеместно встречающиеся в Хельсинки. После отделения в 1917 году от России две страны оказались втянуты в войны друг с другом. Тем не менее вплоть до последнего времени финны придерживались «особых отношений» с Москвой. Достаточно сказать, что во времена «холодной войны» Финляндия была единственной из западных стран, вооружённой практически полностью нашим оружием. Однако сейчас отношение жителей этой скандинавской страны к восточному соседу стало меняться. Недавно на севере Финляндии прошли крупнейшие в истории этого государства совместные военные учения со странами НАТО. Итак, как же финны сейчас относятся к русским?

Хотя в России существует стереотип, что финны нас люто ненавидят за то, что Сталин напал на эту маленькую страну, мы отяпали у них Карелию, но в действительности всё несколько сложнее. Те, кто бывал в Финляндии (а поток «руссо туристо» в эту скандинавскую страну неизменно высок), положительно отзываются о вежливости финнов, дисциплинированности уличного движения, отсутствию грубости в общении. Русских же в Хельсинки, пожалуй, больше, чем гостей из других стран. И это неудивительно, поскольку от Питера до Хельсинки маршруткой, поездом или скоростной электричкой добираться не более четырёх часов. После Крыма и начала войны на Донбассе, отношение к России здесь стало куда более, скажем так, настороженнее. Всплыли давние комплексы и страхи финнов, связанные со сталинской агрессией, потерей карельских территорий, откуда в процессе присоединения к СССР было выселено до полумиллиона финнов. И хотя, как сказал автору Николай Рысак – эмигрант, редактор финского русскоязычного сайта Uusi Kotimaa («Новая Родина»): «Только сумасшедший в Финляндии сейчас может требовать возврата утраченных территорий, поскольку все понимают, что это повод к войне Россией. Но такие люди здесь есть. В основном это потомки тех, кто был депортирован из Карелии. Их в Финляндии ничтожное меньшинство».

Однако, на уровне генетической памяти, ощущение опасности с Востока осталось. В частности, фобии финнов зримо проявились в том, что несмотря на внеблоковый статус в финской Лапландии 22 мая начались крупнейшие в Европе учения военно-воздушных сил Arctic Challenge Exercise (ACE). В двухнедельных учениях было задействовано более 100 самолётов военно-воздушных сил США, Франции, Великобритании, ФРГ, Испании, Швейцарии, Голландии, Бельгии и Канады. В манёврах участвовали истребители, самолёты-заправщики, самолёты дальнего радиолокационного обнаружения и управления AWACS, вертолёты спасательных подразделений. С 22 по 26 мая их полёты проходили в северных районах Финляндии, Швеции и Норвегии.

После Второй Мировой войны Финляндия придерживалась осторожного сбалансированного курса между Западом и СССР, опасаясь спровоцировать Москву. К тому же, в соответствии с советско-финским договором 1948 года, Финляндия была обязана оказывать вооружённое сопротивление в случае нападения третьей стороны через её территорию на СССР. Всё это в комплексе предопределяло политику Финляндии, в том числе и в военной сфере, где финны также стремились поддерживать сбалансированные отношения, чтобы не дать какой-либо из сторон повод для недовольства. Однако сейчас ситуация стала меняться. «Дебаты о вступлении в НАТО в Финляндии идут уже длительное время. Я по-

лагаю, что вступления в НАТО не произойдёт, однако значения таких формальностей не стоит преувеличивать. Та же Швеция уже сейчас де факто больший союзник НАТО, чем многие формальные члены Альянса, и Финляндию тоже можно считать фактическим союзником НАТО. Финны ведут активную деятельность по интеграции с НАТОвскими структурами и вооружёнными силами. Поэтому никакого нейтралитета Финляндии нет. В случае военной конфронтации НАТО и России, Финляндия вряд ли удержится от военного выступления против России», – сказал автору член общественного совета при Минобороны РФ, директор Центра анализа стратегий и технологий (ЦАСТ) Руслан Пухов.

Кроме усиления военной мощи России, финнам, также как и любым другим народам, не нравится также невоспитанность гостей. Так что, посещая эту скандинавскую страну, будем помнить, что грубость или желание пролезть без очереди в супермаркете, а то и толкнуть кого-то тележкой отнюдь не улучшают имиджа нашей страны в глазах финнов. Впрочем, есть один день в году – 16 мая, когда все финны поголовно становятся хоть немного, а националистами. Этот день, отмечается здесь в память о победе «белофиннов» над «красными» (финскими коммунистами поддерживавшихся Советской Россией в рамках программы раздувания «мирового пожара») в 1918 году. Города и села Суоми в этот день раскрашиваются белыми флагами с синим крестом, проходят военные парады. Финны не забывают былых обид и тысяч жизней унесённых той междоусобицей. Не знаю, по случайному ли стечению обстоятельств, но именно 16 мая все гостиницы поголовно отказывают русским в брони. Хотя все другие дни номера по странному стечению обстоятельств свободны. Ещё один заключительный эпизод поездки заставил задуматься о сложности психологии финнов и их отношения к русским. Когда (акkurat 16 мая) мне потребовалось сдать билет до Москвы, то в двух кассах вокзала Хельсинки сотрудники демонстративно закрыли окошко. А в третьей – мило улыбающаяся женщина попросила билет и поставила на нём штамп «аннулировано». На мой недоумённый вопрос: «Зачем?», она с той же обворожительной улыбкой невозмутимо ответствовала, что «деньги в Москве за билет мне вернут без проблем». Когда же вернувшись в первопрестольную, я протянул этот билет русской кассирше с просьбой вернуть деньги, та всплеснула руками: «Да зачем вы штамп-то поставили!?!». Как выяснилось теперь, деньги за неиспользованный, но аннулированный дружеской финской рукой билет можно будет получить не сразу, а с большими проволочками. Да и то в лучшем случае через полгода.

ХЕЛЬСИНКИ – МОСКВА

Таисия
ДЖАФАРОВА

СТИХИЯ ВОДЫ В «КАЛЕВАЛЕ»

«Калевала» – финский народный эпос, песенные сказания, песенная память финского народа.

Ещё в первой половине XIX века в финских и карельских деревушках можно было встретить вдохновенных песнотворцев, которые играли на кантеле, музыкальном инструменте, избрётённом вещим старцем и певцом Вейно, и под его струны пели руны (руна по-фински и значит песня, или стих), посвящённые подвигам многочисленных героев мифической древности. Именно тогда доктор Элиас Ленрот (1802–1884) стал собирать эти песенные сказания, и, следуя примеру легендарного Гомера, обработал и соединил в одно эпическое повествование о древних героях страны Калевы. Изданная первоначально в 1832 году, в 1849 «Калевала» вышла в дополненном виде. С тех пор «Калевала» – главная классическая книга финского народа, ныне переведённая на многие языки.

За песнями «Калевалы» встаёт языческая сказочная древность, в них высказаны представления о мире, обо всём мироздании, о его живых стихиях, о месте человека среди лесов и вод. Действие финской поэмы происходит в светлой стране Калевале, где живут потомки Калевы. Они сражаются, совершая подвиги, с нечистой тёмной страны Севера Похьола, где всем правит злобная ведьма Лоухи. В подвигах, волшебных превращениях и сказочных событиях «Калевалы» скрыто много таинственного, глубокого знания не только о древнем и природном мире, но и о мире духовном, мистическом, может быть, до сих пор нами не познанном, открытым вещим создателям древних рун. Им, как сказал поэт, была ясна книга природы.

В «Калевале» изображена вся финская жизнь в щедрой северной стране, где множество светящихся прозрачной водой

озёр, где бегут студёные хрустальные реки, рокочут водопады, журчат лесные ручьи, а берега омывает безбрежное пенное море.

Финляндию можно назвать страной воды, по тщательным подсчётам в ней 188 000 больших и малых озёр, 650 рек и 1 100 км морского берега. Поэтому стихия воды в «Калевале» присутствует всюду, переливаясь всеми красками, представляясь самыми разными смыслами и образами. В самом начале поэмы в первой песне или руне появляется дочь воздуха, олицетворяющая творческую силу жизни, которая становится матерью воды. Когда она спускается из воздушной небесной страны, она встречается со стихией моря, на котором ещё нет суши:

*И спустилась вниз девица,
В волны вод она склонилась,
на хребет прозрачный моря,
на свободное течение.
Начал дуть свирепый ветер,
поднялась с востока буря,
Замутилось море пеной,
Поднялись высоко волны...*

Здесь, в водной стихии, на равнинах вод она становится матерью воды, и она же из неё создаёт, творит сушу – и ровный песчаный берег, и крутой, с прибрежными скалами, и подводные утёсы, и тёмные неподвижные глубины. Мать воды создаёт не только землю, но и рождает главного героя поэмы – могучего песнопевца Вейнемейнена.

Так что в «Калевале» источник всего и созидающая сила – вода. Водный пейзаж в ней изображён со всеми подробностями. Вейнемейнен, названный другом потоков, тащит свои сети

*Через бухты, чрез заливы,
По воде спокойной тащит,
Тащит чрез лососы рифы,
Чрез потоки вод Вейноле,
Через рифы Калевалы,
Чрез чернеющие бездны,*

*По бесцветным глубям моря,
По речным водам Юколы...*

Сами герои рождаются из всего земного многообразия, и, конечно, из воды – «Из потоков, полных жизни, // Из волны, шумящей вечно...»

Вода в «Калевале», кроме того, что это исток жизни, ещё и дорога, путь. Один из героев говорит:

*Не хочу я пива дома,
Лучше буду пить я воду,
Пить её вёслом смолёным...*

Морская дорога требует не только дощатого чёлна, украшенного золотом и серебром, оснащённого парусами – красным и синим, но и помощи вышних сил, самих природных стихий, и герой «Калевалы» обращается к ним:

*Ты качай челнок мой, ветер,
Ты гони, волна, кораблик,
Чтобы мне не трогать вёсел
И не бить бы ими воду
На хребте широком моря,
По открытому теченью.*

Но вода может быть и преградой в трудном северном пути, преодолеть которую поможет только волшебство:

*Встретишь реку на дороге,
Ручейчек на тропинке
Мостик шёлковый ты сделай
Из пуникового платочка,
Перекинь через ущелье,
Перебрось его чрез воду,
Через северную реку,
Через пену водопада.*

С водой связаны также силы, дарящие человеку исцеление. Но чтобы они подействовали, нужно произнести имеющие волшебные свойства заклинания, Звучат они очень поэтично:

04 / 2017

*Ты, о мать воды, явися
Из волны, в повязке синей,
Из потока, в мягком платье,
В чистоте из тины выйди,
Мужу слабому защитой,
Мне герою исцеленьем.*

Однако вода может прислать и вражескую силу, и тут звучит другое чародейное заклинание:

*Если ж ты пришёл с потоков,
Пригнан ты сюда водою –
Ты к воде и возвращайся,
Уходи опять в потоки,
К краю тинистого замка,
К водяной горе, к вершине,
Чтоб тебя качали волны...*

Вода может быть не только лечебной, но и вредоносной, губительной. Воспитанный «На дурной воде меж вётел, // На источниках болотных» мальчик был плохо воспитан, общается в поэме и «Приобрёл дурные нравы». Воду также используют, чтобы извести, сжить со свету другого мальчика: его сажают в бочку, которую отпускают плыть по течению.

Недобрые воды легко могут погубить человека, и потому звучат трогательные заклинания матери:

*Защити моих малюток,
Чтобы дождь не повредил им...
Загради тропинки бедствий,
Эти зыбкие болота,
Эти бурные потоки,
Воду, полную движенья
И глубокую пучину...*

А затем следуют материнские пожелания «благих» вод:

*Дай им сладостных потоков,
Дай источников бурливых,
Дай шумящих водопадов,
Дай стремящиеся реки...*

С водой в «Калевале» связан весь мир живой природы, воды населяют самые разные птицы – лебеди, утки, зяблики, чайки, самые разные рыбы. Но в воде присутствуют и другие, волшебные существа, например, такие как Дева рек. Вот один из героев «Калевалы» говорит:

*Водопад, не пенься бурно,
Ты, вода, не колыхайся!
Дева рек, девица пены,
Сядь на камнях среди пучины,
На скале среди шипенья;*

*Захвати ты волны в руки,
Ты нажми прибой руками,
В кулаки сожми ты пену,
Не пускай на грудь нам брызги
И на голову шипенье...*

С подобными речами действующие лица поэмы часто обращаются к воде, ощущая её как живую многообразную силу мироздания, понимая, что водой напоён весь мир, что вода всюду, что вся их человеческая жизнь проходит среди вод и зависит от них.

Водам в «Калевале» даны самые разные эпитеты: святая река и чёрная река, многошумный водопад, бурливый поток, воды могут быть мрачными, глубокими, пенными, бурными, море блестящим, вода в ручье говорит, а ещё, она может быть ледяной водой и чистой водицей. С водой сравниваются даже песни:

*И напевы превосходны;
И текли они, как реки,
Как потоки вод шумели.*

Да и сами песнотворцы рождаются, как правило, среди вод, у рек и озёр.

Вода льётся и с небес – дождём, каплющим из туч, как мёд, поя хлеба в полях и травы в лугах. Вода может быть волшебной целящей водой жизни, но в то же время она показана в «Калевале» и как необходимая составляющая всякого быта. Герой её идёт в баню, купается, «моется, как зяблик»... Люди не могут жить без воды в деревне – «...У берега водица, // Где поплавать любят утки, // Любят водяные птицы».

Отношение к родине в поэме высказано через сравнение с водой:

*Лучше в собственном жилище
Башимаком воды начертать,
Чем в стране чуждой, далёкой
Золотым сосудом мёду.*

С бунтующей стихией воды могут справиться только «три могучих божьих слова», когда они звучат – утихают водопады, смиряются волнующиеся озера, не кипят бурные речные потоки, замирают волны, бившиеся об утёсы и камни в морских заливах.

Но с водой может справиться другая природная стихия – мо-

роз, морозящий даже море. Приходя к побережью он «... сначала заморозил // Ночью бухты и озёра, // Сделал твёрдым берег моря», но самого моря в первую зимнюю ночь не тронул:

*На хребте морском был зяблик,
На волнах там трясогузка:
Когти зяблика не мёрзли,
Голова не цепенела.*

Но на вторую ночь «лёд он сделал выше лося, // Набросал на сажень снегу, // Заморозил лодку...» В «Калевале» это мир полярного севера, там – «снега реки, льда озера», там даже лебеди из снега и ледяные утки, живущие в снеговом потоке. Но выходит из-за камня солнце, и мир полон воды и весенней жизни.

Вода во всех мифологиях, всех народов не только одна из главных составляющих стихий мироздания, из воды, как одной из первооснов всего сущего, возникает наш мир. Вода источник зарождения жизни, в ней разлито женское начало, но без неё не обходится и начало мужское. Вода, по древним представлениям, эквивалент жизненных «соков» человека. Вода – первоэлемент Божьего творения.

Есть финское предание, в котором рассказывается о герое, сразившимся с полярным чудовищем, чтобы вернуть украденное счастье финского народа. Герой победил, но когда он возвращался вместе с отвоёванным счастьем, на него налетели вражеские воины, и, отбиваясь, он уронил счастье, расколовшееся на множество осколков, рассыпавшихся по всей родной земле. Эти осколки счастья – озёра Финляндии.

«Калевала» – книга, в которой получили выражение фундаментальные основы мироощущения финского народа, полна благоговения и уважения к стихии воды. Без неё не мыслима сама страна Суоми, глядящая в небеса тысячами голубооких озёр, хранящих в глубине предания о ещё незамутнённых источниках жизни.

г. ХЕЛЬСИНКИ,
Финляндия

КОГДА СХОДИТЬ ПЛОСКА

Ханну МЯКЕЛЯ

Ханну Мякеля один из любимых современных поэтов финских читателей. В Финляндии он очень известен, и не только как поэт, но и как прозаик, драматург, как яркий детский писатель. Автор не менее ста пятидесяти книг, лауреат многих премий, он недавно удостоен почётного звания академик искусств Финляндии. Его книги переведены на шестнадцать языков. С Россией поэта связывает многолетняя дружба. Особенно большим успехом у русского читателя пользуется его детская книга «Дядюшка Ау» в переводе Эдуарда Успенского. России посвящены его недавние книги – «Россия для взрослых» (2012) и «Ангел Пушкина» (2013).

ГОРОД ПРОПАЦИХ

Среди этих стен многие исчезают, часто теряют имя, зато обретают место. Конечно, забываются лица, здания сносятся, но остаются забегаловки и кафешки, разговоры и звоны кружек – музыка барной стойки. Всегдашнее «варево дня» недорого стоит. Многие находят себя здесь, откуда никому не извлечь их. Пущена по кругу газета дня, все вчитываются в редакторские откровения. Дверь открывается, свежие «новости» входят и уходят
иногда тихо-тихо, как бы в большой печали, Вечер тёмный, словно картина судьбы, когда свет пропадает и начинается ночь, которую пропащие коротают где-то.

ЛОТЕРЕЙНЫЕ БИЛЕТЫ НА ВСЮ МЕЛОЧЬ

Женщина, согнута жизнью в прямой угол, но всё же ковыляет к киоску, покупает лотерейные билеты на всю мелочь. «Если что и выиграешь, куда погрёшь, успеешь потратить», – смеётся она. «Я уже старая», – добавляет зачем-то. Кладёт билеты в карман, берётся за палку, за сумку и по улице снова бредёт куда-то вдоль стены, цепко держа её в поле зрения.

ЧТО ОДНАЖДЫ БЫЛО ВПЕРЕДИ

Иногда няня выведет на улицу – шагаем прямою ровной дорожкой в магазин. И парикмахерша приходит на дом, если есть деньги и надо привести в порядок причёску. Да и телевизор имеется – можно весь мир увидеть. Но мне ничего не надо. И телефон звонит, если только успеешь взять трубку. День с утра ощущается совсем старым. В детстве всё было немного по-другому, будто впереди всегда вьётся радостный ветерок.

ПОКЕР

У карт спрашивают: как жизнь? – автомат всегда отвечает, опусти лишь в него монету – на экране сразу появляются карты, и меняются всё медленнее. С полной горстью жду, но удаётся потратить лишь две монетки. И проигрываю. Стоящие сзади смотрят как ложатся мои карты, ждут с благоговением своей очереди, профессионалы счастья.

КАФЕ ПОД КЛЁНАМИ

Лето приходит всегда не по календарю – пьяняще цветут яблони, томительно пахнет сирень. Играет Шопена девочка, куколка, это молодость. Сияние дней ещё на мгновение задерживается на воде, Затем заполняет комнату от пола до потолка. Кофе стынет. Музыка. Тихо, прозрачно, не высказать словами то, что свет не исчезает. Знобит от этого вида, который раньше возвышал до небес...

ПОСТОРОННИЙ

Идёт мужчина в расхожем костюме, идёт с работы, садится в парке, хватается за бутылку и пьёт, коли ему её сунули в руки. На соседней скамье другой, сохнувший год за годом, утопающий в старой одежде, Но в глазах то же бессловесное выражение, немой вопрос тебе, проходящему мимо. Ускоряешь шаги, быстро стираешь в памяти увиденную картину, не слушаешь, ничего не хочешь знать о них, посторонних.

СУББОТА

Всё так, как мечтается в юности, звучит танго и девушка улыбается, смеётся, и любовь – томление тела и человека. Правда, всё просто. Включённое радио на подоконнике, но та, кто его слушала, отсутствует. Бельё всё ещё белеет во дворе, полонутся простыни на ветру и благоухает кофе на печке с пылающими дровами. Суббота – была – однажды.

ОДНАЖДЫ БЫЛ МОЛОДЫМ

Жизнь жёсткая, скудная, как плата за день, но бывала и щедрее. Помню качели между берёзами: муравьи переползали с листьев на лицо, если задремлешь в полёте. Опускался во сне на землю,

04 / 2017

ударяясь спиной о камень, помню
из этого сна жёсткий пол в чужом городе,
далеко и давным-давно.
Спал я на нём долго, вместо матраса
стелил газеты. Я это помню, помнишь ли ты,
каково было быть молодым?
Тогда я двигался, как сущий зверь,
сам не зная, что полон силы
и воли. Жил в запутанном мире
вместе со всеми, и всё же был преисполнен рвения;
что видел, то и говорил,
и никто с этим не мог ничего поделать.

БЫЛО ДЕТСТВО

Город памяти никогда не разлетается на осколки,
стекло выдерживает удары забвения.
Запах булочки на улице
до сих пор резче любого замаха.
Машина рушит стены,
но дом всё ещё стоит,
я его вижу.
На столе в кухне вращалась юла,
когда не хватало еды.
И всегда, когда выходил наружу,
был двор, а за ним забор,
а за ним раздолье другого двора.
Можно было увидеть далеко-далеко
окно светящееся напротив.

ВВЕРХ

Церкви, которые стояли тогда,
высились в небе.
Башни поднимались выше крыши,
на которую мы взбирались.
До сих пор меня от этой высоты шатает
а также от жизни, которая всегда
приглашает вверх, а опускает вниз.
Узкие лесенки
прочно крепились к стене,
но в них можно было застрять, как кошке,
если бояться.
Как-то, по необходимости,
я всё же возвращался обратно,
но как, не помню. Помню лишь,
что самый маленький из ребят,
не сумевший взобраться по лестнице,
ревел внизу в расстройстве.
Глаза, полные слёз: хотел и не смог
влезть вслед за другими, и только всхлипывал,
когда мы вернулись.
Ведь и он хотел подняться немного выше.

Юрки К. ИХАЛАЙНЕН

Ихалайнен — талантливый поэт, переводчик, журналист, издатель, типограф. Он живёт в городе Тампере, где открыл издательство «Палладиум-книга», в котором все издательские процессы целиком основаны на собственном труде поэта. Он не только сам пишет и переводит, но и выполняет все издательские и типографские работы и сам распродает тираж. Ихалайнен также много путешествует, объездил почти весь мир, совершил восхождение на Гималаи. В 2010 году он стал лауреатом самой престижной поэтической премии Эйно Лейно.

* * *

Три посторонних женщины
приходят ко мне в гости
туда, где я обитаю.
Они одеты так,
словно озабочены неким делом.
Я спешу счистить гарь и сажу
с гнезда плиты
и слушаю одним ухом
про их дела.
Одна из них составляет иск
о принудительном взыскании
в суд Тампере
по моему бракоразводному делу.
Она перебирает ногами
как будто напоминает
недотанцованный танец
молодости.
Другая мне предлагает
стопку печатной продукции, где говорится
о дружбе людей и животных,

о любви небес,
о рае и об одном дне,
который нам всем уготован.
Она очень скромна —
пучок волос и простая юбка.
Ясно, её дело — правое.
Третья гостя ещё скромнее,
чем другие,
в прекраснородном неведении
зачем она здесь
Она пришла из библиотеки Ноккиа
требовать уплаты долга за задержку книг,
и в руках у неё бумага,
видимо, счёт. Я удивлён
всем этим. Я беру их печатную
продукцию, заталкиваю иск и счёт,
и небесные писания в печку,
следом сую дрова
и скручиваю сигарку.

Я ухожу, как рыба, на дно моря.

Позже, вечером,
когда огненный горизонт зажигает
огонь в очаге
мы с библиотечной тётёй
приходим к выводу,
что счёт мне выписан беспричинно.

* * *

Для меня человеческие жизни — мистерии.
Я — довольно простой человек.
Люди расходятся, значит — несчастье.
Путешествие, значит — приключение.
Дети — как их снять с растущего дерева?
Трагическое надвигается медленно,
когда сходит тоска, остаётся голая кость,
из неё можно сделать поющий инструмент.

АПРЕЛЬ

Льды поплыли туда, где наклоняется небо,
чтобы поговорить с морем,
где соприкасаются вода и космос,
где облака, прогибаясь, лежат на прибрежных скалах,
а кости клуш – серебристых чаек –
усеяли тростниковую сушу.

Снег, уносящийся от робкого света, осеняет россыпь
осенних балластов,
опустевшие коробочки семян, где пока ещё скрипит
соль,
а их задевают и режут каменеющие чешуйки моря.

Унылый ветер хлещет высохший остов щуки,
мёртвые стебли шелестят, притворяясь весенней тра-
вою,
дождь смывает на них седую пыльцу берёз.

Это накрапывает мелодия близорукого ожидания апреля.

Сходят льды – и рождаешься ты,
ты услышишь этот зов.

Барабанные перепонки камней не выдерживают,
когда море кричит от радости,
едва солнечные лучи в первый раз пронзают лёд.

Камни съезжают в сторону хлюпающей промёрзлой земли,
которая, пробуждаясь, выталкивает на поверхность семена.

Понемногу лучи вытягивают наружу зелёный свет.

Чайки замечают это издали,
у них весенняя зоркость.

Птихоньку распрямляются прибрежные скалы.

Крылья клуши желтеют и –
от зимы к зиме торосы подтачивают пристань,
увлекая всё дальше в открытое море.

Крадущийся с моря ливень переходит через риф,
тяжёлыми взмахами крыльев серая чайка от волнореза
перелетает к дымчатым облакам,

вода призывает землю отчалить и плыть вместе,
её капли от земли отрывают травы и влекут на скалы
мелкие камни, вращая, к голодным волнам
береговой черты.

Я, молодая женщина, хвоинка в огромном мире,
я и риф, мы обветрены, мы промокли,
с каждым порывом ветра мы что-то теряем, и всё же;

что-то дрожит, но не отрывается, трепещет, но
никогда не отвечает на призыв кочующей воды.

Говори, говори, докажи, что свободен
от этого красным гранитом очерченного космоса,
в который нас забросили

как камешки, летящие из рук маленьких мальчиков.

Бросай кругами в морской залив
всё расширяющееся отражение,
быстро исчезающее изображение чистой формы –
песок уходящий в песок.

Приглашай на музыку в немой фильм,

ищи слова, читая их в глазах,
ищи глаза, находя их в словах.

Кричи, что мы стрекозы в первый день лета,
семнадцатого дня.

Низкий можжевельник, гаги, облепиха,
скалы, отороченные торфяным мхом,
нескончаемый шум старого моря –

лишь этот застывший в глазах пейзаж
останется после меня,

круги от брошенного в воду камня,
пролетающее дугой совершенное счастье.

Енни ХАУКИО

Енни Элина Хаукио – финская поэтесса, автор 3 сборников стихов, а также магистр государственных наук. Уже первый её сборник стихов «Твоя рубашка мелькнула надо мной» получил государственную премию «Руно-Каарина». В центре её поэзии – северная природа, которую автор тонко чувствует, её лирическая героиня как бы сливается с природой, растворяется в ней. На эту же тему поэтесса ведёт колонку в газете «Сеура». В 2012 году она была удостоена премии «Про Анималия» за серию эссе о защите животных. В 2009 году Енни стала женой видного политического деятеля Саули Ниинисто, в 2012 году избранного президентом Финляндии от Коалиционной партии. Енни была в то время руководителем службы информации партии и активно участвовала в избирательной компании. С 2012 года Енни работает руководителем программы международной книжной ярмарки в городе Турку. В 2017 году, в год 100-летия независимости Финляндии, Енни издала антологию финской поэзии «Взгляни на северное небо», сделавшуюся бестселлером. Антологию составили стихи 160 поэтов, – от классиков до малоизвестных современных поэтов. Несмотря на множество забот и ответственных дел, появившихся в связи с её ролью первой леди, Поэзия, которой она была увлечена с детства, по-прежнему занимает центральное место в жизни Енни.

НОКТЮРН

Вечер, женщина и мужчина заводят сети на окуня

морская чайка прячется
под деревянным настилом причала

вытянувшиеся берёзы чахло кивают
на вопросы порывистого ветра

над заливом кружит
одинокий чёрный турпан

Только что выведшаяся стайка трехглых колюшек
пронзает поверхность воды

окно избы индевеет от дыхания любопытной собаки.

Тёплый дым нагревающейся сауны
засыпает рыбаков на землю
вечер оборачивается в зеркальную неподвижную ночь

женщина стаскивает сапоги с ног мужчины

на краю прибрежного тростника
покачивается охмелевшая стрекоза

В ночь Ивана Купалы берёзы словно жалюзи света
ветер шумит в деревьях широких оконных проёмов
занавеси колышутся от врывающихся ночных бабочек.

Лесной зверь плохих снов
обещает тебе беспокойную ночь,
лодки исчезают в пасти нависших грозовых облаков,
противоположные берега убегают
от утомлённых пловцов.

Отправившаяся в ранний перелёт стая морских гусей
Гогочет над избой,
я прижимаю тебя к груди.

Больше ни одной такой ночи,
когда бы я не пришла тебя искать.

Переводы с финского
Таисии ДЖАФАРОВОЙ